

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

ЖУРНАЛ ДЕПАРТАМЕНТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НИУ ВШЭ

ИЗДАЕТСЯ С 2023 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ТОМ 1. №2 (2) 2023

Главный редактор	Леонид Григорьев
Главный редактор	Игорь Макаров
Заместитель главного редактора	Ольга Клочко
Заведующий редакцией	Татьяна Барабанова
Верстка	Наталия Заблоцките
Редакционная коллегия	Сергей Бобылев Ван Вэнь Сергей Васильев Леонид Григорьев Гленн Дизен Марек Домбровский Наталия Иванова Ольга Клочко Валерий Крюков Игорь Макаров Татьяна Радченко Ренато Флореш
Учредитель и издатель:	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Адрес учредителя:	109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
Адрес редакции:	119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д.17, каб. 209
Сайт журнала:	cwejournal.hse.ru

СОДЕРЖАНИЕ

№2(2) 2023

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ЦИКЛА

Гурвич Е.Т.

Неосязаемые факторы финансовых кризисов. Часть 2 6

Во второй части работы рассматривается взаимодействие фундаментальных и неосязаемых источников финансовых кризисов на разных этапах их развития: зарождения, распространения внутри экономики и между странами, принятия антикризисных мер. В качестве одного из рассмотренных механизмов приводится ситуация с ценами на нефть: рост неопределенности экономической политики повышает неопределенность цен на нефть, что, в свою очередь оказывает негативное воздействие на ВВП нефтедобывающих стран, таких как Мексика или Россия. Общие результаты используются для анализа механизмов крупнейших финансовых кризисов последних десятилетий, включая российские, а также Великой Депрессии. Показывается, что во всех случаях кризис становился результатом взаимодействия фундаментальных и неосязаемых факторов, к которым иногда добавлялись политические. В заключение рассматривается макроэкономическая политика российского правительства и Центрального банка в ходе финансовых кризисов 1998, 2008–2009 и 2014–2015 гг., а также изменение этой политики по итогам каждого из кризисов. Перечисляются задачи, которые предстоит решить до потенциальных новых кризисов, и проблемы, требующие скорейшего реагирования, такие как резкий рост геополитической напряженности с начала 2022 года.

Васильев В.С.

Пороговые особенности в исторической эволюции экономики США: уместны ли параллели между рубежом 1930-х – 1940-х годов и современностью? 28

На основе использования метода исторических аналогий анализируется ситуация, сложившаяся в американской экономике и обществе в начале 2020-х годов. Она характеризуется беспрецедентным сочетанием наиболее глубокого после окончания Второй мировой войны экономического кризиса, вызванного коронавирусной пандемией, и острейшими внутриполитическими потрясениями, повлекшими обсуждение в американском обществе перспектив к сползанию страны к гражданской междоусобице. Складывающаяся в США в третьем десятилетии XXI в. ситуация анализируется с представлением о приближении американского общества к пороговому периоду в их историко-экономической эволюции, который может ознаменовать собой коренную трансформацию алгоритма функционирования всех общественных сфер — от технико-экономической до духовно-ценностной. «Пороговые» закономерности и особенности развития американской экономики и общества основаны на скачкообразной форме их дальнейшего функционирования, которые могут «перебросить» США в фундаментально иное качественное измерение. В прошлом США уже проходили подобного рода порог в период 1929–1945 гг., который также подробно проанализирован как создающий эмпирический аналог для понимания особенностей прохождения «второго» порога.

ПРОБЛЕМЫ НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН И РЕГИОНОВ

Бондаренко К.А.

Цикл международной миграции и его влияние на динамику денежных трансфертов	46
---	----

Расширение миграционных процессов, как правило, приводит к росту объемов денежных трансфертов — как отправленных мигрантами на родину своей семье (в страну — донора мигрантов), так и полученных самими мигрантами в стране-реципиенте. В данном исследовании рассмотрена специфика миграционных процессов на двухстороннем уровне (между страной-донором и страной — реципиентом мигрантов) и установлено, что они протекают в рамках трех стадий. Показано, что денежные трансферты имеют нелинейную зависимость от стадий миграции. На первой стадии, когда мигранты принимают решение о миграции и только начинают уезжать, повышается объем отправленных мигрантами переводов на родину, а также увеличивается объем трансфертов в обратном направлении. На второй стадии, когда страна-реципиент становится ключевым пунктом назначения и мигрантская диаспора значительно расширяется, отправленные трансферты растут, а полученные — снижаются или стагнируют. На третьей стадии высокая степень натурализации мигрантов приводит к снижению объемов отправленных трансфертов из-за релокации мигрантских семей, а полученные трансферты, наоборот, растут, на фоне продажи активов на родине. В статье на основании статистики Всемирного банка, ООН и центральных (национальных) банков рассчитаны количественные параметры перехода от одной стадии к другой, исходя из концентрации миграционных потоков из страны-донора и доли мигрантов в общей численности мигрантов страны-реципиента. Дополнительно выявлено, что в отдельных случаях, когда мигранты не ставят своей целью переезд на постоянное место жительства в страну-реципиента, объемы отправленных трансфертов продолжают расти даже при очень высокой концентрации миграционных потоков.

Восканян М.А., Хуришудян С.Е.

Концентрация капитала в глобальной экономике как фактор неравномерного распределения доходов	75
---	----

Проблема неравномерного распределения доходов всегда была актуальной. Данная статья посвящена анализу и оценке уровня концентрации капитала в мире и, как следствие, неравномерного распределения доходов в глобальной экономике и в Армении в частности. В работе показана неравномерность накопления капитала по объемам и на душу населения в ведущих странах мира и в странах постсоветского пространства. Накопленный в отдельных странах капитал позволяет сменить экономические системы и обеспечивать развитие в масштабах, невиданных ранее. В то же время неравномерность накопления увеличивает разрыв между странами, которые владеют капиталом, и странами, которые его лишены. К факторам, усугубляющим проблему концентрации капитала, относится глобализация. Концентрация капитала вследствие создания глобального рынка дала новые возможности для отстающих стран стать полноценной частью мировых экономических процессов. На самом же деле происходит обратный процесс, и выгоду от глобализации получают в основном крупные владельцы капитала. Многие страны остаются вне процесса развития глобальной экономики, и острое неравенство в распределении доходов как внутри отдельных государств, так и на глобальной арене остается нерешенной проблемой. В исследовании были детально рассмотрены теоретические предпосылки усиления концентрации капитала в мире, с выделением положительных и негативных

факторов его воздействия на экономический рост. В работе также рассмотрен пример экономики Армении. Результатом исследования стал вывод о том, что концентрация капитала приводит к неравномерному распределению доходов в мире, но в то же время является ключевым фактором экономического роста во многих странах.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Живалов В.Н., Чимирус Е.С., Алиев Т.М.

Организация тюркских государств: перспективы развития и риски
для Евразийского экономического союза 93

В статье подвергаются анализу этапы развития Организации тюркских государств (ОТГ) как международной организации. Рассматриваются активные консолидирующие действия Турции по налаживанию экономических связей с независимыми государствами Центральной Азии и изучаются основные направления развития международных экономических отношений стран — государств ОТГ. На основе проведенного сбора и анализа информации делается вывод о том, что в нынешней ситуации очевидна заинтересованность стран ОТГ в расширении сфер влияния. Оценивается современное состояние международных экономических взаимоотношений новых евразийских региональных интеграционных объединений — ОТГ и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), появившихся после разрушения единого экономического пространства СССР. В статье раскрыты перспективные направления экономического развития ОТГ, позволяющие рассматривать ее как специфический источник риска для ЕАЭС.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Яковлев П.П.

Экономическое сотрудничество России со странами Латинской Америки
в контексте мирохозяйственных трансформаций 112

Финансово-экономический и торговый разрыв Российской Федерации с Западом должен стимулировать активность отечественного бизнеса на латиноамериканском направлении в русле общего внешнеэкономического разворота на Глобальный Юг. Задача интенсификации связей с Латинской Америкой (или Латино-Карибской Америкой — ЛКА) стоит в повестке дня, но небывалая острота конфликта между Россией и Западом вызвала разнородные последствия, в ряде случаев сузила коридор возможностей по наращиванию хозяйственных обменов РФ с государствами ЛКА. Суть проблемы в том, что введенные Западом системные торговые и финансовые рестрикции привели к разбалансировке международных сырьевых и продовольственных рынков, нарушили логистические цепочки и в некоторых областях поставили Россию и страны Латинской Америки в затруднительное торгово-экономическое положение. Вместе с тем, по мнению автора, и в этой кризисной ситуации есть место не только для сохранения достигнутого уровня российско-латиноамериканского сотрудничества, но и для наращивания взаимовыгодных торгово-экономических связей в новых технологических отраслях.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обзор круглого стола «Санкции против России: последствия
для мировой экономики» 133

Неосязаемые факторы финансовых кризисов. Часть 2

Гурвич Е.Т.

Гурвич Евсей Томович — руководитель Экономической экспертной группы, старший научный сотрудник НИФИ.

Для цитирования: Гурвич Е.Т. Неосязаемые факторы финансовых кризисов // Современная мировая экономика. Том 1. № 2 (2). 2023.

Ключевые слова: финансовый кризис, самосбывающиеся прогнозы, индикаторы неопределенности, кризисное заражение, российская антикризисная политика.

Аннотация

Во второй части работы рассматривается взаимодействие фундаментальных и неосязаемых источников финансовых кризисов на разных этапах их развития: зарождения, распространения внутри экономики и между странами, принятия антикризисных мер. В качестве одного из рассмотренных механизмов приводится ситуация с ценами на нефть: рост неопределенности экономической политики повышает неопределенность цен на нефть, что, в свою очередь оказывает негативное воздействие на ВВП нефтедобывающих стран, таких как Мексика или Россия.

Общие результаты используются для анализа механизмов крупнейших финансовых кризисов последних десятилетий, включая российские, а также Великой Депрессии. Показывается, что во всех случаях кризис становился результатом взаимодействия фундаментальных и неосязаемых факторов, к которым иногда добавлялись политические.

В заключение рассматривается макроэкономическая политика российского правительства и Центрального банка в ходе финансовых кризисов 1998, 2008–2009 и 2014–2015 гг., а также изменение этой политики по итогам каждого из кризисов. Перечисляются задачи, которые предстоит решить до потенциальных новых кризисов, и проблемы, требующие скорейшего реагирования, такие как резкий рост геополитической напряженности с начала 2022 года.

Начало статьи читайте в предыдущем номере журнала «Современная мировая экономика»

Роль неосязаемых факторов в механизмах финансовых кризисов

Если обобщить теоретические и эмпирические работы по анализу кризисов, то можно выделить три основных элемента их формирования и развития: а) источник кризиса, б) его распространение (сначала в пределах одной экономики, затем за счет «заражения» других стран), в) ответные меры правительства и центрального банка (которые могут иметь краткосрочные позитивные результаты, но затем средне- и долгосрочные негативные последствия).

Часть ключевых кризисных механизмов является общей для нескольких (или всех) их видов, другие относятся только к определенным разновидностям ФК. С учетом этого внутри каждого этапа мы будем рассматривать наиболее важные механизмы и каналы кризисной динамики, отмечая категории кризисов, для которых они характерны.

Источники кризиса

Первоначальный толчок развитию кризиса может быть дан внутренним или внешним шоком, например, резким ухудшением условий торговли (для России — падением цен на нефть), «сдуванием пузыря» (на рынке недвижимости или другом) и т.д. Уже на этом примере можно видеть сочетание роли фундаментальных и неосязаемых факторов. С одной стороны, важным результатом негативных шоков становится усиление макроэкономических диспропорций: дефицита счета текущих операций и/или бюджета, что создает предпосылки для последующего кризиса (см. Allen et al. 2002). С другой стороны, ухудшаются прогнозы и ожидания инвесторов, и поэтому растет риск развития самосбывающегося валютного или долгового кризиса. Другой ключевой источник кризисов — формирование кредитного бума либо финансовых «пузырей», как показано выше, также во многом может возникать под действием неосязаемых факторов.

Наблюдения за развитием новых кризисных ситуаций и углубленный анализ ранее прошедших кризисов стимулировали разработку ряда динамических версий классических моделей, приближающих нас к пониманию реальных механизмов ФК. Относительно простое развитие предлагает Gumus (2016). Если стандартные модели первого поколения предсказывают неизбежную спекулятивную атаку на валюту при монетарном финансировании хронического дефицита бюджета, то в данной работе рассматривается ситуация, когда дефицит лишь может с некоторой вероятностью возникнуть в перспективе. Показано, что достаточным основанием для спекулятивной атаки здесь служит сама возможность будущего дефицита, даже если он фактически не возникает.

Далее, можно отметить предложенную Lorenzoni, Werning (2019) модель «медленного долгового кризиса», представляющую собой динамическую версию модели Calvo (1988). В ней правительство на каждом шаге проводит заимствования, необходимые для покрытия бюджетного дефицита. Как и в статическом случае,

существует несколько самосбывающихся равновесий: в частности, ожидания дефолта ведут к росту процентных ставок, что ускоряет процесс накопления государственного долга и в конце концов вызывает дефолт. Corsetti, Maeng (2023) показали, что два источника самосбывающихся долговых кризисов («стратегический дефолт», как в модели Calvo, и «кризис ликвидности», как у Cole, Kehoe (2000)) тесно взаимосвязаны и по сути могут представлять собой разные фазы развития кризиса. При среднем уровне накопленного долга его величина постепенно нарастает в рамках механизма «медленного кризиса», а затем, когда долг превышает приемлемый для инвесторов порог, правительство теряет возможность рефинансировать свои обязательства на рынке капитала и, даже оставаясь платежеспособным, вынуждено объявить дефолт (т.е. происходит «быстрый» кризис ликвидности).

Другая динамическая модель самосбывающегося долгового кризиса предложена в Ayres et al. (2018). Она описывает процесс формирования доходности облигаций в результате взаимодействия заемщика — государства и частных инвесторов. Показывается, что равновесная доходность зависит как от фундаментального фактора — долгового бремени правительства, так и от ожиданий инвесторов. Их негативные ожидания становятся самореализуемыми, но вероятность пессимистических ожиданий растет при высоком уровне госдолга. В результате на долговом рынке возникает множественность равновесных уровней доходности. Данная модель позволяет объяснить несколько парадоксальных кризисных ситуаций. Одна относится к периоду долгового кризиса в Аргентине в 1998–2002 гг., накануне которого государственный долг был невысоким по международным меркам (порядка 40% ВВП), но, несмотря на это, спред по долларовым облигациям правительства по отношению к облигациям США достигал 7 процентных пунктов (п.п.). Вторая возникла в Италии, Испании и некоторых других странах еврозоны в 2009–2012 гг., когда спреды облигаций этих стран резко выросли от практически нулевых значений до 5 п.п. В рамках модели могут возникать эндогенные изменения ожиданий инвесторов, что хорошо объясняет наблюдавшиеся после «Великой рецессии» резкие колебания доходности облигаций стран еврозоны.

Важный источник самосбывающихся кризисов представлен в работе Tamborini (2015), также претендующей на описание механизма долгового кризиса западноевропейских стран в 2009–2012 гг. Его источником в рамках данной модели служит отсутствие достоверных оценок перспектив таких стран, в результате чего инвесторы формируют собственные, различающиеся между собой представления о величине первичного профицита, гарантирующего платежеспособность оказавшихся под ударом стран. Показано, что если достаточно большая часть инвесторов считает ту или иную страну неплатежеспособной, то правительство со временем будет вынуждено объявить дефолт, даже если изначально страна была платежеспособной. Далее, в работе Stangebye (2020) рассмотрен самосбывающийся кризис, вызванный «шоком ожиданий». В этом случае ухудшение по каким-то причинам оценок и прогнозов будущего состояния экономики вызывает повышение стоимости заимствований, а рациональная реакция суверена на это состоит в увеличении объема заимствований и повышении частоты дефолта. В итоге при тех же фундаментальных показателях более пессимистические ожидания увеличивают вероятность кризиса.

Еще один правдоподобный сценарий развития долгового кризиса описывают Conesa, Kehoe (2017). В их модели рассматривается государство, которое, испытав падение бюджетных доходов, выбирает между сокращением расходов (повышением налогов) и увеличением заимствований. Первый вариант является болезненным для экономики, но позволяет сохранить доступность долгового рынка, второй дает возможность поддержать государственное и частное потребление и не усугублять спад экономики повышением налогов, но требует изыскания дополнительных источников финансирования. При определенных условиях (например, если правительство верит в скорое восстановление доходов) последнее соображение перевешивает, и тогда рациональное решение состоит в наращивании долга в расчете на его последующее погашение при наступлении «лучших времен». Если инвесторы верят в скорое наступление «лучших времен», то кризис не происходит, если не верят — после исчерпания резервов правительству приходится объявить дефолт. Таким образом, в этой модели «игры на разорение» источником самосбывающегося кризиса служит неопределенность будущих бюджетных доходов страны.

Распространение кризиса

Наряду с широко известными механизмами передачи от страны к стране финансовых шоков (торговыми, финансовыми и др.) важную роль в распространении кризисов играет и «заражение» шоками неопределенности. Анализ показывает, что шоки экономической неопределенности передаются между странами и негативно воздействуют на производство «зараженной» страны. Такое заражение происходит по многим каналам (торговому, финансовому, информационному и другим), среди которых наибольший вклад вносит торговый. Один из важных общих механизмов связан с финансовой глобализацией: так, повышение неопределенности в США приводит к снижению кредитного рычага в странах-партнерах (в особенности это относится к формирующимся рынкам). В результате в большинстве стран растет премия за риск, падает стоимость активов и выпуск (Akinci, Kalemli-Özcan, Queralto 2022; Bhattarai, Chatterjee, Park, 2020). Негативное влияние неопределенности в крупнейших экономиках на другие страны является статистически значимым и достаточно весомым. Например, согласно Moramarco (2022), международное распространение НЭУ почти удваивает уровень неопределенности: в среднем «импортируемая» неопределенность составляет примерно 40% от ее уровня в стране. По оценкам Londono, Ma, Wilson (2021), изменения изучаемого в этой работе индикатора неопределенности определяли примерно 28% последующей вариации промышленного производства (оказывая особенно большое воздействие на выпуск торгуемой продукции).

Эффект «заражения» неопределенностью экономических условий в основном зависит от связей между страной — источником неопределенности и страной-реципиентом и близостью между ними (территориальной, структурой экономики). Однако если говорить о неопределенности экономической политики, то наиболее сильные эффекты возникают при росте НЭП крупнейших экономических и финансовых центров — США, Европы и Китая. Так, по оценкам экспертов МВФ, вли-

яние НЭП на объем выпуска, инвестиции и частное потребление в среднем на 2/3 объясняется изменениями уровня неопределенности в трех этих экономиках (См.: Biljanovska N., Grigoli F., Hengge M. *Fear thy neighbor: Spillovers from economic policy uncertainty* // *Review of International Economics*, 2021, vol. 29, issue 2.).

Антикризисные меры

В период острого кризиса наиболее серьезные меры неизменно связаны со смягчением денежной и бюджетной политики. Так, в период пандемии для финансирования антикризисных расходов развитые страны всего за один 2020 год нарастили госдолг сразу на 19 п.п. ВВП, в целом же по всем странам долг увеличился на 24 трлн долларов. Здесь возникает несколько взаимосвязанных вопросов: 1. Эффективны ли стимулирующие макроэкономические меры? 2. До каких пределов можно наращивать бюджетные расходы и смягчать денежную политику без риска вызвать новую дестабилизацию (фактически кризис второго порядка)?

Безусловно, антикризисные программы существенно смягчили недавние масштабные кризисы (в 2008–2009 и в 2020 гг.). Однако в обоих случаях это было достигнуто за счет создания отложенных проблем — разгона инфляции, опасного увеличения во многих странах бюджетного дефицита и госдолга. Поэтому важно определить, можно ли было достичь тех же целей при меньших размерах антикризисных мер. С этой точки зрения важнейшую роль играют неосязаемые факторы. Прежде всего, ответы на оба поставленных выше вопроса во многом зависят от уровня доверия к фискальной и монетарной политике властей. Уверенность в том, что правительство и ЦБ не отступят от объявленных правил и целей, существенно смягчает негативные последствия антикризисных программ: например, если экономические агенты доверяют ЦБ, то временное смягчение денежной политики не вызывает немедленного всплеска инфляции. Если говорить о бюджетной политике, то доверие можно рассматривать как эквивалент «фискального пространства», т.е. запаса прочности в виде невысокого дефицита и госдолга и/или накопленных в резервном фонде средств.

Другой, не менее важный момент состоит в том, что повышенный уровень неопределенности (всегда возникающий в условиях кризиса) значительно снижает эффективность практически всех мер экономической политики. Bloom (2009) отмечает, что неопределенность делает экономику нечувствительной к большинству макроэкономических воздействий, поскольку в такой ситуации возникают основания воздерживаться от любых немедленных действий. В результате экономическая активность реагирует на монетарные стимулы значительно слабее, а прирост инвестиций в ответ на монетарные шоки в период, когда неопределенность находится в верхнем дециле, оказывается в 2–5 раз ниже чем при неопределенности на уровне нижнего дециля (Aastveit, Natvik, Sola 2017). Эти выводы поддерживают и работа Castelnuovo, Pellegrino (2018). Jerow, Wolff (2022) показывает значимое (эконометрически и экономически) снижение величины фискальных мультипликаторов, характеризующих влияние госрасходов на ВВП, в периоды высокой неопределенности.

К еще более неожиданному выводу приходят Belke, Goemans (2022). Построив по квартальным данным США за 1960–2017 гг. нелинейную обобщенную функцию импульсных откликов, они получили парадоксальные результаты: в условиях высокой неопределенности стимулирующее воздействие госрасходов на производство может не просто ослабляться, но менять знак — дополнительные расходы тогда снижают выпуск.

Роль неосязаемых факторов на примере отдельных кризисов

Эконометрические оценки роли кризисных механизмов

В ряде работ делались попытки определить ведущий механизм развития тех или иных кризисов с помощью эконометрического анализа (Jeanne 1997, Tarashev 2004 и др.). В рамках этого направления, в частности, показано (Cuarema, Slacik 2008), что в разные периоды преобладающие механизмы валютных кризисов менялись. В 1980-е годы решающую роль играли фундаментальные факторы (значительный дефицит счета текущих операций, хронически высокая инфляция, завышенный обменный курс и т.д.). В отличие от этого, в кризисах 1990-х годов, судя по результатам, большее значение имели механизмы самосбывающихся ожиданий, тогда как роль традиционно важных факторов — таких как форсированное кредитование, бюджетный дефицит — серьезно снизилась. Подобные тесты применялись также для анализа отдельных рассматриваемых ниже кризисов.

Далее в настоящем разделе такой вопрос рассматривается применительно к ряду конкретных кризисных эпизодов.

Великая Депрессия

Несмотря на то, что события Великой депрессии (ВД) в США детально изучались множеством экономистов, единый взгляд на ее причины все еще не достигнут. Согласно наиболее распространенной версии, ведущей причиной этого знаменитого кризиса послужила излишне жесткая политика ФРС на начальной стадии ВД. Однако ряд авторов (Greasley, Madsen 2006, Mathy 2020) считает, что механизм был запущен последовательным действием нескольких факторов, включавших:

- биржевой бум;
- ошибочную и непоследовательную монетарную политику;
- резкий рост неопределенности (о чем свидетельствует взлет волатильности фондовых индексов).

Все это вызвало обвал инвестиций в основной капитал, зафиксированный в начале ВД, который в конечном итоге и стал главной непосредственной причиной кризиса и в значительной мере объяснялся возникшей экономической неопределенностью. Matty (2020) прослеживает воздействие неопределенности (измеряемой четырьмя разными способами) на основные показатели экономической активности: промышленное производство, занятость и число отработанных часов. В результате он приходит к выводу, что порядка трети спада выпуска определялось шоками волатильности фондового рынка, а совместное воздействие всех шоков не-

определенности по своему влиянию на производство не уступало эффекту ошибок монетарной политики. Влияние неопределенности на занятость и отработанные часы было столь же значительным.

Мексиканский финансовый кризис 1994 года

«Текила-кризис» был удивителен тем, что произошел на фоне очевидных успехов в макроэкономической стабилизации: в период с 1988-го по 1993 г. инфляция в Мексике упала со 159% до 8%, уменьшился бюджетный дефицит. Замедление инфляции во многом было достигнуто благодаря фиксации обменного курса песо к доллару (позже фиксированный курс был заменен валютным коридором). Повышение стабильности плюс ожидаемое вступление в действие с 1994 года Североамериканской зоны свободной торговли (NAFTA) обеспечили активный приток в Мексику иностранной валюты и рост ВВП.

Однако в начале 1994 г. серьезная политическая дестабилизация в стране привела к развороту потоков капитала и быстрому сокращению международных резервов, что создало серьезное давление на курс песо в условиях значительного дефицита счета текущих операций. С другой стороны, практически до момента девальвации спреды квазивалютных (привязанных к курсу доллара) гособлигаций и разница между доходностью облигаций в национальной и иностранной валютах оставались стабильными, что указывает на сохранение доверия инвесторов и к кредитоспособности правительства, и к песо. Тем не менее, 20 декабря 2004 г. правительство пошло на значительное (на 15%) расширение валютного коридора, и почти сразу после этого было объявлено о переходе в режим плавающего обменного курса. В результате за две последние недели 1994 года курс доллара подскочил почти на 60%, а за следующий год — еще примерно на 45%.

Анализируя последовательность событий, предшествовавших «Текила-кризису», ряд авторитетных экономистов приходит к выводу, что главной его причиной стало резкое падение доверия инвесторов к готовности государства защищать фиксированный обменный курс. Правда, соглашаясь, что роль фундаментальных показателей в «Текила-кризисе» была ограниченной, они расходятся в том, что именно вызвало перемену настроений и ожиданий инвесторов. Masson, Agenor (1996) считают, что «спусковым крючком» кризиса стало расширение валютного коридора, которое могло восприниматься инвесторами как сигнал о том, что недавно избранный президент, вопреки ожиданиям, не считает приоритетом сохранение прежней курсовой политики. Sachs, Tornell, Velasco (1996) полагают, что толчок кризису был дан резким падением ВВП, подкрепляя свою позицию моделью самосбывающегося валютного кризиса. В этой модели государство на каждом этапе стоит перед выбором — провести девальвацию или сохранить обменный курс. Девальвация подразумевает инфляцию и частичное обесценение госдолга, но надолго подрывает доверие инвесторов, тогда как сохранение обменного курса требует средств для погашения прежнего долга и финансирования бюджетного дефицита. Источником таких средств может служить размещение облигаций, повышение налогов либо получение кредита от правительства за счет продажи части валютных резервов. Инвесторы действуют независимо друг от

друга, исходя из своих ожиданий относительно будущих решений государства. Как и в других аналогичных моделях, при высоком (низком) долге существует единственное равновесие, в котором инвесторы ожидают (не ожидают) девальвацию, и она происходит (не происходит). В промежуточных ситуациях ожидания не связаны с фундаментальными условиями, поэтому возникает множественность равновесий, кризис становится самосбывающимся. В данной модели ЗВР по сути взаимозаменяемы с долгом, поэтому авторы полагают, что падение резервов перевело экономику из ситуации «нет девальвации» в состояние «девальвация определяется ожиданиями инвесторов».

Как представляется, объяснение «загадки “Текила-кризиса”» (неожиданного и резкого переключения настроений инвесторов от полного доверия до панического бегства от песо) должно соединять обе приведенные версии. В полное описание основного механизма кризиса необходимо тогда включить три звена: (1) Резкий рост политической нестабильности в начале 1994 г. ведет к масштабному оттоку капитала; (2) Быстрое падение ЗВР в результате оттока капитала переводит ситуацию на рынке суверенного валютного долга из однозначно стабильной в зону самосбывающихся ожиданий, однако сами ожидания не меняются; (3) Решение правительства расширить валютный коридор выполняет роль негативного сигнала, синхронизирующего изменение ожиданий инвесторов. В целом мексиканский кризис 1994 г. можно считать образцом «кризиса ожиданий».

Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг.

Кризис, начавшийся в середине 1997 г., отличался комплексным характером (валютный и банковский), охватил большую группу стран, механизмы его возникновения и развития сочетали множество взаимно дополняющих элементов, а последствия оказались серьезными и многочисленными. Все это делает рассматриваемое событие идеальным объектом, практически учебным пособием по изучению финансовых кризисов.

А. Предпосылки. К 1997 году регион подошел с прекрасными экономическими показателями: так, в четырех странах, которые вскоре наиболее сильно пострадали в ходе кризиса (Индонезия, Малайзия, Таиланд и Южная Корея), за 10 предшествующих лет ВВП в среднем рос почти на 9% в год. При этом все страны региона имели сбалансированные или даже профицитные бюджеты, тем самым они были защищены от стандартных валютных кризисов, описываемых моделями первого поколения.

Однако при этом, как часто бывает при длительном динамичном росте, в регионе начался кредитный бум, сопровождавшийся надуванием «пузырей» на фондовом рынке и рынке недвижимости (как показано выше, это служит типичным предвестником близкого финансового кризиса). Другой важной слабостью служил большой дефицит счета текущих операций, особенно значительный у Таиланда (в 1996 г. он составлял 8% ВВП). В итоге явные успехи сочетались с серьезными макроэкономическими слабостями. Немаловажную роль сыграла также быстрая и недостаточно подготовленная финансовая либерализация, результатом чего стала высокая уязвимость азиатских экономик к негативным шокам.

В. Валютные кризисы. В 1997 г. во всех странах региона начались банкротства крупных компаний или «сдувание» пузырей — прежде всего, на рынке недвижимости. Наиболее слабым звеном оказался Таиланд, где бат в середине года стал жертвой спекулятивной атаки. В итоге курс доллара к бату к концу года взлетел почти вдвое, следом за чем валютный кризис распространился на остальные страны региона. За второе полугодие 1997 года курс доллара по отношению к корейской воне и индонезийской рупии вырос на 90%, к малазийскому ринггиту — на 54%. Представляется, что наиболее вероятным механизмом этих массовых девальваций стала цепочка: негативные сигналы рынков — изменение настроений инвесторов — самосбывающиеся валютные кризисы (Radelet, Sachs 1998, Suh J.-H. 2001). При этом, как показывают специальные тесты (Miyao 2004), кризисный механизм существенно различался по странам. В Таиланде, имевшем наиболее серьезные макроэкономические слабости (прежде всего дефицит внешнего счета и переоцененная недвижимость), ведущую роль сыграли фундаментальные проблемы. В других странах региона, где макроэкономическая ситуация была намного лучше, кризис носил самосбывающийся характер, т.е. основной причиной стало изменение настроений инвесторов.

С. Распространение кризиса. Сразу после валютного кризиса в Таиланде инвесторы, руководствуясь «принципом аналогии», стали выводить капитал и из других стран региона, что быстро расширило кризисную территорию. К этому добавилось распространение кризиса по обычным каналам финансовых и торговых связей, которое охватило не только ближайшие, но и достаточно далекие от Восточной Азии страны. Одним из следствий стало падение цен на нефть из-за ухудшения прогнозов роста мировой экономики, которое в свою очередь вызвало российский финансовый кризис 1998 года.

Далее кризис перекинулся на банковский сектор, после чего кредитование реального сектора резко упало, с тяжелыми последствиями для производства. Особенно резкий спад ВВП в 1998 г. был зафиксирован в Индонезии (более 13%), в Таиланде и Малайзии он составил примерно 7,5%, в Южной Корее — около 5%.

Комплексный характер Азиатского кризиса (как по охвату секторов финансовой системы, так и по разнообразию кризисных механизмов) демонстрирует, что предотвращение финансовых кризисов требует устранения всех потенциальных его источников и всех путей распространения.

Российский финансовый кризис 1998 г.

А. Предшествующая ситуация. В 1995–1996 гг. в основном завершился переход от централизованно управляемой к рыночной экономике, одновременно были достигнуты первые успехи в макроэкономической стабилизации. По всем признакам в 1997 г. должен был произойти поворот к быстрому восстановлению экономической активности. Действительно, после глубокого пятилетнего спада ВВП начал расти (на 1,4% по итогам года). Бюджетный дефицит все еще оставался очень большим (по данным официальной статистики, его величина для федерального бюджета составила в 1997 г. 4% ВВП, по международной ме-

тодике он был еще больше — 7,4% ВВП¹), однако — важное достижение — он уже финансировался за счет рыночных заимствований, а не сеньоража. Благодаря этому, а также фиксации курса рубля удалось вдвое снизить инфляцию (до 11%). Как результат — повышение оптимизма инвесторов, о чем свидетельствует быстрое падение доходности ГКО (с 35% в реальном выражении в конце 1996 г. до 8% в июле–октябре 1997 г.).

В. Внешние шоки. Начавшийся в середине 1997 г. Азиатский финансовый кризис, как обычно в таких случаях, вызвал ухудшение отношения инвесторов к формирующимся рынкам. Еще важнее стало серьезное падение цен на нефть с начала 1998 г. (на 36% к соответствующему периоду прошлого года в январе и затем в целом по итогам года). В результате стоимость экспорта углеводородов (составлявшего половину всего товарного экспорта) упала на четверть, а курс рубля серьезно отошел от своего уровня, соответствующего фундаментальным условиям.

С. Политика правительства и ЦБ. Центральный банк оказался перед выбором: пойти на серьезную девальвацию рубля или защищать его всеми средствами. Очевидно, что при ограниченности ЗВР фактический курс без поддержки инвесторов мог сохраняться лишь очень короткое время. В силу этого правильный выбор критически зависел от того, как долго продлится кризис платежного баланса, и, еще важнее, какой длительности ожидают экономические агенты. ЦБ решил действовать, исходя из оптимистических предположений о скором восстановлении цен на нефть (официально объявленная позиция состояла в том, что восстановление условий торговли ожидается не позже чем через 3–4 месяца). С 1 ноября 1998 г. ЦБ скорректировал границы валютного коридора вверх и расширил их (в результате предельный курс доллара повысился на 15%), однако, отказался от более серьезной девальвации или перехода на плавающий курс. За таким решением стояли опасения нанести серьезный удар по банковской системе, имевшей значительный дисбаланс между валютными активами и обязательствами, но проблема состояла в том, что оптимистические ожидания ЦБ не разделялись инвесторами, которые были уверены, что цены на нефть будут достаточно долго оставаться низкими, поэтому избавлялись от рублевых активов. Растущее давление на рубль поначалу сдерживалось за счет продажи ЗВР, однако начавшееся их сокращение могло дополнительно подорвать доверие к российской валюте, поэтому вскоре ЦБ перешел к политике защиты обменного курса с помощью повышения стоимости денег. Ставка рефинансирования последовательно повышалась, достигнув в мае 1998 г. (хотя и ненадолго) запредельного уровня 150% (по сравнению с 21% осенью 1997 г.). Соответственно росла доходность облигаций ГКО (до 55% в мае 1998 г. и 81% в июле 1998 г.), и вместе с ней — реальная стоимость обслуживания государственного долга.

Правительство тем временем пыталось повысить налогообложение для сокращения размеров дефицита, но Дума не приняла такое предложение. После этого основные усилия были направлены на замещение дорогих краткосрочных внутренних заимствований «дешевыми» долгосрочными внешними и на получение кредитов МВФ для восстановления доверия инвесторов.

¹ Григорьев 1998.

Д. Механизмы. В российскую экономическую историю кризис 1998 г. вошел прежде всего как долговой («дефолт»). Представляется, однако, что с точки зрения механизма его развития правильнее было бы говорить о двух неразрывно взаимосвязанных кризисах. Среди экономистов широко принят термин «парный кризис» (twin crises), обозначающий сочетание банковского и валютного кризисов². По аналогии с этим в российском случае можно говорить о «двойном» (чтобы отличить от «парного») кризисе, сочетающем валютный и долговой.

Как отмечают Гурвич, Андрияков (2006), несмотря на резкое повышение в первом полугодии 1998 г. доходности рублевых гособлигаций, процентные ставки на сопоставимые валютные облигации возросли сравнительно незначительно: с 8–9% до 9–12%. При этом доля нерезидентов на рынке ГКО, также как номинальная стоимость ГКО/ОФЗ в долларовом выражении в портфеле нерезидентов росли в течение всего кризисного периода. Это позволяет сказать, что, вопреки распространенному мнению, инвесторы не опасались дефолта правительства, но ожидали значительной девальвации рубля — вполне естественно в условиях резкого падения экспортных доходов страны. Высокая доходность рублевых облигаций отражала девальвационные ожидания (при меньшей доходности облигаций они становились непривлекательными по сравнению с активами в других валютах). При этом правительство не имело возможности существенно снизить заимствования, поскольку, с одной стороны, должно было финансировать бюджетный дефицит, а с другой — рефинансировать значительные (в силу преобладания краткосрочного долга) объемы ранее выпущенных облигаций. Вплоть до августа 1998 г. месячные объемы погашения ГКО превышали суммарные доходы федерального бюджета.

Если рассматривать развитие российского финансового кризиса через призму кризисных моделей, то наиболее близко, как представляется, он описывается двумя:

- «Медленный кризис» (постепенно растет стоимость заимствований для правительства, вслед за этим — процентные расходы, что увеличивает дефицит и т.д.).
- «Игра на разорение» (правительство надеется на скорое восстановление «нормальных» условий, инвесторы оценивают ситуацию более пессимистически). Российское правительство рассчитывало, что сможет переждать период дешевой нефти, но у него не хватило для этого валютных резервов. Эта ситуация иллюстрирует, насколько правительству опасно начинать подобную игру против инвесторов, не имея на руках серьезных козырей в виде бюджетных и валютных резервов.

Е. Загадка. Вопрос, на который по-прежнему нет ясного ответа: почему «дефолт» произошел немедленно после получения в июле и начале августа кредитов от МВФ и других международных организаций на сумму более 6 млрд долл. Вопреки ожиданиям эта поддержка не только не привела к смягчению кризиса, но скорее приблизила развязку, которая наступила почти немедленно после получения кредитов. В других случаях (например, после объявления ЕЦБ о программе

² Известные примеры — «Текила-кризис», Азиатский кризис 1997 г., турецкий финансовый кризис 2000–2001 г. и др.

«прямых денежных операций») результат оказывался обратным: доверие инвесторов восстанавливалось и кризис удавалось предотвратить.

Гурвич, Андряков (2006) выдвинули предположение, что получение кредита МВФ привело в действие механизм, аналогичный банковской панике: если вкладчики ожидают, что банк вскоре не сможет рассчитываться по вкладам, они торопятся снять вклады раньше остальных, пока ликвидность банка не иссякла. По всей вероятности, сумма кредита, по оценкам инвесторов, была недостаточна для полной защиты рубля от девальвации.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что финансовый кризис в России определялся сочетанием ряда фундаментальных слабостей экономики (большой бюджетный дефицит, высокая зависимость от сырьевого экспорта, слабости банковской системы) с крайне негибкой (по разным причинам) макроэкономической политикой: ЦБ не стал приводить обменный курс в соответствие с ожиданиями инвесторов, правительство не имело возможности ни снизить бюджетный дефицит, ни сократить заимствования на рынке ГКО. В итоге возникло серьезное расхождение курсовых ожиданий инвесторов и правительства (за которым стояли разные предположения о будущей динамике цен на нефть). Фактически прогноз правительства был даже более точным: через год после «дефолта» цены на нефть вернулись к среднему уровню 1997 года, после чего еще многократно выросли. Данный случай показывает, что в «игре на разорение» близость к ожиданиям инвесторов и наличие достаточных резервов важнее чем правильность ожиданий.

Международный финансовый кризис 2008 г.

Главной особенностью самого крупного финансового кризиса после Великой Депрессии (благодаря чему он получил «почетное» неформальное название Великая Рецессия) представляется удивительное несоответствие между незначительностью исходного события — проблем на рынке субстандартного ипотечного кредитования США — и колоссальными масштабами потрясений, испытанных мировой финансовой системой, а затем и всей мировой экономикой. Потребовалось время для того чтобы перейти от лежащих на поверхности объяснений этого кризиса к выявлению его глубинных корней. Разумеется, кризисный механизм включал большое количество дополняющих и связанных между собой факторов, тем не менее в некоторых работах была сделана попытка выявить первичные, наиболее глубокие из них.

Анализ влияния широкого набора из 200 переменных на производство, рынок труда и другие ключевые макроэкономические показатели США в 2007–2009 гг. показал, что кризисный спад производства в основном определялся двумя группами факторов: нарушением работы финансовой системы и повышенной неопределенностью (Stock, Watson 2012). Ведущую роль ухудшения финансовых условий и неопределенности подтверждают и другие работы. Так, Caldara et al (2016) рассматривали в качестве характеристики финансовых шоков предложенный Gilchrist, Zakrajsek (2012) показатель «дополнительной доходности корпоративных облигаций», показывающий изменение среднего по представительной выборке спреда корпоративных облигаций по сравнению с безрисковыми гособлигациями

с аналогичными графиками выплат. При этом неопределенность описывалась шестью индикаторами разного типа, включая волатильность фондового рынка, неопределенность экономической политики, расхождение между макроэкономическими прогнозами экспертов и другие. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы о влиянии рассматриваемых факторов на экономическую активность и финансовые рынки США в период Великой рецессии:

1. Финансовые шоки оказывали значительное негативное действие на промышленное производство и фондовые индексы.
2. Все шесть индикаторов неопределенности демонстрировали негативное влияние на эти же показатели, однако, существенно улучшал точность описания по сравнению с использованием только финансовых шоков лишь один индикатор — разработанный Jurado (2015).
3. В сумме финансовые шоки и неопределенность по Jurado (2015) практически полностью объясняли падение промышленного производства и фондовых индексов, наблюдавшееся в ходе Великой рецессии.
4. Влияние этих двух факторов было примерно одинаковым.
5. Влияние неопределенности на экономику особенно велико в периоды тяжелых финансовых условий (иными словами, финансовые стрессы и шоки неопределенности имеют синергетический негативный эффект).

Подводя итог, можно сделать вывод, что возросшая неопределенность объясняла примерно половину негативных последствий Великой рецессии в США.

Финансовые кризисы и эволюция российской макроэкономической политики

Проведенное рассмотрение, а также анализ факторов, демонстрирующих наиболее тесную связь с последующим наступлением кризиса, позволяет выделить следующие основные механизмы и условия развития финансовых кризисов.

- A. Существенные макроэкономические диспропорции (значительный дефицит бюджета или счета текущих операций, избыточный госдолг, преобладание в нем краткосрочных или внешних заимствований, завышенный обменный курс и т.п.).
- B. Несостоятельная макроэкономическая политика (такая, как финансируемый за счет сеньоража бюджетный дефицит).
- C. Кредитные бумы и финансовые пузыри.
- D. Шоки условий торговли.
- E. Внешнее «заражение».
- F. Самосбывающиеся негативные ожидания инвесторов (включая панику).
- G. Негативные шоки неопределенности.
- H. Негибкие макроэкономические механизмы (например, фиксированный обменный курс, не реагирующий на внешние шоки или изменение настроений инвесторов).
- I. Низкое доверие к проводимой правительством (центральным банком) бюджетной (денежно-кредитной) политике.

Ж. Неопределенность экономической политики.

К. Низкий запас бюджетных или валютных резервов.

Л. Слабости банковской системы (например, несбалансированность валютных активов и обязательств).

Как правило кризис возникает при сочетании некоторых из «активных источников» (пункты А–Г) с какими-то «благоприятными условиями» (Н–Л). Соответственно, задача предотвращения финансового кризиса состоит в устранении как источников, так и условий для его развития. Принципиальный момент состоит в том, что если в моделях существуют значения фундаментальных показателей, при которых невозможен кризис самосбывающихся ожиданий, то в реальной жизни одновременно действует несколько потенциальных каналов развития кризиса, поэтому невозможно обеспечить полную защищенность страны усилением позиций по отдельным направлениям. В частности, сильные фундаментальные показатели не могут компенсировать проводимую в стране несостоятельную макроэкономическую политику, а доверие инвесторов не может защитить от кризиса при слабых фундаментальных показателях. Сказанное подтверждается многими рассмотренными выше кейсами, а также последствиями международного кризиса 2008–2009 гг. для России.

Сосредоточимся далее на проблемах российской антикризисной политики. Какие из перечисленных механизмов играли значимую роль в крупнейших российских финансовых кризисах последнего времени? В период с 1998-го по 2019 г. российская экономика испытала три серьезных финансовых кризиса: в 1998, 2008–2009 и 2014–2015 гг.³ Во всех трех случаях исходным шоком служило резкое падение цен на нефть. При этом во всех случаях период от начала спада ВВП до его завершения занимал около года. В Таблице 3 на с. 19 приведены масштабы внешнего шока и основные экономические последствия кризиса в пределах четырех кварталов кризисного спада.

Таблица 3. Размеры нефтяного шока, испытанного российской экономикой, и последствий кризиса

	1-4 кв. 1998	3 кв. 2008 – 2 кв. 2009	3 кв. 2014 – 2 кв. 2015
Изменение цен на Юралс*	-44%	-50%	-42%
Спад ВВП*	-9,1%	-11,2%	-3,1%
Размах колебаний курса долл. за период**	246%	52%	105%

* Последний квартал кризисного периода к последнему кварталу перед началом кризиса

** Максимальное изменение в кризисный период

Согласно проведенному выше анализу кризиса 1998 года, к значимым элементам его общего механизма относились пункты А, С, G, Н, I, К. С учетом анализа, содержащегося в Гурвич, Прилепский (2010), Гурвич (2016), к существенным эле-

³ Кризис 2020 г. имел не экономическую первопричину, т.е. не вполне сопоставим с остальными, поэтому не включается в наш краткий сравнительный анализ.

ментам кризиса 2008–2009 гг. можно отнести пункты С, D, H, I, а третьего кризиса — только пункт H (шок условий торговли). Постепенное устранение потенциальных источников кризиса позволило снизить размеры кризисного спада ВВП.

Сравнение условий, в которых российская экономика находилась накануне трех этих кризисов, и их последствий показывает, что правительство и Банк России извлекли серьезные уроки и внесли в свою политику ряд изменений, которые сделали экономику менее уязвимой для новых шоков. Кратко перечислим изменения, которые вносились в макроэкономическую политику после каждого из кризисов.

1999–2008 гг.

- Всего за два года проведена бюджетная консолидация, причем за счет сокращения госрасходов, а не повышения налогов: расходы российской бюджетной системы по данным МВФ упали с 39,7% в 1998 г. до 30,7 % ВВП в 2000 г. (т.е. на 9 процентных пунктов!). Вместо дефицита в 7,4% ВВП консолидированный бюджет был исполнен с профицитом 3,1% ВВП. В дальнейшем лишь один раз (в год Великой Рецессии) бюджет имел дефицит выше 4% ВВП, в среднем же за 2000–2022 гг. бюджетный баланс был положителен, составляя 0,9% ВВП.
- Введены бюджетные правила, защищающие экономику от колебаний внешней конъюнктуры. Это достигается за счет накопления излишков нефтегазовых доходов бюджета при высоких ценах на нефть в Стабилизационном (позже Резервном) фонде и их использовании при низких ценах. Правда, бюджетные правила претерпели многочисленные изменения, и в кризисные периоды их применение несколько раз приостанавливалось.
- Повышена гибкость курсовой политики: режим валютного коридора заменен на управляемое плавание.
- Размеры госдолга существенно снижены (с 51,5% ВВП в конце 1997 г. до всего 8,0% ВВП на конец 2007 г.)⁴,
- Накоплены значительные бюджетные и валютные резервы.

В начале международного финансового кризиса 2008 г. казалось, что Россия имеет все шансы оказаться «тихой гаванью» посреди кризисной бури. В реальности экономика испытала глубокий спад (на 7,8% в 2009 г.), войдя в выборке из 172 стран в десятку худших по критерию спада ВВП по сравнению с докризисной траекторией (Гурвич, Прилепский 2010). Главной причиной этого представляется все еще низкая гибкость курсовой политики в первые месяцы кризиса: несмотря на трехкратное падение цен на нефть в августе–декабре 2008 г., ЦБ все это время сдерживал ослабление рубля. Это помогло банкам дешево купить валюту и защитить свои балансы от потерь при последующей девальвации рубля. Но оборотной стороной подобной политики стало кредитное сжатие из-за взлета «альтернативной стоимости» денег. Как и в 1998 г., инвесторы ожидали последующей девальвации. В результате в декабре 2008 г. расчетная доходность шестимесечных фьючерсных контрактов на поставку долларов составляла 29% годовых — в таких условиях ставка кредитования реального

⁴ По данным МВФ.

сектора не могла быть ниже этой доходности практически безрисковых спекулятивных операций. Трудно судить, насколько велики были риски банковской системы, но негативное воздействие курсовой политики ЦБ на производство явно было значительным — неудивительно, что именно в рамках второго кризиса был зафиксирован наибольший спад производства. По сути, несмотря на изменение режима, курсовая политика была аналогична проводившейся в ходе первого кризиса: ЦБ искусственно поддерживал курс, не соответствовавший условиям торговли (Гурвич 2016). Кроме того, Банк России потерял за кризисный год треть (почти 200 млрд долл.) своих золотовалютных резервов. Отметим также, что правительство не только покрыло за счет Резервного фонда весь недобор бюджетных доходов, но и значительно увеличило расходы. Однако профицит бюджета не обеспечил доверия инвесторов, и цели были достигнуты только за счет расходования ЗВР и Резервного фонда.

2009–2014 гг.

- Центральный банк объявил о постепенном переходе к политике плавающего валютного курса и таргетирования инфляции (переход был завершен в ноябре 2014 г.).
- Правительство скорректировало бюджетное правило, благодаря чему консолидированный бюджет исполнялся с профицитом или небольшим (в пределах 1% ВВП) дефицитом.
- Постепенно вводились стандарты Базель II, повышающие стабильность банковской системы.

В 2014 г. против России были введены финансовые и секторальные санкции, а в августе 2014 г. началось резкое падение цен на нефть, в итоге которого всего за 6 месяцев нефть подешевела более чем вдвое. Однако проводимая макроэкономическая политика на этот раз радикально отличалась по сравнению с предыдущими кризисными периодами. В целом можно охарактеризовать эволюцию макроэкономической политики в кризисные периоды следующим образом. В 1998 г. правительство пыталось, несмотря на резкое падение цен на нефть, сохранить неизменными основные макроэкономические показатели (обменный курс, размеры бюджетного дефицита). В 2008–2009 гг. правительство и Банк России преследовали схожие цели, но принципиальная разница состояла в том, что они имели большой «запас прочности» — профицит бюджета, положительное сальдо счета текущих операций, большие резервы.

В 2014–2015 гг. власти следовали совершенно другому подходу. Вместо попыток сохранять неизменными макроэкономические параметры, несмотря на кардинальное изменение фундаментальных условий, они поставили задачу как можно быстрее перейти к новому равновесию, соответствующему новым условиям. Такой подход обеспечил значительно большее доверие инвесторов, что, как показано выше, отразилось в умеренном по сравнению с предыдущими кризисами спаде ВВП.

В целом за период после 1998 г. макроэкономическая политика стала значительно более зрелой: она стала сочетать поддержание достаточного «фискального

пространства» с гибкостью, ее цели и подходы активно доводятся до инвесторов. Как правительство, так и Банк России лишь в чрезвычайных обстоятельствах отступают от объявленных ориентиров политики, тем самым повышая эффективность принимаемых ими мер. При этом, правда, остается нерешенной проблема сохраняющейся зависимости экономики от экспорта углеводородов.

Начало специальной военной операции в 2022 году и волны последующих экономических санкций значительно повысили неопределенность экономических условий и политики (иллюстрацией этого могут служить приведенные выше оценки геополитической неопределенности). При этом, однако, резко уменьшилась открытость российских финансовых рынков для трансграничных операций, что не способствует экономическому росту, но (при прочих равных) снижает вероятность кризиса. Таким образом, одним из приоритетов российской экономической политики должно стать восстановление доверия к политике Минфина и ЦБ и снижение возросшей неопределенности.

Выводы

Для предотвращения потенциальных финансовых кризисов и смягчения последствий кризисов в случае их возникновения критически важно учитывать роль неосязаемых факторов. Фундаментальные и неосязаемые факторы дополняют и усиливают друг друга, при этом особенно сильный эффект возникает при сочетании финансовых шоков с ростом неопределенности. Ниже сформулированы некоторые уроки из проведенного выше анализа.

- Доверие инвесторов к политике правительства и ЦБ не менее важно для предотвращения ФК, чем улучшение фундаментальных показателей экономики.
- Это, в частности, требует от властей систематического проведения последовательной, прозрачной и предсказуемой политики, минимизации дискреционных мер.
- Важную роль в повышении доверия может играть введение и строгое выполнение бюджетных правил, правил монетарной политики, разработка долгосрочных макроэкономических прогнозов и т.п.
- Центральный банк должен предотвращать «кредитные бумы» и «пузыри» (часто возникающие в периоды мягкой денежной политики), как наиболее типичные источники финансовых кризисов.
- При повышенных кризисных рисках в число приоритетов должна включаться защита экономики от внешнего заражения. Необходимо также по возможности не создавать дополнительные внутренние источники неопределенности экономических условий и экономической политики.
- Сильные фундаментальные показатели важны не только как «запас макроэкономической прочности», но и как сигнал инвесторам о бесперспективности спекулятивных атак.
- Ключевую роль для профилактики кризисов и адаптации к ним играет гибкость макроэкономической политики (МП): использование автомати-

ческих стабилизаторов и возможность быстрого реагирования на внешние и внутренние шоки.

- При планировании антикризисных мер нельзя забывать о том, что эффективность МП критически зависит от уровня неопределенности и доверия экономических агентов. В условиях высокой неопределенности действие любых мер поддержки экономики резко ослабляется.
- Следует прилагать все усилия для координации МП с оценками и ожиданиями инвесторов. Проведение в кризисный период политики, идущей вразрез с ожиданиями инвесторов, крайне опасно даже при наличии значительных фискальных и валютных резервов и тем более при их ограниченности (как это было в 1998 г. в России).
- Необходимо создание широкого набора индикаторов, характеризующих важнейшие неосязаемые факторы, и мониторинг на их основе состояния неопределенности экономических условий, экономической политики, доверия экономических агентов и т.п. Ухудшение таких показателей должно служить основанием для оперативного принятия серьезных ответных мер.

Библиография

Григорьев Л., Иващенко А. Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 10. С 31–55.

Гурвич Е.Т., Андрияков А.Д. Механизмы российского финансового кризиса // Экономика и математические методы. 2006. Том 42. № 2.

Гурвич Е., Прилепский И. Чем определялась глубина спада в кризисный период? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. №8. С 55–79.

Гурвич Е.Т. Эволюция российской макроэкономической политики в трех кризисах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. №1. С. 174–181.

Обзор экономической политики России за 1997 год / Григорьев Л.М. (ред.). Бюро экономического анализа, 1998.

Прилепский И. В. Построение индикаторов макроэкономической неопределенности для России // Вопросы экономики. 2022. №9. С. 34–52.

Федорова Е., Мусиенко С., Федоров Ф. Индекс политической неопределенности для российской экономики: текстовый анализ // Экономическая наука современной России. 2019. № 2. С. 52–64. Режим доступа: [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-2\(85\)-52-64](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-2(85)-52-64).

Aastveit K., Natvik G., Sola S. Economic uncertainty and the influence of monetary policy // Journal of International Money and Finance. 2017. Vol. 76. P. 50–67.

Ahir H., Bloom N., Furceri D. The World Uncertainty Index. NBER Working Paper 29763. 2012.

Akinci O., Kalemli-Özcan S., Queralto A. Uncertainty Shocks, Capital Flows, and International Risk Spillovers. NBER Working Paper. 2022. No w30026.

Alessandri P., Bottero M. Bank lending in uncertain times // European Economic Review. 2020. Vol. 128. Issue C.

- Alexopoulos M., Cohen J. The power of print: Uncertainty shocks, markets, and the economy // *International Review of Economics and Finance*. 2015. 40. P. 8–28.
- Allen M., Rosenberg C., Keller C. et al. A Balance Sheet Approach to Financial Crisis. IMF Working Paper. 2002. No 02/210.
- Altig D., Barrero J., Bloom N. et al. Surveying business uncertainty // *Journal of Econometrics*. 2022. Vol. 231. Issue 1. P. 282–303.
- Anzuini A., Rossi L., Tommasino P. Fiscal policy uncertainty and the business cycle: Time series evidence from Italy // *Journal of Macroeconomics*. 2020. Vol. 65, 103238.
- Ayres J., Navarro G., Nicolini J., Teles P. Sovereign default: The role of expectations // *Journal of Economic Theory*. 2018. Vol. 175. P. 803–812.
- Bahmani-Oskooee M., Harvey H., Niroomand F. On the Impact of Policy Uncertainty on Oil Prices: An Asymmetry Analysis // *IJFS*. 2018. Vol. 6. Issue 1.
- Baker S., Bloom N., Davis S. Measuring Economic Policy Uncertainty // *The Quarterly Journal of Economics*. 2016. 131(4). Pp 1593–1636.
- Baker S., Bloom N., Davis D., Terry S. COVID-Induced Economic Uncertainty. NBER Working Papers 26983. 2020.
- Bauer M. Monetary Policy and Interest Rate Uncertainty. Federal Reserve Board San Francisco Economic Letter. 2012. 2012–38.
- Beaudry P., Willems T. On the Macroeconomic Consequences of Over-Optimism // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2022. Vol. 14. No 1. Jan. Pp 38–59.
- Beckmann J., Czudaj R. Fiscal policy uncertainty and its effects on the real // *Oxford Economic Papers*. 2021. Vol. 73. Issue 4. Pp. 1516–1535.
- Belke A., Goemans P. Uncertainty and nonlinear macroeconomic effects of fiscal policy in the US: a SEIVAR-based analysis // *Journal of Economic Studies*. 2022. Vol. 49 (4). P. 623–646.
- Berger T., Richter J., Wong B. A unified approach for jointly estimating the business and financial cycle, and the role of financial factors // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2022. Vol. 136. March.
- Bernanke B. The real effects of disrupted credit: evidence from the global financial crisis // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2018. No 2. Pp 251–342.
- Bhattarai S., Chatterjee A., Park W. Global spillover effects of us uncertainty // *Journal of Monetary Economics*. 2020. No 114. Pp 71–89.
- Bloom N. The Impact of Uncertainty Shocks // *Econometrica*. 2009. No 77. Pp 623–689.
- Bloom N. Fluctuations in Uncertainty // *Journal of Economic Perspectives*. 2014. Vol. 28. No 2. Pp 153–176.
- Brunnermeier M., Rother S., Schnabel I. Asset Price Bubbles and Systemic Risk // *Review of Financial Studies*. 2020. Vol. 33. Issue 9. Pp 4272–4317.
- Caldara D., Fuentes-Albero C., Gilchrist S., Zakrajšek S. The macroeconomic impact of financial and uncertainty shocks // *European Economic Review*. 2016. Vol. 88. Pp 185–207.
- Caldara D., Iacoviello M., Molligo P. et al. The economic effects of trade policy uncertainty // *Journal of Monetary Economics*. 2020. Vol. 109. Pp 38–59.
- Caldara D., Iacoviello M. Measuring Geopolitical Risk // *American Economic Review*. 2022. Vol. 112. No 4. Pp 1194–1225.

- Calvo G. Servicing the Public Debt: The Role of Expectations // *American Economic Review*. 1988. Vol. 78. No 4. Pp 647–661.
- Carrière-Swallow Y., Marzluft J. Macrofinancial Causes of Optimism in Growth Forecasts. 2021. IMF Working Paper WP/21/275.
- Castelnuovo E., Pellegrino G. Uncertainty-dependent effects of monetary policy shocks: A new-Keynesian interpretation // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2018. Vol. 93, 277-296.
- Cerra V., Fatas A., Saxena S. Hysteresis and Business Cycles // *Journal of Economic Literature*. 2023. Vol. 61. No 1. Pp 181-225.
- Chen W., Mrkaic M., Nabar M. The Global Economic Recovery 10 Years After the 2008 Financial Crisis. IMF Working Papers WP/19/83. 2019.
- Claessens S., Kose M., Terrones M. The Global Financial Crisis: How Similar? How Different? How Costly? // *Journal of Asian Economics*. 2010. Vol. 21. No 3, pp. 247-264.
- Claessens S., Kose A. Financial Crises: Explanations, Types, and Implications. IMF Working Papers WP/13/28. 2013.
- Claveria O. Measuring and assessing economic uncertainty. IREA Working Papers 202011. University of Barcelona, 2020.
- Cole H., Kehoe T. Self-Fulfilling Debt Crises // *Review of Economic Studies*. 2000. Vol. 67. Issue 1. Pp 91-116.
- Conesa J., Kehoe T. Gambling for redemption and self-fulfilling debt crises // *Economic Theory*. 2017. Vol. 64. No (4). Pp 707-740.
- Corsetti G., Maeng S. Debt crises, fast and slow. Robert Schuman Centre for Advanced Studies, Research Paper No. 2023/15. 2023.
- Cuaresma J., Slacik T. Determinants of Currency Crises: A Conflict of Generations? // *Focus on European Economic Integration*. 2008. Issue 1. Pp 126-141.
- David A., Veronesi P. A Survey of Alternative Measures of Macroeconomic Uncertainty: Which Measures Forecast Real Variables and Explain Fluctuations in Asset Volatilities Better? // *Annual Review of Financial Economics*. 2022. Vol. 14. Issue 1. Pp 439-463.
- Dell’Ariccia G., Igan D., Laeven L. Credit Booms and Lending Standards: Evidence from the Subprime Mortgage Market // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2012. Vol. 44. No 2-3. Pp 367-384.
- Diamond D. W., Dybvig P. H. Bank runs, deposit insurance, and liquidity // *Journal of Political Economy*. 1983. Vol. 91. No 3.
- Draghi M. Introductory statement to the press conference, Frankfurt, 6 September 2012. Режим доступа: www.ecb.europa.eu/press/pressconf/2012/html/is120906.en.html.
- Drehmann M., Juselius M., Korinek A. Going with the flows: New borrowing, debt service and the transmission of credit booms. NBER Working Paper 24549. 2018.
- End N., Hong G. Trust What You Hear: Policy Communication, Expectations, and Fiscal Credibility. IMF Working Paper No. 2022/036. 2022.
- Ennis H., Keister T. On the Fundamental Reasons for Bank Fragility // *Economic Quarterly*. 2010. Vol. 96. No 1. Pp 33–58.
- Flood R., Garber P. Collapsing Exchange-Rate Regimes: Some Linear Examples // *Journal of International Economics*. 1984. Vol. 17. Pp 1-13.

- Furceri D., Zdzienicka A. How Costly Are Debt Crises? // *Journal of International Money and Finance*. 2012. Vol. 31. No 4. Pp 726–742.
- Gilchrist S., Zakrajsek E. Credit Spreads and Business Cycle Fluctuations // *American Economic Review*. 2012. No 102. Pp 1692–1720.
- Greasley D., Madsen J. Investment and Uncertainty: Precipitating the Great Depression in the United States // *Economica*. 2006. Vol. 73. No 291. Pp 393–412.
- Greenwood R., Hanson S., Shleifer A., Sorensen J. Predictable Financial Crises // *The Journal of Finance*. 2022. Vol. 77. Issue 2. Pp 863–921.
- Gumus I. Fiscal Uncertainty and Currency Crises // *Review of Development Economics*. 2016. Vol. 20. Issue 3. Pp 637–650.
- Handley K., Limao N. Trade Policy Uncertainty // *Annual Review of Economics*. 2022. Vol. 14. Pp 363–395.
- Husted L., Rogers J., Sun B. Monetary policy uncertainty // *Journal of Monetary Economics*. 2020. Vol. 115, Pp 20–36.
- Jackson L., Kevin L. Owyang M. The Nonlinear Effects of Uncertainty Shocks. Working Papers 2018-035. Federal Reserve Bank of St. Louis, 2018.
- Jeanne O. Are currency crises self-fulfilling? A test // *Journal of International Economics*. 1997. Vol. 43. No 3–4. Pp 263–286.
- Jerow S., Wolff J. Fiscal policy and uncertainty // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2022. Vol. 145. 104559.
- Jimenez G., Ongena S., Peydró J.-L., Saurina J. Hazardous times for monetary policy: What do twenty-three million bank loans say about the effects of monetary policy on credit risk-taking? // *Econometrica*. 2014. No 82. Pp 463–505.
- Jurado K., Ludvigson S., Ng S. Measuring Uncertainty // *American Economic Review*. 2015. No 105. Pp 1177–1216.
- Kang W., Ratti R., Vespignani J. Impact of global uncertainty on the global economy and large developed and developing economies // *Applied Economics*. 2020. Vol. 52. Issue 22.
- Knight F. Risk, Uncertainty, and Profit. New York: Houghton Mifflin, 1921.
- Krugman P. A Model of Balance-of-Payments Crises // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1979. Vol. 11. No 3. Pp 311–25.
- Leblang D., Satyanath S. Politically generated uncertainty and currency crises: Theory, tests, and forecasts // *Journal of International Money and Finance*. 2008. Vol. 27. No 3. Pp 480–497.
- Londono J., Ma S., Wilson B. The Global Transmission of Real Economic Uncertainty. International Finance Discussion Papers 1317. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System, 2021.
- Lorenzoni G., Werning I. Slow Moving Debt Crises // *American Economic Review*. 2019. Vol. 109. No 9.
- McKinnon R., Pill H. Credible liberalizations and international capital flows: the ‘overborrowing syndrome’ // *Financial Deregulation and Integration in East Asia* / Ito T., Krueger A.O. (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Masson P., Agenor P.-R. The Mexican Peso Crisis: Overview and Analysis of Credibility Factors. IMF Working Paper No. 1996/006. 1996.

- Mathy G. How much did uncertainty shocks matter in the Great Depression? // *Cliometrica. Journal of Historical Economics and Econometric History*, 2020. Vol. 14. Issue 2. Pp 283-323.
- Meinen P., Roehe O. On measuring uncertainty and its impact on investment: Cross-country evidence from the euro area // *European Economic Review*. 2017. Vol. 92. Pp 161-179.
- Miyao R. Economic Fundamentals or Financial Panic? An Empirical Study on the Origins of the Asian Crisis. Discussion Paper Series 151. Research Institute for Economics & Business Administration, Kobe University. 2004.
- Moramarco G. Measuring Global Macroeconomic Uncertainty and Cross-Country Uncertainty Spillovers // *Econometrics*. 2023. Vol. 11. No 2.
- Nguyen T. Economic policy uncertainty: The probability and duration of economic recessions in major European Union countries // *Research in International Business and Finance*. 2022. Vol. 62. Issue C.
- Obstfeld M. Rational and self-fulfilling balance-of-payments crises // *American Economic Review*. 1986. Vol. 76. No 1. Pp 72-81.
- Obstfeld M. Models of currency crises with self-fulfilling features // *European Economic Review*. 1996. Vol. 40. Issues 3–5. Pp 1037-1047.
- Radelet S., Sachs J. The East Asian financial crisis: Diagnosis, remedies, prospects. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1998. No 1.
- Reinhart C., Rogoff K. This time is Different: A Panoramic View of Eight Centuries of Financial Crises. NBER Working Paper 13882. 2008.
- Richter B., Zimmermann K. The Profit-Credit Cycle // SSRN. 2019 (<https://ssrn.com/abstract=3292166>).
- Sachs J., Tornell A., Velasco A. The Mexican peso crisis: Sudden death or death foretold? // *Journal of International Economics*. 1996. 41. No P. 265-283.
- Scherbina A., Schlusche B. Asset price bubbles: A survey // *Quantitative Finance*. 2014. No 14. P. 589-604.
- Smiech S., Papiez M., Rubaszek M., Snarska M. The Role of Oil Price Uncertainty Shocks on Oil-Exporting Countries // *Energy Economics*. 2021. Vol. 93.
- Stangebye Z. Beliefs and long-maturity sovereign debt // *Journal of International Economics*. 2020. Volume 127, 103381.
- Stock J., Watson M. Disentangling the Channels of the 2007–2009 Recession. NBER Working Paper 18094. 2012.
- Sufi A., Taylor A. Financial crises: A survey. NBER Working Paper 29155. 2021.
- Suh J.-H. Self-fulfilling feature of the currency crisis in Korea // *The Korean Economic Review*. 2001. Vol. 17. No 1. P. 25-40.
- Tamborini R. Heterogeneous Market Beliefs, Fundamentals and the Sovereign Debt Crisis in the Eurozone // *Economica*. 2015. Vol. 82. P. 1153–1176.
- Tarashev N. Are speculative attacks triggered by sunspots? A new test. BIS Working Papers No 166. 2004.
- Xiong W. Bubbles, crises, and heterogeneous beliefs. NBER Working Paper 18905. 2013.

Пороговые особенности в исторической эволюции экономики США: уместны ли параллели между рубежом 1930-х – 1940-х годов и современностью?

Васильев В.С.

Васильев Владимир Сергеевич — д.э.н., главный научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

ORCID: 0000-0003-3131-9500

Для цитирования: Васильев В.С. Пороговые особенности в исторической эволюции экономики США: уместны ли параллели между рубежом 1930-х – 1940-х годов и современностью // Современная мировая экономика. Том 1. 2023. № 2 (2).

Ключевые слова: экономический порог, Великая депрессия, Вторая мировая война, stagflation, научно-техническая революция.

В основу статьи положен доклад, представленный на XXIV Ясинскую (Апрельскую) международную научную конференцию НИУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, прошедшую 4–14 апреля 2023 г. в Москве.

Аннотация

На основе использования метода исторических аналогий анализируется ситуация, сложившаяся в американской экономике и обществе в начале 2020-х годов. Она характеризуется беспрецедентным сочетанием наиболее глубокого после окончания Второй мировой войны экономического кризиса, вызванного коронавирусной пандемией, и острейшими внутриполитическими потрясениями, повлекшими обсуждение в американском обществе перспектив к сползанию страны к гражданской междоусобице. Складывающаяся в США в третьем десятилетии XXI в. ситуация анализируется с представлением о приближении американского общества к пороговому периоду в их историко-экономической эволюции, который может ознаменовать собой коренную трансформацию алгоритма функционирования всех общественных сфер — от технико-экономической до духовно-ценностной. «Пороговые» закономерности и особенности развития

американской экономики и общества основаны на скачкообразной форме их дальнейшего функционирования, которые могут «перебросить» США в фундаментально иное качественное измерение. В прошлом США уже проходили подобного рода порог в период 1929–1945 гг., который также подробно проанализирован как создающий эмпирический аналог для понимания особенностей прохождения «второго» порога.

Введение: качественные скачки в развитии экономических систем

В широкой исторической эволюции экономической системы США, как, впрочем, и любой крупной высокоразвитой экономики мира, можно выявить две основные модели. В рамках первой формы поступательное развитие экономической системы осуществляется сравнительно медленно в ходе длительного периода сравнительно устойчивых темпов экономического роста, предопределяющих плавное повышение «угла» траектории перехода от прежнего к новому научно-технологическому укладу. В рамках второй модели поступательное развитие экономической системы происходит скачкообразно, предопределяя крутую траекторию перехода от одного состояния социально-экономической системы к другому. В свою очередь крутая траектория перехода от исходного положения социально-экономической системы в качественно иное состояние фактически означает сравнительно быстрый по историческим меркам переход в иное пространственно-временное измерение, что предполагает глубокие преобразования качественного характера практически всех параметров социально-экономической и политической системы.

Современное моделирование скачкообразной формы перехода от прежнего к качественно новому измерению состояния социально-экономической системы имплицитно основано на предлагаемом нами представлении о существовании порога на траектории исторической эволюции общественной системы, который выступает в роли своеобразного барьера на пути ее последовательно-поступательного развития.

Порог в общественном развитии мы определяем как двухфазовый переход от исходного состояния социальной системы в ее фундаментально новое измерение, характеризующееся качественной трансформацией большинства параметров социально-экономического и политического развития. Первая фаза порогового состояния общественной системы — это период синхронного нарастания стагнационных явлений в ее развитии и характеризуется замедлением темпов экономического роста и научно-технического прогресса вплоть до наступления состояния длительного экономического кризиса и экономической депрессии, резким обострением политических противоречий вплоть до возникновения серьезного гражданского противостояния, фундаментальным сдвигом в системе ценностной ориентации общества, создающим ощущение наступающей коренной трансформации всей системы общественных связей и взаимоотношений.

Вторая фаза может быть охарактеризована как переход общества в сравнительно короткий период качественно нового состояния, окончание которого знаменует формирование системы принципиально новых устойчивых факторов поступательного общественного развития, основанных на качественно ином научно-технологическом укладе и новых пространственно-временных координатах. Преодоление стагнационной фазы, как правило, осуществляется скачкообразно, после чего социально-экономическая система выходит на принципиально новую траекторию своего развития в широком смысле этого слова.

В качестве конкретной иллюстрации существования порога и пороговых закономерностей в общественном развитии приводится интерпретационная модель особенностей и специфики развития США в период 1929–1945 гг., который и трактуется как период прохождения американским обществом порога общественного развития. Историческое развитие США в период с 1929 по 1945 гг. может быть представлено в виде двух взаимообусловленных фаз: 1) периода Великой депрессии 1929–1939 гг. и 2) периода подготовки и участия во Второй мировой войне с 1939-го по 1945 г. В течение 1929–1939 гг., в период Великой депрессии, ВВП США, измеряемый в текущих ценах, в ходе экономического кризиса 1929–1933 гг. сократился примерно на 45,0% — со 105 млрд долл. до 57,2 млрд долл., а затем медленно восстанавливался, и на уровень 1929 г. он вышел только в 1940 г., когда его величина составила 103,0 млрд долларов. После начала Второй мировой войны в сентябре 1939 г. США стали наращивать свои военные расходы, начав процесс постепенной конверсии гражданской экономики в военную, а вступление США в войну в декабре 1941 г. и создание полномасштабной военной экономики в конечном итоге привело к тому, что в 1945 г., т. е. на момент окончания Второй мировой войны, ВВП США достиг рекордной отметки в 228,0 млрд. долл., т. е. увеличился по сравнению с 1940 г. в беспрецедентные 2,2 раза (Bureau of Economic Analysis. Table 1.1.5). Модель развития экономики США в период 1929–1945 гг. отражена на рисунке 1 на с. 30.

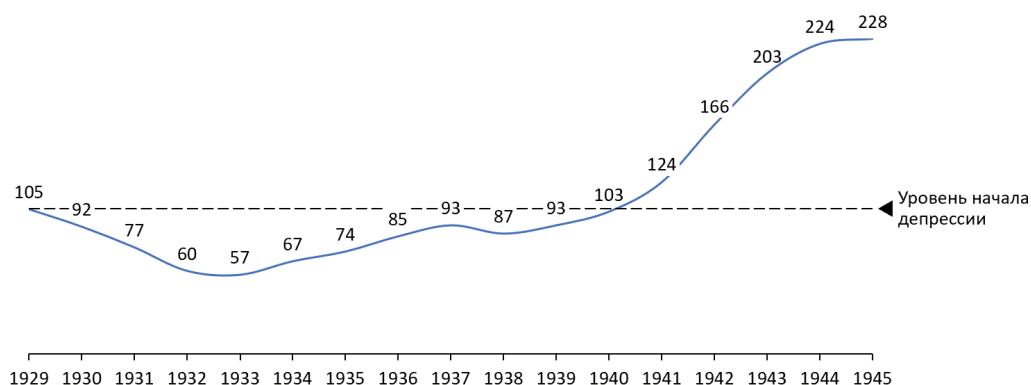

Рисунок 1. Модель развития экономики США в период 1929–1945 гг. (динамика изменения ВВП в млрд долл.).

Источник: Bureau of Economic Analysis. Table 1.1.5.

Рисунок 1 дает наглядное представление о специфике и форме порога, который США преодолели в 1929–1945 гг. Великая депрессия и стагнация в динамике изменения ВВП однозначно указывают на наличие мощного барьера на пути поступательного развития экономической системы американского общества — первая фаза. А рост ВВП в период 1940–1945 гг. является наглядной иллюстрацией практической возможности для экономики совершить «скачок» в течение сравнительно короткого исторического отрезка времени, естественно, при радикальном изменении внешних и внутренних условий, каковым для США явилась Вторая мировая война — вторая фаза. Вместе с тем американский опыт преодоления порога в период 1929–1945 гг. демонстрирует ряд принципиально важных особенностей и свойств пороговой ситуации, в рамках которых происходит почти «алхимическая» метаморфоза количественных параметров в их фундаментально иное качественное состояние, что заняло 1930-е годы, «Новый курс» и выход на новый тип развития, который в марксистской теории назывался «государственно-монополистическим капитализмом», чему посвящено множество книг всех направлений.

Трактовка специфики общественного развития США в период 1929–1945 гг., развиваемая в данной статье, с позиций нашей пороговой теории является принципиально новой в социально-экономической литературе. Современные американские макроэкономические теории используют понятие «экономического порога» в весьма фрагментарной форме. Известные американские экономисты под влиянием мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. открыто заговорили о том, что повышательная или нисходящая траектории экономического развития напрямую зависят и определяются наличием порогов (барьеров), предопределяющих степень эффективности глобализированной интеграции отдельных стран, которая в свою очередь самым непосредственным образом влияет на темпы экономического роста.

По мнению американских экономистов А. Косе, Э. Прасада и Э. Тейлора, в сфере глобальной финансовой интеграции «основная сложность заключается в том, что, по-видимому, существуют определенные “пороговые” уровни финансового и институционального развития, которых должна достичь экономика, прежде чем она сможет получить все косвенные выгоды и снизить риски либерализации своего счета операций с капиталом. С этой точки зрения становится понятным, почему промышленно развитые страны, которые обычно имеют лучшие институты, более стабильную макроэкономическую политику и более развитые финансовые рынки по сравнению с развивающимися странами, являются главными бенефициарами финансовой глобализации» (Kose A. et.al. 2009: 2). Пороги в финансовой системе, пройденные развитыми странами, особенно США, во многом отделяют их от массы развивающихся стран.

В свою очередь этот вывод базировался на более ранней работе данного авторского коллектива, в которой содержался вывод о том, что для успеха финансовой глобализации вообще должны быть созданы исходные пороговые условия и особенно выявлено «относительное значение различных пороговых условий» для последующего экономического развития страны (Kose A. et. al. 2010: 4345). С позиций более широкой перспективы можно сделать вывод о том, что преодоление

экономического порога является важнейшим исходным условием устойчивости последующей траектории развития экономики и степени ее крутизны. Зафиксированные в XXI в. различия в степени успешности финансовой глобализации применительно к странам с различным уровнем социально-экономического развития свидетельствуют о том, что развитые страны (и это положение прежде всего относится к США) на прошлых стадиях исторической эволюции своих экономических систем уже успешно преодолели этот порог, что, собственно говоря, и определяет их доминирующие позиции в современной мировой экономике.

Экономическая политика Ф.Д. Рузвельта: от «Доктора “Новый курс”» к «Доктору “Выиграть войну”»

В конце декабря 1943 г. на пресс-конференции президент Ф.Д. Рузвельт высказал свое принципиальное отношение к той смене базовой направленности социально-экономической политики своей администрации, которая произошла после начала Второй мировой войны. Ф.Д. Рузвельт дал однозначно понять, что с практикой и идеологией «Нового курса», провозглашение которого и стало решающим фактором его победы на президентских выборах 1932 и 1936 гг., покончено, и им на смену пришла практика и идеология Доктора «Выиграть войну», которая, вполне возможно, будет определять дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие США и после окончания Второй мировой войны.

Прибегнув к своему излюбленному методу диагностирования социально-экономических проблем американского общества с медицинской точки зрения, 32-й президент США сравнил Америку 1932–1933 гг. с «больным человеком», который страдал «внутренними болезнями». В тот период Америке потребовался доктор, и он пришел в виде Доктора «Новый курс». Это был доктор-терапевт, который в течение долгих 6–7 лет «лечил» американское общество, но после прохождения курса лечения в конце концов «недуги были излечены» (The American Presidency Project 1943). Однако в декабре 1941 г., с нападением Японии на американскую военноморскую базу Пирл-Харбор (Гавайи) и объявлением ей США 8 декабря войны, продолжал далее Рузвельт, «пациент Америка» попал в очень тяжелую аварию — он «сломал бедро, сломал ногу в двух-трех местах, сломал запястье и руку, несколько ребер». И вот тогда на смену прежнему доктору-терапевту пришел новый доктор — доктор-хирург. Прежний Доктор «Новый курс» ничего не знал о хирургии, о ногах и руках. Прежний доктор «много знал о внутренних заболеваниях, но ничего о хирургии. Поэтому он попросил своего напарника, хирурга-ортопеда, Доктора “Выиграть Войну”, позаботиться об этом парне, который попал в аварию. И в результате пациент снова встает на ноги. Он отказался от своих костылей. Он еще не совсем здоров, и не выздоровеет, пока не выиграет войну» (The American Presidency Project 1943).

В ходе своего выступления Рузвельт остановился на двух принципиальных моментах. Во-первых, он подчеркнул, что первоочередным приоритетом является «стимулирование роста экономики, что приведет к большей безопасности, большому количеству рабочих мест, большим возможностям для отдыха, боль-

шему количеству образования, большему здоровью, лучшему жилью для всех наших граждан, чтобы условия 1932-го и начала 1933 года больше не вернулись». Во-вторых, «Новый курс» — это была «программа для решения проблем 1933 г. Теперь, со временем, ей должна прийти на смену новая программа, кто бы ни руководил правительством. Мы не говорим о программе 1933 г. Мы выполнили почти все пункты программы 1933 г., но это не исключает и не делает невозможной или ненужной другую программу, когда придет другое время» (The American Presidency Project 1943).

К концу 1930-х годов стало очевидным, что реформы «Нового курса» не в состоянии обеспечить поступательного развития американской экономики — более того, они стали важнейшей преградой на пути поступательного экономического роста. В мае 1937 г. экономика свалилась в рецессию, которая продолжалась в течение года; низшая точка спада была зафиксирована в июне 1938 г. (NBER). В американской печати того времени она тут же стала именоваться «рецессией Рузвельта» и стала третьим по глубине падения экономическим кризисом в первые четыре десятилетия XX в. Падение реального ВВП составило 11,0%, безработица взлетела до уровня 19,0%, промышленное производство сократилось на 32% (Irwin 2011). Современные интерпретации глубинных причин рецессии 1937–1938 гг., которые относят ее к разновидности исторических тайн, связывают их не столько с ограничительной фискальной и монетарной политикой, сколько с тем, что в США в тот период — с конца 1937 г. по середину 1938 г. — полностью прекратился приток золота из Европы, который возобновился только осенью 1938 г. после присоединения Судетской области Чехословакии к Германии (Irwin 2011).

Окончательную точку в социальном реформаторстве «Нового курса» поставили промежуточные выборы, состоявшиеся осенью 1938 г., которые кончились поражением Демократической партии, потерявшей 8 мест в Сенате и рекордные 72 места в Палате представителей, хотя и сохранившей контроль над обеими палатами Конгресса США. Как прямое следствие итогов промежуточных выборов 1938-го, в 1939 г. Рузвельт «впервые за все время своего президентства не направил в Конгресс ни одного нового реформаторского законопроекта» (Busch 2006).

Фундаментальную причину «остановки» реформаторских начинаний «Нового курса» следует искать в его общей направленности. Стагнирующая американская экономика 1930-х годов не оставляла для Рузвельта и его сторонников социально-экономических реформ никаких других форм расширения социальных программ и присутствия государства в экономике, кроме как широкого использования механизма перераспределения национального дохода — естественно, от наиболее состоятельных слоев американского общества в пользу «бедных и униженных». Первый шаг в этом направлении был сделан в августе 1935 г. с принятием Закона о социальном обеспечении, которое частично стало финансироваться за счет специального налога на богатых, установленного на уровне 75% на доходы налогоплательщиков с годовыми доходами свыше 5 млн долл. (Leuchtenburg 1963: 154). Собственно говоря, в окружении Рузвельта рецессия 1937–1938 гг. и была воспринята как «месть и как предупреждение Уолл-Стрит» в отношении дальнейшей возможной политики «социализации» американского общества.

В конце 1930-х годов Рузвельт и его администрация оказались на историческом распутье: продолжение реформаторских начинаний «Нового курса» объективно вело к «классовой войне» в американском обществе, а смена внутривластного вектора на внешнеполитический означало постепенное втягивание США во Вторую мировую войну. Используя образную терминологию самого Рузвельта, Доктор «Выиграть войну» прочно занял место Доктора «Новый курс»: речь шла о том, одержит ли Рузвельт победу в войне внутри или же в войне за пределами США. В начале 1940-х годов Рузвельт однозначно и бесповоротно сделал выбор в пользу постепенного втягивания США в очередной мировой военный конфликт, не без основания считая, что в этой войне США имеют стратегическое преимущество в использовании и наращивании своих «арсеналов демократии».

Вторая фаза началась в 1940 фин. г. с увеличения по сравнению с 1939 фин. г. военных расходов США с 1,4 млрд долл. до 1,8 млрд долл. (в текущих ценах), т. е. примерно на 30,0%, а в 1941 фин. г. — в 3,6 раза по сравнению с 1940 фин. г., тогда они достигли 6,4 млрд долл. Вступление США в войну в декабре 1941 г. привело к скачкообразному увеличению военных расходов, которые в 1945 фин. г. достигли своего максимума и составили почти 83,0 млрд долл. (U.S. expenditures...). В относительном измерении в конце 1930-х годов военные расходы США не превышали 2,0% ВВП, однако, в конце Второй мировой войны достигли 37,0% ВВП. В приоритетах федерального правительства военные расходы увеличились с 18,0% в 1940 фин. г. до 90,0% в 1945 фин. г. (Budget of the U.S. Government. Historical Tables. Table 6.1). Наращивание военной мощи США началось задолго до официального вступления США во Вторую мировую войну и происходило по ряду направлений. 16 мая 1940 г. в своем обращении к Конгрессу по поводу необходимости резкого увеличения расходов на оборону Рузвельт в прямом смысле этого слова шокировал американских законодателей планом создания мощных военно-воздушных сил путем доведения ежегодного производства самолетов до 50 тыс. единиц (The American Presidency Project 1940). После падения Франции и поражения британо-французских войск под Дюнкерком в США началась мобилизация (призыв мирного времени) в вооруженные силы США, в результате чего она была увеличена с 190 тыс. военнослужащих в 1939 г. до 269 тыс. человек в 1940 г. К концу Второй мировой войны численность американских вооруженных сил была доведена до 8,3 млн человек (The National WWI Museum. Research Starters...).

11 марта 1941 г. Рузвельт подписал Закон о ленд-лизе, который наделил администрацию правом предоставлять или давать в аренду «любой стране военное снаряжение, которое является важным с точки зрения обеспечения жизненно важных интересов обороны США». Фактически Закон о ленд-лизе, распространяемый в тот момент принятия на Великобританию, означал de facto вступление США во Вторую мировую войну при формальном соблюдении статуса нейтральной державы (National Archives). И, наконец, 9 октября 1941 г. Ф. Рузвельт поручил В. Бушу, директору созданного в конце июня 1941 г. указом президента Управления научных исследований и разработок, начать работы по созданию атомной бомбы в рамках сверхсекретного научно-технического проекта, получившего название «Манхэттенского проекта», несмотря на то, что в это время США «все еще формально оставались

нейтральной державой, однако, Рузвельт стал первым национальным лидером, который направил ресурсы своей страны на создание ядерного устройства. Тем самым он также решительно изменил характер отношений между американским правительством и американской наукой, и это культурное изменение сохраняется и по сей день» (The National WWII Museum. FDR Approves ...).

О драматической конверсии стратегии и тактики «Нового курса», которые могут быть охарактеризованы как «социально-экономическое кейнсианство» 1930-х годов, к масштабному «военному кейнсианству» первой половины 1940-х годов, дает исчерпывающее представление карикатура 1943 г., получившая широкое хождение в США. Социально-экономические реформы «Нового курса» были представлены в качестве «отслужившей свой век» загнанной лошади, которую отправили пастись на пастбище, в то время как военная экономика была изображена мощным средством поступательного развития Америки.

Перевод американской экономики в годы войны на принципиально новую научно-техническую базу позволил США произвести в период 1940–1945 гг. почти 300 тыс. самолетов, свыше 1,5 тыс. военных кораблей и подводных лодок, 88 тыс. танков, 634 тыс. джипов, почти 6 тыс. морских судов, 6,5 млн винтовок и других видов стрелкового вооружения (Statesman & Commander in Chief ...). Военная экономика США самым непосредственным образом способствовала переходу американской экономики на новый технологический уклад, основанный на том, что современная наука стала реальной производительной силой. Как справедливо указали в этом плане отечественные исследователи Л. Григорьев и А. Астапович, «Рузвельт, видимо, первым в массовом порядке ввел интеллектуалов в управление страной, и они не только продержались два срока президентства, но и создали прецедент, который нередко использовался в других странах и случаях» (Григорьев, Астапович 2021: 117).

В июле 1945 г. В. Буш сформулировал этот тезис в докладе на имя президента США «Наука — безграничные горизонты» (Bush 1945). 16 июля 1945 г. США провели первое в мире успешное испытание атомной бомбы в пустыне Аламагордо (шт. Нью-Мексико), знаменуя тем самым финальную фазу прохождения экономического порога. Создание фундаментально «эзотерических» технологий на основе овладения невиданными ранее видами энергии, которые скорее могут быть отнесены к области научно-фантастических произведений, также следует считать имманентным свойством пороговых закономерностей в развитии науки и техники, в рамках которых качественный скачок в научно-техническом прогрессе является симметричной функцией экономического скачка.

2020-е годы: стагфляция — первая фаза порогового состояния американского общества

Мы полагаем, что в начале третьего десятилетия XXI в. США вступили в сравнительно продолжительный период экономической стагнации, которая представляет собой сочетание внешних шоков и внутренних структурных дисбалансов и образует первую фазу «порога». Коронавирусная пандемия, обрушившаяся на США в начале 2020 г., быстро привела к тому, что уже в первом квартале реальный ВВП, измеря-

емый в постоянных ценах 2017 г., сократился на 4,6%, однако подлинный шок американская экономика испытала во втором квартале, когда в США был официально введен карантинный режим «закрытия экономики», в результате чего реальный ВВП сократился на 29,9% (Bureau of Economic Analysis. Table 1.1.1.), и это поквартальное падение явилось самым глубоким за последние 70 лет со времен Великой депрессии (Economic Report of the President 2022: 100). И, несмотря на то, что в третьем квартале реальный ВВП вырос на беспрецедентные 35,3%, общее снижение ВВП в 2020 г. составило рекордные 2,8%, что явилось самым глубоким падением реального ВВП после 1946 г., когда оно достигло 11,6% (Bureau of Economic Analysis. Table 1.1.1.).

Призрак Великой депрессии в сочетании президентскими выборами, которые президент-республиканец Д. Трамп хотел выиграть «любой ценой», привели к тому, что в течение 2020 г. и в начале 2021 г., уже при демократической администрации Дж. Байдена, федеральное правительство ассигновало беспрецедентный объем бюджетных средств для преодоления экономического кризиса, вызванного коронавирусной пандемией. Суммарный объем средств в общей сложности достиг 5,4 трлн долл. Перечень принятых законов, их характеристика и величины ассигнованных средств приводятся в таблице 1 на с. 36.

Таблица 1. Фискальные меры федерального правительства США по преодолению экономического кризиса 2020–2021 гг.

Принятое законодательство	Общая характеристика мер поддержки экономики	Сумма выделенных средств, в млрд долл.
Закон о дополнительных ассигнованиях по борьбе с коронавирусной пандемией. 6 марта 2020 г.	Финансирование разработки противовирусных вакцин и их тестирование	8,3
Закон о первоочередной помощи семьям по борьбе с коронавирусной пандемией. 18 марта 2020 г.	Финансирование программ медицинской и продовольственной помощи американским семьям	192,0
Закон о помощи, поддержке и экономической безопасности в связи с коронавирусной пандемией. 27 марта 2020 г.	Финансовая компенсация потерь доходов семей, безработных, малых и средних фирм, вызванных коронавирусной пандемией	1756,0
Закон о защите заработной платы и улучшении медицинского обслуживания. 24 апреля 2020 г.	Дополнительное финансирование Закона о помощи, поддержке и экономической безопасности в связи с коронавирусной пандемией	484,0
Исполнительные указы президента Д. Трампа	Дополнительные выплаты безработным, должникам по студенческим займам, арендаторам жилья и домовладельцам	174,0
Дополнительные ассигнования по борьбе с коронавирусной пандемией и оказанию помощи населению. 27 декабря 2020 г.	Помощь безработным, финансирование программ создания противовирусных вакцин, поддержка транспорта и отрасли рекреационных услуг	915,0
Американский план спасения 2021 г. 27 марта 2021 г. (администрация Дж. Байдена).	Финансовая поддержка домовладений, безработных, местных и штатных органов власти, бизнеса и системы здравоохранения	1821,0
Всего:		5350,3

Источник: Moody's Analytics 2022: 5.

Колоссальные бюджетные вливания для поддержания на плаву и возможно даже для сравнительно быстрого вывода ее на траекторию устойчивого экономического роста, однако, привели к тому, что в марте 2021 г. американская экономика «пробила» планку в 2,0% ежегодного роста инфляции, измеряемой индексом потребительских цен (ИПЦ), установленную ФРС США в январе 2012 г. (Board of Governors of the Federal Reserve System 2020). На протяжении последующих 15 месяцев в США продолжался разгон инфляции, которая достигла максимального значения в 9,1% (в годовом измерении) в июне 2022 г. — самый высокий показатель с начала 1980-х годов (Monthly 12-month Inflation Rate...). Основная причина инфляционного «перегрева» американской экономики состояла (и состоит) в том, что подавляющая сумма средств из общего объема фискальной поддержки экономики в сумме 5,4 трлн долл. пошла на поддержку текущего потребления американского населения. Осознав в начале 2022 г., что инфляционные процессы практически полностью вышли из-под контроля монетарного регулятора, ФРС начала агрессивно поднимать базовую ставку рефинансирования, которая была увеличена с марта 2022 г. по июль 2023 г. с исходных 0–0,25% до отметки 5,25–5,50% (Board of Governors of the Federal Reserve System. Policy Tools. Open Market Operations).

Воздействие мощной интервенционистской политики ФРС не замедлило скажаться на экономике: в первом и втором кварталах 2022 г. темпы падения реального ВВП составили 1,6% и 0,6% соответственно (Bureau of Economic Analysis. Table 1.1.1). Стало очевидным, что в своей политике обуздания инфляции ФРС балансирует между мягкой и жесткой «посадкой» американской экономики, т.е. выбирает между неглубокой и непродолжительной рецессией и масштабным экономическим кризисом (Verbrugge, Saeed 2023: 30–31), что, впрочем, напрямую связано и происходит из принципиальной политической установки нынешнего руководства ФРС о необходимости вернуться к годовому инфляционному ориентиру в 2,0% (Board of Governors of the Federal Reserve System 2023: 40). Низкие темпы роста в США в 2022–2023 годы проходят на фоне маневров ФРС между снижением инфляции и предотвращением рецессии.

В этом плане американские аналитики указывают, что социально-экономические условия в американской экономике радикально отличаются от ситуации второго десятилетия текущего столетия, и что наиболее оптимальным в настоящее время является инфляционный ориентир, равный 3,0% (Verbrugge, Zaman 2023: 7). К концу лета 2023 г. инфляция в США сократилась до 3,7 % (3,0%), но, тем не менее, ФРС на основе разницы в ценовых котировках долгосрочных и краткосрочных ценных бумаг Министерства финансов США прогнозировала вероятность наступления рецессии в США в период до сентября 2024 г. как составляющую почти 57,0%, что было самым высоким значением после начала 1980-х годов. Прогноз ФРС о вероятности наступления рецессии в США в период до сентября 2024 г. приводится на рисунке 2 на с. 38.

Инфляция в современной американской экономике играет важную роль в первой фазе порогового барьера, которая препятствует дальнейшему поступательному развитию экономики США, предопределяя стагнационный характер ее современного состояния. Она в немалой степени подпитывается также резко возросшей

в 2020 г. монетарной базой экономики США, которая в расчете на агрегированный показатель M2 составляла на август 2023 г. 20,9 трлн долл. (Board of Governors of the Federal Reserve System, September 26, 2023. Table 1), т.е. была сопоставима с размерами ВВП, а также балансовым счетом ФРС, который на март 2020 г. составлял 4,7 трлн долл., но был быстро увеличен почти в два раза к концу 2020 г. и достиг отметки в 8,1 трлн долл. к концу сентября 2023 г. (Board of Governors of the Federal Reserve System, September 28, 2023). В этом плане можно высказать предположение, что в настоящее время США *по сути остались без наработанных за весь период после Второй мировой войны привычных рычагов монетарной политики*, свидетельством чего является политика ФРС по поднятию процентных ставок на фоне отчетливо проявивших себя рецессионных явлений, как это имело место в первой половине 2022 г.

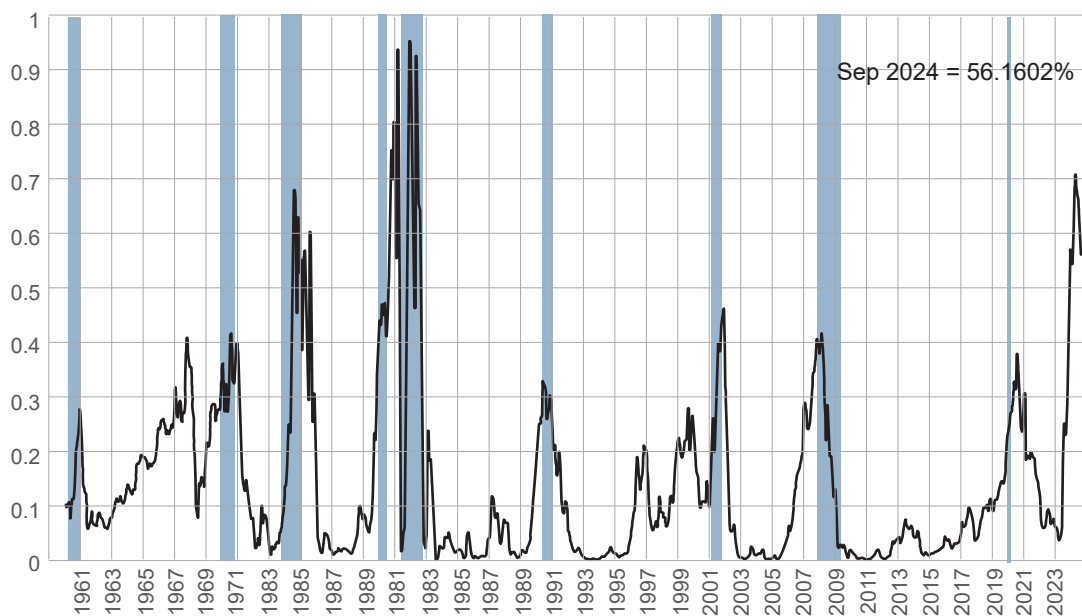

Рисунок 2. Прогностическая оценка ФРС США вероятности наступления рецессии в экономике США в период до сентября 2024 г., в %.

Источник: Probability of US Recession....

В относительном выражении фискальные вливания в размере 5,4 трлн долл. в течение 2020–2022 фин. гг., достигшие 23,4% ВВП, представляют собой вклад в увеличении пирамиды валового долга федерального правительства (Economic Report of the President 2022: 50), которая к началу октября 2023 г. достигла 33,5 трлн долл. (U.S. Department of Treasury). Стремительно растущая пирамида валового долга федерального правительства является видимым символом мощного барьера на пути дальнейшего развития американской экономики. Экономический кризис

2020 г. и последующие меры администрации Дж. Байдена по его преодолению не-обратимым образом разбалансировали системы федеральных финансов США, при которой хронические и все увеличивающиеся дефициты федерального бюджета, составляющие ежегодно по меньшей мере 1,5 трлн долл., стали их «новой нормальностью». Согласно прогнозам Бюджетного управления Конгресса США (БУК), на период до 2033 фин. г., в 2030 фин. г. бюджетные дефициты вырастут до 2,0 трлн долл., а к 2033 фин. г. вплотную приблизятся к 3,0 трлн долл. (СВО. June 2023: 5).

Выход на подобного рода траекторию прогрессирующего роста бюджетных дефицитов также означает, что при наступлении очередного экономического потрясения система федеральных финансов в еще большей степени будет создавать дополнительную бюджетную нагрузку на экономику США, предопределяя как тенденцию к переходу на устойчивые, всё более высокие абсолютно и относительно уровни бюджетных дефицитов, так и рост пирамиды валового долга федерального правительства, что в свою очередь будет означать все большее замедление темпов экономического роста вплоть до состояния хронической стагнации. В частности, согласно расчетам БУК, уже в настоящее время американская экономика несет ежегодные потери в объемах производимого ВВП в пределах 500,0-600,0 млрд долл. (СВО. June 2023: 5). Однако при любых вариациях в размерах бюджетных дефицитов в среднесрочной перспективе в расчете на 10 лет, валовой долг федерального правительства будет расти большими темпами по сравнению с темпами роста экономики, и к 2033 фин. г. в абсолютном выражении он может превысить 52,0 трлн долл. (СВО. May 2023: 7). В результате, соотношение валового долга федерального правительства и ВВП может увеличиться с нынешнего уровня, равного 123,7% (по состоянию на 2023 фин. г.), до отметки в 133,3% в 2033 фин. г. [Рассчитано по: (СВО. June 2023: 2,5)].

Рост долговой нагрузки на экономику однозначно означает замедление темпов экономического роста по причине: 1) вытеснения инвестиций в частный сектор экономики государственными заимствованиями; 2) более высоких процентных ставок для повышения привлекательности государственных ценных бумаг; 3) более высоких налогов, необходимых для частичной компенсации роста бюджетных дефицитов и пропорционального увеличения пирамиды валового долга, и 4) роста инфляции (Salmon 2021: 489-490). Однако самым важным фактором депрессивного воздействия пирамиды долга федерального правительства на экономическое развитие является наличие «порогов» в соотношении валового долга и ВВП, преодоление которых резко (нелинейно) замедляет темпы роста ВВП. В настоящее время такого рода порогом считается показатель соотношения валового долга и ВВП, равного 100%, преодоление которого резко усиливает «негативное воздействие обремененной долгами экономики на потенциал ее экономического роста», что может обернуться экономическими потерями, измеряемыми триллионами долларов (De Rugy, Salmon 2020: 9-10).

Стремительный рост пирамиды долга федерального правительства ведет к скачкообразному росту расходов по статье обслуживание долга (выплачиваемые нетто-расходы), что резко сужает возможности США инвестировать в реальный сектор американской экономики. Фактически уже в настоящее время обслуживание долга федерального правительства достигло размеров, вполне сопоставимых с прямыми

военными расходами. Согласно расчетным оценкам БУК, в текущем 2023 фин. г. расходы на обслуживание федерального долга выйдут на рекордные 655 млрд долл. (2,6% ВВП), в 2027 фин. г. превысят 900,0 млрд долл., а в 2033 фин. г. могут составить беспрецедентные 1,4 трлн долл. (3,9% ВВП) [Рассчитано по: (СВО. The 2023 Long-Term ... : 7)].

Кризисные явления в системе федеральных финансов значительно повышают риски наступления череды непродолжительных рецессий и даже глубокого финансово-экономического кризиса, что объективно ведет к замедлению темпов экономического роста. Авторские расчеты показывают, что в период с 2000-го по 2009 г. среднегодовые темпы роста американской экономики (в постоянных ценах 2017 г.) составили 1,94%, в период с 2010-го по 2019 г. — 2,24% [Рассчитано по: (Bureau of Economic Analysis. Table 1.1.1)]. Улучшение показателей роста реального ВВП во втором десятилетии текущего столетия объясняется тем, что это был период самого длительного экономического подъема в США за все время после окончания Второй мировой войны, продолжавшегося 128 месяцев, а в то время как в первом десятилетии XXI в. США пережили две экономические рецессии, в результате продолжительность фазы подъема в этот период составила всего 72 месяца (СВРР. Chart Book 2023).

В течение первых трех лет третьего десятилетия с 2020-го по 2022 г. темпы роста реального ВВП снизились до 1,67% [Рассчитано по: (Bureau of Economic Analysis. Table 1.1.1)]. Согласно прогнозам The Conference Board, в 2023 г. темпы роста реального ВВП США возрастут до 2,2%, однако, в 2024 г. опустятся до 0,8% (The Conference Board... 2023). ФРС также прогнозирует, что в третьем десятилетии текущего столетия темпы роста реального ВВП составят 1,8% (Board of Governors... , Summary of Economic Projections: 2).

Таким образом можно сделать прогностический вывод о том, что рост долговой нагрузки на американскую экономику в начале 2020-х годов уже обернулся заметным замедлением темпов экономического роста. Рост долговой нагрузки на экономику, как показывает американский опыт в 2020–2023 гг., вносит серьезные искажающие моменты в привычные фазы экономического цикла, что объективно усиливает вероятность того, что американская экономика может «проскочить из позднего подъема через полный набор фаз цикла в новый спад инвестиций при высокой инфляции и антиинфляционных мерах» ФРС (Григорьев 2023: 26). Эти перепады в привычных фазах экономического цикла являются самым верным симптомом воспроизводства барьерной ситуации, сложившейся в экономике США на рубеже 1930-х–1940-х годов. Другим важнейшим барьерным симптомом стала дилемма противостояния либо «внутреннему американскому терроризму», либо геополитическим противникам в лице России и Китая.

Стратегический выбор США: «внутренние террористы» v. внешние геополитические противники

События 6 января 2021 г., вошедшие в анналы американской истории как «штурм Капитолия», коренным образом изменили внутрисполитическую ситуацию в США. Подобно тому, как в 1860-е годы американское общество оказалось расколотым

на северные и на южные штаты, последние из которых образовали в 1861–1865 гг. союз тринадцати мятежных штатов, известных как Конфедерация, так и в настоящее время США разделены на «красные» (прореспубликанские) и «синие» (продемократические) штаты. Показательно, что вероятность новой Гражданской войны США всерьез обсуждается в Соединенных Штатах и сегодня – даже в таком влиятельном академическом журнале как «Science», издаваемом Американской ассоциацией содействия развитию науки. При этом издание отталкивалось от публикуемых время от времени опросов общественного мнения, согласно которому свыше 40,0% респондентов считали вероятным начало второй Гражданской войны в США после или в канун президентских выборов 2024 г. При этом основным фактором ее генезиса американские ученые были склонны считать резко возросший уровень продаж огнестрельного оружия в Америке, в результате чего число убийств от огнестрельных ранений в США в период с 2010 по 2020 гг. выросло на 43,0% (Ortega 2022: 357).

Как и в XIX в., в настоящее время важнейшим идеологическим фактором политической поляризации американского общества являются стереотипы сознания белого большинства, согласно которым «примерно двое из пяти взрослых согласны с постулатом белой националистической “теории великой замены” или с идеей о том, что белых избирателей по рождению заменяют иммигранты для получения преимуществ в ходе выборных кампаний» (Ortega 2022: 357).

В сугубо экономическом отношении внутриполитическую ситуацию в США могут взорвать планы, получившие официальное одобрение со стороны Демократической партии США, о необходимости выплаты исторических репараций афроамериканскому населению за 90 лет рабства и последующие 100 с лишним лет политики сегрегации и ущемления в правах. Общая сумма этих репараций оценивается от 12,0 до 13,0 трлн долл. (в долларах 2018 г.) (Jarvis 2021: 4), и совершенно очевидно, что речь идет о фундаментальной трансформации хозяйственного механизма американской экономики, в рамках которой основным приоритетом станут отношения перераспределения доходов и накопленных богатств, а не их расширенное производство.

Наиболее тревожным аспектом нынешней «пороговой» ситуации в США, несмотря на наличие ядерного оружия, которое потенциально исключает использование театров мировых войн для решения всего спектра острейших внутренних проблем, является то, что перед американскими правящими кругами стоит не проблема стратегии и тактики «конкуренции великих держав» и перестановки фигур на «великой шахматной геополитической доске», а дилемма формы ведения войны – экстравертной (во внешнем мире) или интравертной (внутри страны). Осознание этой дилеммы четко «читается» в планах администрации Дж. Байдена по резкому увеличению прямых военных расходов США, которые должны возрасти в ближайшем обозримом будущем до среднегодового уровня 900,0 млрд долл. (Budget of the U.S. Government. Fiscal Year 2024: 138), что является самым высоким показателем за всю историю США после Второй мировой войны.

Мы считаем совершенно очевидным, что добиться оптимального решения проблемы соотношения приоритетов внутреннего «тыла» и внешнего «фронта»

в условиях растущих ограничений финансово-экономического плана для поступательного развития американского общества представляется невозможным, поэтому кризис и противоречия политической системы американского общества будут только нарастать объективно требуя прихода сильного национального лидера, каким в свое время явился Ф.Д. Рузвельт, который сумел провести Америку через две фазы порога в 1939–1945 гг.

Заключение: на горизонте новые революционные технологии?

В качестве обязательного элемента «пороговая» ситуация в развитии общества и экономики предполагает развитие прорывных технологий, предполагающих, в том числе, овладение новыми формами энергии и видами технологий, способных кардинально изменить геополитическую расстановку сил. После 1945 г. это было овладение атомной энергией и создание ядерного оружия. Есть свидетельства того, что попытки развития подобных прорывных технологий предпринимаются и сейчас. В частности, в настоящее время американские физики активно разрабатывают теории и ищут возможности экспериментального использования гравитационных волн с целью овладения космическими источниками энергии, которые можно применить и в создании новых видов летательных (антигравитационных) технологий (Baker Jr., Baker 2016). С учетом этих и других исследований американских астрофизиков, нельзя исключать, что так же, как и в 1942 г., в США в настоящее время может быть организован сверхсекретный научно-исследовательский проект — например, по овладению космическими энергиями и созданию новых видов летательных технологий.

Косвенным свидетельством правомерности проведения подобного рода исторических аналогий является организация в 2021 г. в рамках федерального правительства межведомственной группы по изучению необычных летательных аппаратов, о результатах работы которой, в частности, Конгресс США и американская общественность были проинформированы в январе 2023 г. в докладе директора национальной разведки США. В этом докладе подчеркивалось, что можно считать твердо установленным фактом, что эти летательные аппараты «по-видимому, демонстрируют необычные летные характеристики или траектории движения» (Office of the Director of National Intelligence 2022: 5), недоступные даже для самых передовых образцов современной земной технологии. Успешная реализация подобного «Манхэттенского проекта» XXI в. может быть призвана в окончательной форме утвердить претензии США на планетарное господство.

Библиография

- Григорьев Л., Астапович А. От Великой Депрессии к системным реформам. США между двумя мировыми войнами // Россия в глобальной политике. Том 19. № 1. Январь-февраль 2021. С. 104-119.
- Григорьев Л.М. Влияние шоков 2020–2023 годов на деловой цикл // Современная мировая экономика. Том 1. № 1 (1). Январь—март 2023. С. 8-32.

Baker Jr. R., Baker B. Application of High-Frequency Gravitational Waves to the Cataclysmic Event of Our First Encounter with Intelligent Extraterrestrial Beings // *Journal of Applied Mathematics and Physics*. January 2016, pp. 110-129. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.4236/jamp.2016.41015>.

Board of Governors of the Federal Reserve System. Summary of Economic Projections, June 14, 2023. 17 pp. Режим доступа: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/fomcprojs.html>.

Board of Governors of the Federal Reserve System. Federal Reserve Balance Sheet: Factors Affecting Reserve Balances – H.4.1. September 28, 2023. Режим доступа: <https://www.federalreserve.gov/releases/h41/20230928/>

Board of Governors of the Federal Reserve System. Monetary Policy Report. June 16, 2023. iii + 65 pp. Режим доступа: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/2023-06-mpr-summary.pdf>.

Board of Governors of the Federal Reserve System. Money Stock Measures – H.6, September 26, 2023. Режим доступа: <https://www.federalreserve.gov/releases/h6/current/default.htm>.

Board of Governors of the Federal Reserve System. Policy Tools. Open Market Operations. Режим доступа: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/openmarket.htm>.

Board of Governors of the Federal Reserve System. Why does the Federal Reserve aim for inflation of 2 percent over the longer run? August 27, 2020. Режим доступа: https://www.federalreserve.gov/faqs/economy_14400.htm.

Budget of the U.S. Government. Fiscal Year 2024. Wash.: USGPO, 2023, ii + 176 pp.

Budget of the U.S. Government. FY 2024. Historical Tables. Table 6.1 – Composition of Outlays: 1940–2028. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/omb/budget/historical-tables/>

Bureau of Economic Analysis. National Data. National Income and Product Accounts. Table 1.1.1. Percent Change From Preceding Period in Real Gross Domestic Product. Режим доступа: <https://apps.bea.gov/iTable/>

Bureau of Economic Analysis. National Data. National Income and Product Accounts. Table 1.1.5. Gross Domestic Product. Режим доступа: <https://apps.bea.gov/iTable/>

Busch A. The New Deal Comes to a Screeching Halt in 1938. Ashbrook Center. 2006. May 1. Режим доступа: <https://ashbrook.org/viewpoint/oped-busch-06-1938/>

Bush V. Science The Endless Frontier. A Report to the President by Vannevar Bush, Director of the Office of Scientific Research and Development, July 1945. Wash.: NSF, 2020, xvii + 220 pp.

CBO. An Update to the Budget Outlook. May 2023. iv + 18 pp. Режим доступа: <https://www.cbo.gov/publication/59096.pdf>.

CBO. Automatic Stabilizers in the Federal Budget: 2023 to 2033. June 2023. 8 pp. Режим доступа: <https://www.cbo.gov/publication/59114.pdf>.

CBO. The Long-Term Budget Outlook. June 2023. iv + 57 pp. Режим доступа: <https://www.cbo.gov/publication/59014.pdf>.

CBPP. Chart Book: Tracking the Post-Great Recession Economy. May 27, 2023. Режим доступа: <https://www.cbpp.org/research/economy/tracking-the-post-great-recession-economy>.

De Rugy V., Salmon J. Debt and Growth: A Decade of Studies. Mercatus Center at George Mason University, Policy Brief, April 2020, 12 pp.

Economic Report of the President. April 2022. Wash.: USGPO, 2022, iii + 427 pp.

Irwin D. What caused the recession of 1937-38? // VOXEU/CERP, 11 Sep 2011. Режим доступа: <https://cepr.org/voxeu/columns/what-caused-recession-1937-38>.

Jarvis J. After Reparations Study Suggests \$151 Million for Each African American, Experts Say Money Alone Isn't Enough. 2/22/2021. 24 pp. Режим доступа: <https://docs.house.gov/meetings/JU/JU10/20210217/111198/HHRG-117-JU10-20210217-SD003.pdf>.

Kose A., Prasad E., Rogoff K. and Wei Sh.- J. Financial Globalization and Economic Policies // Handbook of Development Economics. Vol. 5 / Rodrik D. and Rosenzweig M. (Eds.). 2010. The Netherlands: North-Holland, pp. 4283-4362. Режим доступа: Doi 10.1016/B978-0-444-52944-2.00003-3.

Kose A., Prasad E., Taylor A. Thresholds in the Process of International Financial Integration. December 2009. The World Bank. Policy Research Working Paper 5149. i + 41 pp. Режим доступа: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/1813-9450-5149.pdf>.

Leuchtenburg W. Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932-40. N.Y.: Harper & Row, 1963, xvii + 393 pp.

Monthly 12-month inflation rate in the United States from May 2020 to May 2023 // Statista, Jun 19, 2023. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/273418/unadjusted-monthly-inflation-rate-in-the-us/>

Moody's Analytics. Analysis. Global Fiscal Policy in the Pandemic. February 24, 2022. 28 pp. Режим доступа: <https://www.economy.com/economicview/analysis/387814/Global-Fiscal-Policy-in-the-Pandemic.pdf>.

National Archives. Lend-Lease Act (1941). Режим доступа: <https://www.archives.gov/milestone-documents/lend-lease-act>.

NBER. US Business Cycle Expansions and Contractions. Режим доступа: <https://www.nber.org/research/data/us-business-cycle-expansions-and-contractions>

Office of the Director of National intelligence. 2022 Annual Report on Unidentified Aerial Phenomena. 12 January, 2023. 11 pp Режим доступа: <https://www.dni.gov/index.php/newsroom/reports-publications/reports-publications-2023/item/2354-2022-annual-report-on-unidentified-aerial-phenomena>.

Ortega R. Half of Americans anticipate a U.S. civil war soon, survey finds // Science, 22 July 2022, p. 357.

Probability of US Recession Predicted by Treasury Spread. Режим доступа: https://www.newyorkfed.org%2Fmedialibrary%2Fmedia%2Fresearch%2Fcapital_markets.pdf.

Salmon J. The Impact of Public Debt on Economic Growth. Cato Journal, Fall 2021, pp. 487-509. Режим доступа: DOI:10.36009/CJ.41.3.2.

Statesman & Commander in Chief: FDR in WWII 1941 – 1945. "We Are All In It": Franklin D. Roosevelt and the American Home Front. 11 pp. Режим доступа: <https://fdr4freedoms.org/statesman-commander-in-chief/>

The American Presidency Project. Franklin D. Roosevelt. Message to Congress on Appropriations for National Defense. May 16, 1940. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/209636>.

The American Presidency Project. Franklin D. Roosevelt. Excerpts from the Press Conference. December 28, 1943. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/209751>.

The Conference Board Economic Forecast for the US Economy. September 2023. Режим доступа: <https://www.conference-board.org/research/us-forecast>

The National WWII Museum. FDR Approves Building an Atomic Bomb: 70th Anniversary October 9, 1941. Режим доступа: <http://www.nww2m.com/2011/10/fdr-approves-building-an-atomic-bomb-70th-anniversary-october-9-1941/>

The National WWI Museum. Research Starters: US Military by the Numbers. Режим доступа: <https://www.nationalww2museum.org/students-teachers/student-resources/research-starters/research-starters-us-military-numbers>.

Verbrugge R. and Saeed Z. Post-COVID Inflation Dynamics: Higher for Longer. Working Paper No. 23-06R. Federal Reserve Bank of Cleveland. June 2023. 46 pp. Режим доступа: <https://doi.org/10.26509/frbc-wp-202306r>.

Verbrugge R. and Zaman S. The Hard Road to a Soft Landing: Evidence from a (Modestly) Nonlinear Structural Model. Working Paper No. 23-03. Federal Reserve Bank of Cleveland. January 2023. 50 pp. Режим доступа: <https://doi.org/10.26509/frbc-wp-202303>.

U.S. Department of Treasury. Fiscal Data. Debt to the Penny. Режим доступа: <https://fiscaldata.treasury.gov/datasets/debt-to-the-penny/debt-to-the-penny>.

U.S. expenditures for defense and education, 1910-2021. Режим доступа: <https://www.johnstonsarchive.net/policy/edgraph.html>.

Цикл международной миграции и его влияние на динамику денежных трансфертов

Бондаренко К.А.

Бондаренко Ксения Андреевна — старший преподаватель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

SPIN РИНЦ: 8633-1966

ORCID: 0000-0003-0550-6361

ResearcherID: AAQ-2896-2021

Scopus AuthorID: 57221727156

Для цитирования: Бондаренко К.А. Цикл международной миграции и его влияние на динамику денежных трансфертов // Современная мировая экономика. Том 1. 2023. № 2 (2).

Ключевые слова: международная миграция, стадии миграции, денежные трансферты, межстрановой анализ.

Аннотация

В настоящее время, по данным Всемирного банка, численность мигрантов (т.е. лиц, которые проживают в стране, отличной от страны своего рождения) составляет порядка 295 млн человек, или 3,7% от численности населения мира. При этом за последние 50 лет численность мигрантов увеличилась более чем в три раза. Расширение миграционных процессов, как правило, приводит к росту объемов денежных трансфертов — как отправленных мигрантами на родину своей семье (в страну — донора мигрантов), так и полученных самими мигрантами в стране-реципиенте. В данном исследовании рассмотрена специфика миграционных процессов на двустороннем уровне (между страной-донором и страной — реципиентом мигрантов) и установлено, что они протекают в рамках трех стадий.

Показано, что денежные трансферты имеют нелинейную зависимость от стадий миграции. На первой стадии, когда мигранты принимают решение о миграции и только начинают уезжать, повышается объем отправленных мигрантами переводов на родину, а также увеличивается объем трансфертов в обратном направлении. На второй стадии, когда страна-реципиент становится ключевым пунктом назначения и мигрантская диаспора значительно расширяется, отправленные трансферты растут, а полученные —

снижаются или стагнируют. На третьей стадии высокая степень натурализации мигрантов приводит к снижению объемов отправленных трансфертов из-за релокации мигрантских семей, а полученные трансферты, наоборот, растут, на фоне продажи активов на родине. В статье на основании статистики Всемирного банка, ООН и центральных (национальных) банков рассчитаны количественные параметры перехода от одной стадии к другой, исходя из концентрации миграционных потоков из страны-донора и доли мигрантов в общей численности мигрантов страны-реципиента. Дополнительно выявлено, что в отдельных случаях, когда мигранты не ставят своей целью переезд на постоянное место жительства в страну-реципиента, объемы отправленных трансфертов продолжают расти даже при очень высокой концентрации миграционных потоков.

1. Введение

Миграционные процессы к началу XXI века стали одной из самых распространенных форм глобализации. Численность мигрантов за последние 50 лет увеличилась более чем в три раза: в настоящее время порядка 295 млн человек проживают в стране, отличной от страны своего рождения (World Bank 2023), т.е. это около 3,7% от численности населения мира. Рост миграции является одной из ключевых причин увеличения потоков международных денежных (личных) трансфертов — до \$794 млрд в 2022 году (World Bank 2022).

Денежные трансферты, в свою очередь, исторически являются важным источником поддержки экономики стран — доноров трудовых ресурсов (Чепель и Бондаренко 2015), а в последние два года они стали самым значимым источником внешнего финансирования стран с низким и средним уровнем дохода (большая часть которых является донорами мигрантов), превысив объемы прямых иностранных инвестиций, официальной помощи в целях развития и потоки портфельных инвестиций (World Bank 2022). Международная мобильность и международные трансферты также включены в повестку одиннадцати из семнадцати Целей устойчивого развития (ЦУР) Организации объединенных наций (ООН)¹ и являются важными инструментами реализации стратегических приоритетов мирового развития Группы Всемирного Банка (World Bank 2023; Mosler and Laczko 2022).

В этих условиях растет внимание и научного сообщества к исследованию факторов, определяющих динамику и направление двусторонних международных трансфертов. Однако в настоящее время большая часть исследований в этой области сосредоточена или на микроданных (т.е. основана на опросах мигрантов и/

¹ В т.ч. Цель 1: Ликвидация нищеты, Цель 2: Ликвидация голода, Цель 3: Хорошее здоровье и благополучие, Цель 4: Качественное образование, Цель 5: Гендерное равенство, Цель 8: Достойная работа и экономический рост, Цель 10: Уменьшение неравенства, Цель 11: Устойчивые города и населенные пункты, Цель 13: Борьба с изменением климата, Цель 16: Мир, правосудие и эффективные институты, Цель 17: Партнерство в интересах устойчивого развития

или домохозяйств), или на страновых данных, но в этом случае исследования не учитывают факторы микроуровня (Beine, Lodigiani and Vermeulen 2012).

Проведенное в данном исследовании моделирование объемов двусторонних трансфертов основано на агрегированных страновых данных, но также принимает во внимание прокси-факторы микроуровня, в частности, учитывает предпочтения мигрантов уезжать в определенную страну (последнее характеризует их поведенческую модель и в определенной степени предопределяет стадии миграции). Этот подход позволит усовершенствовать имеющиеся модели денежных трансфертов путем более точной оценки специфики двусторонних потоков личных трансфертов в средне- и в долгосрочной перспективе и внести вклад в теорию миграции.

2. Стадии международной миграции и денежные трансферты

Динамика двусторонних международных трансфертов — комплексный процесс, на который кроме численности мигрантов за рубежом влияют как страновые факторы страны-донора и страны-реципиента, в числе которых демографические, макроэкономические, политические, экологические, географические и другие условия (Бондаренко 2020a; Makhlouf and Kasmaoui 2018; Ratha and Shaw, 2007), так и факторы микроуровня — возраст и пол мигранта (Kock and Sun 2011), семейное положение, род занятий, уровень образования (Buch et al. 2002; Ameudo-Dorantes and Pozo 2003). При этом существующая литература лишь частично касается предмета исследования. Важно понимать, каково будет экономическое поведение и социальное положение мигранта (и его домохозяйства) в определенные периоды миграционного цикла, а также что должен он (или она) преодолеть психологически, экономически и в социальном плане, чтобы окончательно адаптироваться в обществе, пройдя путь от трудового мигранта до укоренившегося иммигранта (Мукомель 2011; Бондаренко 2020a).

Ответы на эти вопросы заложены в изучении *стадий миграции*, которые являются ключом к прогнозированию изменений поведенческих установок мигранта с течением времени и под влиянием внешних и внутренних факторов (Пухова et al. 2013; Bhugra and Becker 2005; Bernard, Bell and Charles-Edwards 2014; Заславская и Рыбаковский 1987). Анализ данных стадий позволяет создать характерную модель адаптации типичного мигранта в процессе миграционного цикла на основе анализа миграционных процессов «изнутри» и определить его поведение.

Теория миграционных стадий была описана в ряде научно-исследовательских работ, где основой анализа были количественные и качественные индикаторы процесса адаптации мигрантов к жизни в стране-реципиенте (Toth-Bos, Wisse and Farago 2019; Bernardo et al. 2018; Zimmermann et al. 2017; Zhou 2014; Yehuda-Sternfeld and Mirsky 2014; Carrasco 2010; Yoon and Lee 2010; King et al. 2006; Заславская и Рыбаковский 1987 и другие) или регрессионное моделирование принятия решения о миграции (De Jong 2000; Nivalainen 2004). Принимая во внимание исследования Т. Заславской и Л. Рыбаковского (1987), а также Тот-Боса, Уисса и Фараго (2019), мы выделяем три этапа миграционного цикла между двумя странами — страной-отправителем и страной — реципиентом мигрантов (Таблица 1 на с. 50) — в так

называемом «цикле международной миграции». Стадии цикла международной миграции определяются поведенческими предпочтениями мигрантов в части того, куда лучше уезжать, чтобы максимизировать эффективность миграции и минимизировать риски.

В свою очередь индикаторами поведенческих предпочтений являются i) страновая концентрация миграционных потоков из страны-донора (т.е. сколько мигрантов уехало в определенную страну-реципиента по отношению в общему числу тех, кто покинул страну) и ii) доля мигрантской диаспоры страны-донора по отношению к общей численности населения страны-реципиента. При этом на протяжении всего международного миграционного цикла финансовое поведение мигрантов претерпевает существенные изменения.

Цикл миграции из страны начинается с принятия решения семьями о международной миграции, и далее мигранты уезжают за рубеж и (сначала хаотически) создают первые общины в новой стране (стране-реципиенте). Мигранты начинают приезжать в новую страну, создавая там первые общины и увеличивая численность мигрантской диаспоры. Первый этап, как правило, требует определенных подготовительных затрат, и семьи мигрантов отдают свои накопления на переезд мигранта за рубеж (чтобы оплатить транспортные расходы и расходы на аренду жилья, хотя бы на первое время). В этот период миграционные потоки между двумя странами еще находятся на стадии развития, и лишь небольшое число мигрантов начинает уезжать из страны проживания в страну-реципиента. Однако, несмотря на то, что совокупные доходы мигрантской диаспоры за рубежом пока еще не очень высокие (из-за малочисленности мигрантов и относительно низкого уровня их дохода), по мере роста численности мигрантской диаспоры в стране-реципиенте увеличиваются и объемы международных трансфертов, направляемые мигрантами, а также объемы трансфертов, полученные мигрантами от своих семей в качестве поддержки.

На втором этапе международной миграции, при выборе страны миграции, в силу определенных причин (социальных, культурных, экономических, политических и др.) наблюдается смещение приоритетов выбора в сторону какой-либо определенной страны-реципиента (т.е. значительная часть мигрантов направляется в эту страну-реципиента). В этот период наблюдается положительная корреляция между временем, проведенным в стране пребывания, и объемами отправленных трансфертов (Massey and Basem 1992; Díaz-Briquets and Pérez-López 1997; Brown 1997). Существенное увеличение объемов отправленных денежных трансфертов происходит, во-первых, на фоне роста числа мигрантов и соответственно расширения мигрантской диаспоры (количественный фактор), во-вторых, на фоне роста доходов каждого отдельного мигранта благодаря улучшению его приспособляемости, совершенствования профессиональных навыков, образования и др. (качественный фактор). Так как цели миграции в большинстве случаев всё же экономические, а на родине остается семья, на этом этапе мигранты продолжают поддерживать родных. В то же время объемы полученных трансфертов снижаются или стагнируют, т.к. мигранты уже в состоянии позаботиться о себе за рубежом.

На третьем этапе международной миграции наблюдается высокая степень «на-турализации» мигрантов в принимающей стране, и мигранты пытаются перевезти

семью, расширяют миграционные сети и занимают определенное положение в обществе принимающей страны (Бондаренко и Харитоновна 2023). Это означает, что сообщество мигрантов в новой стране уже успевает не только адаптироваться к новой жизни, но также обустроиться, прижиться и, в определенной степени, интегрироваться в локальные социально-экономические процессы. Тем временем финансовое поведение мигрантов (в отсутствие значимых социальных барьеров) характеризуется трансформацией их поведения в сторону намерений окончательно остаться в принимающей стране. В результате мигранты формируют определенный слой общества среди населения принимающей страны, степень их натурализации становится очень высокой, а численность относительно стабилизируется.

Таким образом, о начале третьего этапа могут свидетельствовать: i) тенденция к снижению доли мигрантской диаспоры в общей численности населения страны-реципиента и ii) тот факт, что страна-реципиент остается ключевым пунктом назначения для мигрантов. В этот момент для мигрантов, которые принимают решение остаться за рубежом, миграция становится уже не временным явлением (как, например, трудовая миграция), а постоянным — происходит процесс более глубокой ассимиляции мигрантов (Holst и Schrooten 2006).

Таблица 1. Стадии миграционных процессов и цикл денежных трансфертов

«Трехстадийность миграционного процесса» (Т. Заславская, Л. Рыбаковский 1987)	Миграционные стадии в зависимости от целей миграции (Toth-Bos, Wisse and Farago 2019)	Цикл международной миграции (двусторонние потоки на страновом уровне)	Цикл двусторонних денежных трансфертов
1. принятие решения о миграции	1. pre-migration stage (домиграционная стадия)	1. принятие решения о миграции, миграция и формирование первой общины в стране-реципиенте	1. рост объема отправленных на родину денежных средств и увеличение полученных мигрантами денежных трансфертов (в качестве временной поддержки)
2. миграция	2. during migration stage (в процессе миграции)	2. страна-реципиент становится ключевым пунктом назначения для мигрантов, мигрантская диаспора продолжает расти	2. Рост объема отправленных на родину денежных средств и снижение/стагнация полученных мигрантами денежных трансфертов
3. адаптация / приживаемость		3. высокая степень натурализации мигрантов, о чем свидетельствуют: i) страна-реципиент остается ключевым пунктом назначения для мигрантов и ii) высокая доля мигрантской диаспоры по отношению к общей численности населения страны-реципиента	3. Снижение объемов чистых трансфертов на фоне: i) падения объема отправленных на родину денежных средств и ii) увеличения полученных трансфертов вследствие продажи активов (в результате), что частично (или полностью) нивелирует спад объемов полученных трансфертов предыдущего этапа
	3. post-migration stage / repatriation (после миграции / репатриация)		

Источник. Составлено автором, Т. Заславская, Л. Рыбаковский (1987), Toth-Bos, Wisse and Farago (2019)

На третьем этапе объемы денежных трансфертов на родину сокращаются. Все дальнейшие мотивы мигрантов помогать оставшимся членам семьи — родителям или родственникам — в большинстве случаев обуславливаются исключительно альтруистическими мотивами или чувством внутреннего долга (Григорьев et al. 2008). Кроме того, мигранты начинают продавать недвижимость и активы, которые они получили в наследство и/или имеют на родине (Morrow-Jones 1988; Аналитический центр 2016), в целях покупки недвижимости в принимающей стране, чтобы остаться там проживать постоянно. В результате снижение объемов полученных мигрантами трансфертов в стране-реципиенте от своей семьи в стране-доноре в целях поддержки мигранта за рубежом, характерное для второго этапа, частично (или в некоторых случаях полностью) сглаживается увеличением объемов трансфертов, вырученных от продажи активов.

Это позволяет идентифицировать три ключевые стадии цикла денежных трансфертов, каждая из которых соотносится с соответствующими этапами цикла международной миграции соответственно (Таблица 1 на с. 50).

Для проверки вышеуказанных заключений о существовании трех стадий цикла международной миграции и трех стадий цикла денежных трансфертов был проведен межстрановой эконометрический анализ.

3. Метод исследования и данные

Моделирование объемов отправленных денежных трансфертов осуществляется с помощью многофакторной регрессионной модели, в основе которой панельные данные: индекс i отражает номер каждой наблюдаемой пары стран реципиент мигрантов — донор мигрантов (например, Германия—Турция в случае рассмотрения миграции турок в Германию или Россия—Беларусь в контексте миграционных потоков из Беларуси в Россию), t — время, выраженное в годах. Контрольные переменные определены в соответствии с проведенным обзором литературы (Makhlouf and Kasmaoui 2018; Ratha and Shaw 2007; Lueth and Ruiz-Arranz 2007; Schioppa and Siegfried 2006; Alper and Neyapti 2006; а также Chami et al. 2003). В обобщенном виде теоретическая модель отправленных денежных трансфертов (1) из принимающей мигрантов страны представлена в следующем виде:

$$(1) \text{LSent}_{it} = \beta_0 + \beta_1 \text{lmstock}_{it} + \beta_2 \text{RecGrowth}_{it} + \beta_3 \text{DonGrowth}_{it} + \beta_4 \text{diffGDP}_{it} + \beta_5 \text{gini}_{it} + \beta_6 \text{lfx}_{it} + \beta_7 \text{ltrade}_{it} + \beta_8 \text{ldist}_{it} + \beta_9 \text{colony}_{it} + \beta_{10} \text{comlang}_{it} + \beta_{11} \text{RecCrisis}_{it} + \beta_{12} \text{DonCrisis}_{it} + \varepsilon_{it}$$

В модели (1) зависимая переменная — LSent_{it} — логарифм отправленных денежных трансфертов из страны — реципиента мигрантов в страну — донора мигрантов.

Остальные переменные — независимые, в том числе: lmstock_{it} — логарифм переменной «численность мигрантов из страны — донора мигрантов, проживающих в стране-реципиенте», RecGrowth_{it} — реальный рост ВВП страны — реципиента мигрантов, DonGrowth_{it} — реальный рост ВВП страны — донора мигрантов, diffGDP_{it} — логарифм разницы между ВВП на душу населения по ППС страны-реципиента и страны — донора мигрантов, gini_{it} — коэффициент Джини страны — реципиента

мигрантов (стандартизированный), lfx_{it} — логарифм кросс-курса валют двух стран (рассчитан через кросс-курс к доллару США), $ltrade_{it}$ — логарифм объема двусторонней торговли двух стран, $ldist_{it}$ — логарифм расстояния между ключевыми городами или агломерациями двух стран, $colony_{it}$ — дамми-переменная, отражает наличие (1) или отсутствие (0) колониальных связей между двумя странами, $comlang_{it}$ — дамми-переменная, отражает наличие (1) или отсутствие (0) единого официального языка в обеих странах, $RecCrisis_{it}$ и $DonCrisis_{it}$ — дамми-переменные, отражают годы падения ВВП (1) страны-реципиента и страны — донора мигрантов соответственно, для остальных лет — (0).

В модель сознательно не включена ключевая ставка стран-доноров и стран-реципиентов из-за статистических особенностей расчета этого показателя². Также мы не включаем инфляцию из-за ее высокой корреляции с курсом валюты. Аналогичный подход применяется в ряде других исследовательских работ — например, в исследовании ЕЦБ — Шиопу и Зигфрид (2006).

Моделирование объемов полученных трансфертов проводится по аналогии с подходом, описанным выше в модели (1). В обобщенном виде теоретическая модель полученных денежных трансфертов (2) в стране-реципиенте из страны-донора представлена в следующем виде:

$$(2) \quad LReceived_{it} = \beta_0 + \beta_1 lstock_{it} + \beta_2 RecGrowth_{it} + \beta_3 DonGrowth_{it} + \beta_4 diffGDP_{it} + \beta_5 gini_{it} + \beta_6 lfx_{it} + \beta_7 ltrade_{it} + \beta_8 ldist_{it} + \beta_9 colony_{it} + \beta_{10} comlang_{it} + \beta_{11} RecCrisis_{it} + \beta_{12} DonCrisis_{it} + \varepsilon_{it}$$

В модели (2) зависимая переменная — $LReceived_{it}$ — логарифм полученных денежных трансфертов страной-реципиентом мигрантов из страны-донора мигрантов.

Переменные миграционных этапов

В рамках исследовательского вопроса мы рассматриваем миграционные этапы, которые мы определяем исходя из i) доли мигрантов, которые уехали из страны-донора в страну — реципиента мигрантов, из общей численности уехавших мигрантов (переменная $shareleav_{it}$) и ii) доли мигрантов из страны-донора по отношению к общей численности населения, проживающего в стране-реципиенте (переменная mig_pop_{it}). Обе эти переменные позволяют определить значимость страны-реципиента для миграции из страны-донора по сравнению с остальными странами. В целях проверки предположения о нелинейном характере взаимосвязи между объемами отправленных денежных трансфертов на разных этапах миграции, мы тестируем также следующие переменные: $shareleav2_{it}$, $shareleav3_{it}$ — соответственно

² Ключевые ставки менялись существенно после перехода к Ямайской валютной системе и далее претерпевали существенные изменения в процессе объединения стран в региональные группировки или, наоборот, разделения одной страны на два или более независимых государства, а также по мере перехода от плавающего к фиксированному курсу валюты, или же — наоборот — от фиксированного к плавающему. Поэтому в контексте анализа большого количества стран мира в долгосрочном периоде существенное повышение/понижение ставки не всегда является индикатором делового цикла в экономике. Кроме того, в большинстве стран мира статистика по ключевой ставке доступна только начиная с 1990-х годов, что ограничивает выборку.

квадрат и куб переменной $shareleav_{it}$, а также mig_pop2_{it} и mig_pop3_{it} — соответственно квадрат и куб переменной mig_pop_{it} .

С учетом шести вышеуказанных переменных, мы дополняем модель (1) и получаем следующий вид модели отправленных денежных трансфертов (3):

$$(3) LSent_{it} = \beta_0 + \beta_1 lmstock_{it} + \beta_2 RecGrowth_{it} + \beta_3 DonGrowth_{it} + \beta_4 diffGDP_{it} + \beta_5 gini_{it} + \beta_6 lfx_{it} + \beta_7 ltrade_{it} + \beta_8 ldist_{it} + \beta_9 colony_{it} + \beta_{10} comlang_{it} + \beta_{11} RecCrisis_{it} + \beta_{12} DonCrisis_{it} + \beta_{13} shareleav_{it} + \beta_{14} shareleav2_{it} + \beta_{15} shareleav3_{it} + \beta_{16} mig_pop_{it} + \beta_{17} mig_pop2_{it} + \beta_{18} mig_pop3_{it} + \varepsilon_{it}$$

В свою очередь, дополняя модель (2), модель полученных денежных трансфертов (4) будет иметь следующий вид:

$$(4) LReceived_{it} = \beta_0 + \beta_1 lmstock_{it} + \beta_2 RecGrowth_{it} + \beta_3 DonGrowth_{it} + \beta_4 diffGDP_{it} + \beta_5 gini_{it} + \beta_6 lfx_{it} + \beta_7 ltrade_{it} + \beta_8 ldist_{it} + \beta_9 colony_{it} + \beta_{10} comlang_{it} + \beta_{11} RecCrisis_{it} + \beta_{12} DonCrisis_{it} + \beta_{13} shareleav_{it} + \beta_{14} shareleav2_{it} + \beta_{15} shareleav3_{it} + \beta_{16} mig_pop_{it} + \beta_{17} mig_pop2_{it} + \beta_{18} mig_pop3_{it} + \varepsilon_{it}$$

В исследовании используются данные Всемирного банка, ООН, МВФ, а также Mayer and Zignago (2011). Единой базы по ежегодным потокам двусторонних денежных трансфертов в долгосрочном периоде не существует, поэтому мы использовали подход Schioppa and Siegfried (2006), которые исследовали статистику двусторонних денежных трансфертов в странах Европы и за основу брали данные национальных центробанков. В настоящем исследовании мы просмотрели вебсайты 115 центробанков (и национальных банков) мира на предмет наличия данных по двусторонним денежным трансфертам (дебет и кредит баланса вторичных доходов текущего счета платежного баланса или денежные трансферты) и обнаружили соответствующую статистику в долгосрочном периоде в Австрии, Великобритании, Германии, Нидерландах, России и США³.

Несмотря на вышеуказанные ограничения, настоящая выборка отвечает целям настоящего исследования.

Мы используем данные по 221 странам-донорам и 218 странам-реципиентам с 1972-го по 2021 г., однако, годы отличаются по отдельным двусторонним потокам, а данные доступны не для всех страновых пар. Общее количество всех двусторонних потоков денежных трансфертов — 596 (см. Приложение 1). Краткая описательная статистика переменных приведена ниже (см. Таблицу 2 на с. 54); здесь представлены как исходные значения переменных (без логарифмирования и без возведения в квадрат или куб), так и непосредственно переменные, используемые в модели.

³ Национальный банк Австрии – Oesterreichische Nationalbank: индикатор – дебет и кредит баланса вторичных доходов текущего счета платежного баланса; Банк Англии – Bank of England: индикатор – дебет и кредит баланса вторичных доходов текущего счета платежного баланса; Немецкий федеральный банк – Deutsche Bundesbank: индикатор – дебет и кредит баланса вторичных доходов текущего счета платежного баланса; Нидерландский банк – De Nederlandsche Bank: индикатор – дебет и кредит баланса вторичных доходов текущего счета платежного баланса; Банк России: индикатор – трансграничные переводы физических лиц (резидентов и нерезидентов); Бюро экономического анализа – Bureau of Economic Analysis: индикатор – international transactions (secondary account).

Таблица 2. Описательная статистика переменных

Переменная	Краткое описание*	Всего	Ср. значение	Ст. откл.	Мин. значение	Макс. значение
sent	Отправленные трансферты из СР в СД, \$млн	12 269	398	1 246	0	17 332
lsent	логарифм <i>sent</i>	11 542	2,9	3,2	-7,6	9,8
received	Полученные трансферты в СР от СД, \$млн	12 123	387	1 233	0	17 332
lreceived	логарифм <i>received</i>	11 406	2,9	3,2	-7,6	9,8
mstock	численность мигрантов в СР из СД, чел.	29 800	75 098	441 186	0	1,20E+07
lmstock	логарифм <i>mstock</i>	17 897	7,7	3,8	0,0	16,3
RecGrowth	Экономический рост СР, %	26 672	2,7	5,2	-64,0	150,0
DonGrowth	Экономический рост СД, %	26 688	2,7	5,2	-64,0	150,0
diffGDP	Разница ВВП на душу населения по ППС СР и СД, тыс. межд. долл.	17 132	0,0	18,8	-145,4	145,4
gini_std	Коэффициент Джини СР	10 685	37,2	8,0	15,0	75,0
fx	Кросс курс валют СД и СР	27 320	3,90E+08	1,11E+10	0,0**	6,35E+11
lfx	логарифм <i>fx</i>	27 320	0,0	3,9	-27,2	27,2
trade	Объем двусторонней торговли СР и СД (экспорт + импорт), \$млн	16 284	15 714	48 868	0,0**	664 642
ltrade	логарифм <i>trade</i>	16 284	6,9	3,3	-9,8	13,4
dist	Расстояние между странами, км	29 000	6 123	4 283	60	16 774
ldist	логарифм <i>ldist</i>	29 000	8,3	1,0	4,1	9,7
colony	Есть колониальные связи (1)	29 000	0,08	0,27	0	1
comlang	Есть единый язык общения (1)	29 000	0,06	0,23	0	1
RecCrisis	Год падения ВВП (1) СР	29 800	0,17	0,37	0	1
DonCrisis	Год падения ВВП (1) СД	29 800	0,17	0,37	0	1
shareleav	доля мигрантов, которые уехали из СД в СР, %	28 923	3,35	10,90	0	98,3
shareleav2	квадрат <i>shareleav</i>	28 923	1 30,1	671,8	0	9 656,4
shareleav3	куб <i>shareleav</i>	28 923	7 199,1	50 669,4	0	948 899,3
mig_pop	доля мигрантов из СД к общей численности населения СР, %	29 000	0,3	1,3	0,0	21,7
mig_pop2	квадрат <i>mig_pop</i>	29 000	1,7	16,5	0,0	469,7
mig_pop3	куб <i>mig_pop</i>	29 000	19,9	262,1	0,0	10 181,1

Примечание. *СР – страна-реципиент, СД – страна-донор, **число ниже, чем 0,0001

Источник: расчеты автора при помощи пакета STATA14

Набор данных представляет собой несбалансированную панель, т.е. многие страновые пары не имеют статистики по всем периодам — это обусловлено статистическими особенностями данных. В настоящей работе набор данных представлен

в широком формате (wide panels), где количество периодов времени (t) меньше, чем количество единиц наблюдения (i), т.е. $i > t$ (количество страновых пар — более 430, периоды — от двух до 60 лет).

Мультиколлинеарность носит технический характер: высокая корреляция характерна для переменных $shareleav_{it}$ и ее производных, а также для переменной mig_pop_{it} и ее производных (Приложение 2).

4. Эконометрическое моделирование

На первом этапе исследования для моделей (1), (2), (3) и (4) были построены сквозные регрессии (метод наименьших квадратов, МНК), панельные регрессии с фиксированным эффектом (FE) и панельные регрессии со случайным эффектом (RE) и проведены тесты.

Для всех моделей в тесте Бройша — Пагана p -уровень $< 0,01$, поэтому основная гипотеза отвергается. Таким образом, регрессия со случайными эффектами лучше описывает наши данные, чем сквозная регрессия. Тесты Вальда и Хаусмана показали, что регрессия с фиксированным эффектом более предпочтительна, что ожидаемо, т.к. для исследования выбирались конкретные страновые пары, их состав не менялся от года к году. Однако в регрессии есть три фиксированные переменные, не меняющиеся по времени $ldist_{it}$, $colony_{it}$ и $comlang_{it}$ которые были элиминированы (исключены) из регрессии с фиксированным эффектом. Поэтому вследствие инвариантности фиктивных переменных мы здесь и далее рассматриваем как регрессии с фиксированными, так и со случайными эффектами (т.к. в отличие от регрессии с фиксированными эффектами последняя позволяет оценить коэффициенты при неизменных по времени переменных). Что касается тестирования на стационарность, то в настоящей работе оно не требуется, т.к. мы используем панельные данные в широком формате, а в контексте панельных данных проблема стационарности характерна для набора данных в длинном формате (long panels), когда количество периодов времени (t) больше, чем количество единиц наблюдения (i), т.е. $t > i$ (Wooldridge, 2015). Результаты моделирования — см. Таблицу 3 и Таблицу 4 (на с. 55 и 57).

Таблица 3. Результаты моделирования — объемы отправленных трансфертов

	[1a] fe lsent	[1b] re lsent	[1c] re lsent	[3a] re lsent	[3b] re lsent	[3c] re lsent	[3d] fe lsent
lmstock	0,149*** (0,0124)	0,173*** (0,0116)	0,160*** (0,0119)	0,152*** (0,0127)	0,136*** (0,0131)	0,120*** (0,0134)	0,111*** (0,0139)
RecGrowth	-0,00620 (0,00499)	-0,00694 (0,00496)	-0,00839* (0,00497)	-0,00872* (0,00498)	-0,00906* (0,00497)	-0,00904* (0,00495)	-0,00706 (0,00498)
DonGrowth	-0,0262*** (0,00405)			-0,0252*** (0,00403)	-0,0258*** (0,00403)	-0,0262*** (0,00401)	-0,0273*** (0,00403)
diffGDP		-0,00317* (0,00317)	-0,00274 (0,00274)	-0,00287 (0,00287)	-0,00314* (0,00314)	-0,00375** (0,00375)	-0,00766*** (0,00766)

	[1a] fe lsent	[1b] re lsent	[1c] re lsent	[3a] re lsent	[3b] re lsent	[3c] re lsent	[3d] fe lsent
	(0,00227)	(0,00194)	(0,00194)	(0,00194)	(0,00194)	(0,00193)	(0,00226)
gini	0,0367***	0,0197***	0,0235***	0,0225***	0,0224***	0,0236***	0,0381***
	(0,00617)	(0,00522)	(0,00541)	(0,00541)	(0,00540)	(0,00539)	(0,00614)
lfx	-0,0134*			-0,0200***	-0,0212***	-0,0202***	-0,0135*
	(0,00753)	(0,00732)	(0,00730)	(0,00732)	(0,00730)	(0,00728)	(0,00750)
ltrade	0,688***	0,678***	0,670***	0,675***	0,673***	0,673***	0,685***
	(0,0173)	(0,0146)	(0,0150)	(0,0151)	(0,0151)	(0,0150)	(0,0174)
RecCrisis	-0,0618	-0,0620	-0,0667*	-0,0682*	-0,0694*	-0,0722*	-0,0655
	(0,0410)	(0,0411)	(0,0410)	(0,0411)	(0,0411)	(0,0409)	(0,0409)
DonCrisis	-0,0406	-0,0403	-0,0453	-0,0495	-0,0545	-0,0530	-0,0489
	(0,0405)	(0,0406)	(0,0406)	(0,0407)	(0,0406)	(0,0404)	(0,0404)
ldist			-0,133*	-0,140*	-0,126*	-0,115	0
			(0,0757)	(0,0749)	(0,0751)	(0,0753)	(.)
colony			0,831***	0,796***	0,743***	0,776***	0
			(0,262)	(0,264)	(0,265)	(0,265)	(.)
comlang			0,658**	0,656**	0,617**	0,486*	0
			(0,293)	(0,289)	(0,290)	(0,291)	(.)
shareleav				0,00668**	0,0250***	0,0446***	0,0397***
				(0,00286)	(0,00632)	(0,0105)	(0,0115)
shareleav2						-0,00134***	-0,00133***
					(0,0000908)	(0,000375)	(0,000421)
shareleav3							
						(0,00000361)	(0,00000418)
mig_pop				-0,0315	0,176***	0,653***	0,737***
				(0,0322)	(0,0707)	(0,110)	(0,118)
mig_pop2					-0,0183***	-0,141***	-0,154***
					(0,00548)	(0,0221)	(0,0229)
mig_pop3						0,00696***	0,00747***
						(0,00121)	(0,00124)
cons	-4,083***	-3,688***	-2,709***	-2,630***	-2,651***	-2,709***	-3,959***
	(0,229)	(0,220)	(0,640)	(0,634)	(0,635)	(0,636)	(0,229)
N – число наблюдений (странов. пары и периоды)	4868	4868	4863	4852	4852	4852	4852
i – число наблюдений (странов. пары)	441	441	440	436	436	436	436
R2 within	0,382	0,381	0,382	0,382	0,385	0,391	0,392

	[1a] fe lsent	[1b] re lsent	[1c] re lsent	[3a] re lsent	[3b] re lsent	[3c] re lsent	[3d] fe lsent
R2 overall	0,645	0,671	0,689	0,693	0,691	0,689	0,650
R2 between	0,701	0,720	0,733	0,740	0,739	0,738	0,707

Примечание. Стандартные ошибки указаны в скобках. Зависимая переменная – $Lsent_{it}$. ***/**/* – значимость оценки коэффициентов соответственно на 1%/5%/10% уровнях. (.) – элиминированные (исключенные) переменные в регрессии с фиксированным эффектом

Источник: расчеты автора при помощи пакета STATA14

Регрессии с фиксированными [1a] и случайными эффектами [1b] отражают модель (1) без учета инвариантных переменных, в то время как регрессия [1c] – панельная регрессия со случайными эффектами, учитывающая $ldist_i$, $colony_i$ и $comlang_i$. Регрессии [3a], [3b], [3c] – панельные регрессии со случайными эффектами модели (3), регрессия [3d] – это панельная регрессия с фиксированными эффектами модели (3) – здесь инвариантные переменные были исключены из модели.

Таблица 4. Результаты моделирования – объемы полученных трансфертов

	[2a] fe lreceived	[2b] re lreceived	[2c] re lreceived	[4a] re lreceived	[4b] re lreceived	[4c] re lreceived	[4d] fe lreceived
lmstock	0,128*** (0,0130)	0,139*** (0,0120)	0,125*** (0,0123)	0,155*** (0,0131)	0,137*** (0,0135)	0,128*** (0,0138)	0,127*** (0,0145)
RecGrowth	-0,0179*** (0,00521)	-0,0178*** (0,00518)	-0,0193*** (0,00519)	-0,0177*** (0,00518)	-0,0180*** (0,00516)	-0,0180*** (0,00516)	-0,0168*** (0,00518)
DonGrowth	-0,0179*** (0,00419)	-0,0211*** (0,00417)	-0,0215*** (0,00417)	-0,0215*** (0,00415)	-0,0224*** (0,00415)	-0,0226*** (0,00415)	-0,0193*** (0,00417)
diffGDP	-0,00141 (0,00239)	-0,00582*** (0,00200)	 (0,00200)	-0,00582*** (0,00199)	-0,00605*** (0,00198)	-0,00641*** (0,00198)	-0,00219 (0,00238)
gini	0,0375*** (0,00640)	0,0316*** (0,00532)	0,0359*** (0,00553)	0,0356*** (0,00551)	0,0353*** (0,00549)	0,0357*** (0,00549)	0,0376*** (0,00637)
lfx	0,0136* (0,00814)	0,0163** (0,00786)	0,0163** (0,00784)	0,0136* (0,00782)	0,0117 (0,00780)	0,0121 (0,00780)	0,00929 (0,00810)
ltrade	0,770*** (0,0182)	0,731*** (0,0150)	0,721*** (0,0153)	0,712*** (0,0154)	0,709*** (0,0153)	0,708*** (0,0153)	0,751*** (0,0182)
RecCrisis	-0,114*** (0,0433)	-0,125*** (0,0434)	-0,130*** (0,0435)	-0,123*** (0,0433)	-0,125*** (0,0433)	-0,127*** (0,0432)	-0,113*** (0,0431)
DonCrisis	-0,0302 (0,0423)	-0,0469 (0,0424)	-0,0516 (0,0424)	-0,0438 (0,0423)	-0,0496 (0,0422)	-0,0486 (0,0422)	-0,0289 (0,0420)
ldist			-0,143** (0,0734)	-0,137* (0,0725)	-0,123* (0,0723)	-0,118* (0,0722)	0 (.)
colony			0,862***	1,137***	1,080***	1,096***	0

	[2a] fe lreceived	[2b] re lreceived	[2c] re lreceived	[4a] re lreceived	[4b] re lreceived	[4c] re lreceived	[4d] fe lreceived
			(0,256)	(0,258)	(0,258)	(0,258)	(.)
comlang			0,545*	0,592**	0,549**	0,479*	0
			(0,287)	(0,283)	(0,282)	(0,282)	(.)
shareleav				-0.0195***	0.00652	0.0199*	0.0264**
				(0.00292)	(0.00657)	(0.0109)	(0.0121)
shareleav2						-0.00110***	-0.00123***
					(0.0000944)	(0.000381)	(0.000434)
shareleav3						0.00000632*	0.00000700*
						(0.00000363)	(0.00000430)
mig_pop				-0,0132	0,180***	0,418***	0,308***
				(0,0330)	(0,0727)	(0,114)	(0,125)
mig_pop2					-0,0171***	-0,0787***	-0,0633***
					(0,00568)	(0,0231)	(0,0241)
mig_pop3						0,00348***	0,00288**
						(0,00126)	(0,00130)
cons	-4,792***	-4,116***	-3,056***	-3,206***	-3,204***	-3,221***	-4,641***
	(0,239)	(0,224)	(0,621)	(0,615)	(0,613)	(0,611)	(0,239)
N – число наблюдений (странов. пары и периоды)	4784	4784	4779	4767	4767	4767	4767
i – число наблюдений (странов. пары)	437	437	436	432	432	432	432
R2 within	0,402	0,401	0,402	0,407	0,412	0,413	0,414
R2 overall	0,625	0,634	0,666	0,672	0,670	0,671	0,627
R2 between	0,715	0,724	0,743	0,748	0,747	0,748	0,715

Примечание. Стандартные ошибки указаны в скобках. Зависимая переменная – $Lreceived_{it}$.
 ***/**/* – значимость оценки коэффициентов соответственно на 1%/5%/10% уровнях. (.) – элиминированные (исключенные) переменные в регрессии с фиксированным эффектом

Источник: расчеты автора при помощи пакета STATA14

Регрессии с фиксированными [2a] и случайными эффектами [2b] отражают модель (2) без учета инвариантных переменных, в то время как регрессия [2c] – это панельная регрессия со случайными эффектами, учитывающая $ldist_{it}$, $colony_{it}$ и $comlang_{it}$. Регрессии [4a], [4b], [4c] – панельные регрессии со случайными эффектами модели (4), регрессия [4d] – это панельная регрессия с фиксированными эффектами модели (4) – здесь инвариантные переменные были исключены из модели.

Все коэффициенты перед объясняющими переменными в регрессионных уравнениях выше соответствуют ожиданиям.

5. Интерпретация результатов регрессионного анализа

Доля мигрантов, покинувших страну-донора в пользу страны-реципиента

Для определения этапов двустороннего миграционного цикла мы построили графики зависимости денежных трансфертов от переменной $shareleav_{it}$ и ее производных $shareleav2_{it}$ и $shareleav3_{it}$ с использованием данных проведенного выше регрессионного анализа и рассчитали⁴ экстремумы функций [3c], [3d], [4c], [4d], которые позволяют определить условия перехода от одной стадии двусторонней миграции к другой. Функции отражают зависимость объемов отправленных денежных трансфертов ($Lsent_{it}$) от доли мигрантов, покинувших страну-реципиента ($shareleav_{it}$).

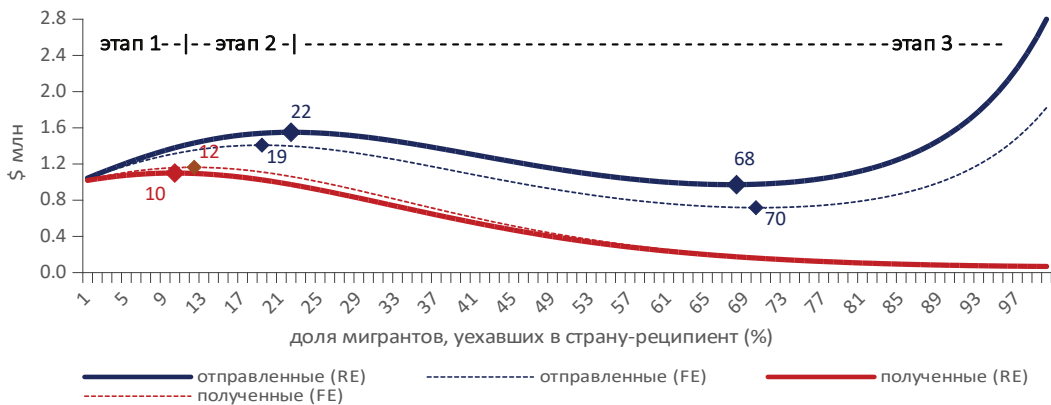

Рисунок 1. Моделирование двусторонних потоков международных трансфертов (\$ млн) в зависимости от доли мигрантов, покинувших страну-донора в пользу страны-реципиента (%)

Примечание. Ромбами обозначены экстремумы функций. Максимальное значение доли мигрантов, уехавших в страну-реципиента – 98,3%

Источник: расчеты автора.

В ходе анализа было выявлено, что на первом этапе численность мигрантов, которые уезжают в страну-реципиента, из общего числа мигрантов страны-донора не превышает 10-12% (Рисунок 1 на с. 59). В этот период растут как объемы

⁴ Уравнения построены при прочих равных условиях – *ceteris paribus*. Так как обе зависимые переменные $Lsent_{it}$ и $Lreceived_{it}$ являются натуральными логарифмами исходных переменных $Sent_{it}$ и $Received_{it}$, для графической интерпретации все четыре функции были соответственно преобразованы через обратную экспоненциальную функцию e^x . Область допустимых значений переменной $shareleav_{it}$ — от 0 (мигранты не уезжали в страну-реципиента) до 100 (все мигранты из страны-донора уезжают в страну-реципиента).

отправленных, так и полученных трансфертов (последние растут из-за того, что семья поддерживает мигранта за рубежом в первое время миграции).

Далее по мере роста концентрации миграционных потоков в определенную страну происходит переход от первого ко второму этапу. Здесь объемы отправленных трансфертов продолжают расти, а объемы полученных начинают снижаться высокими темпами.

В свою очередь, переход от второго к третьему этапу происходит, когда доля мигрантов, уезжающих в определенную страну-реципиента, начинает превышать 19–22%. Третий этап двустороннего миграционного цикла, однако, имеет более комплексную структуру, чем мы предполагали ранее. С начала третьего этапа действительно наблюдается сокращение объемов отосланных трансфертов в страну-донора из страны-реципиента, в то время как снижение объемов отосланных трансфертов замедляется (вероятно, из-за перетока капитала в виде продажи активов). При этом, в страновых парах с очень высокой страновой концентрацией миграции (т.е. где более 68–70% от общего числа мигрантов уезжают в определенную страну-реципиента⁵) дальнейшее ее усиление ведет к росту объемов отправленных трансфертов (Рисунок 1 на с. 59). Мы связываем это с теми случаями, когда массовая миграция из страны-донора в страну-реципиента является следствием хорошо налаженных каналов для получения временной работы за рубежом и невозможности (или нежелания по ряду причин) мигрантов менять место жительства⁶.

Доля мигрантов из страны-донора по отношению к общей численности населения страны-реципиента

Для определения этапов двустороннего миграционного цикла, по аналогии с вышеописанным подходом, мы построили графики зависимости денежных трансфертов от переменной mig_pop_{it} и ее производных (mig_pop2_{it} и mig_pop3_{it}) с использованием данных проведенного выше регрессионного анализа и рассчитали⁷ экстремумы функций [3c], [3d], [4c], [4d], которые позволяют определить условия перехода от одной стадии двусторонней миграции к другой. Уравнения также построены при прочих равных условиях – *ceteris paribus*, исходя из расчетных

⁵ Это, например, фундаментально характерно для миграции из Мексики в США, а также из Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана в Россию. Эта ситуация также наблюдалась для миграции турок в Германию в 1980-е годы.

⁶ Это также может быть связано с ростом предпринимательской активности мигрантов на родине, т.е. когда трансферты начинают нести скорее инвестиционный характер, чем быть направлены на поддержку благосостояния родственников, но такой характер трансфертов, как правило, отражается не в текущем, а в капитальном счете платежного баланса страны и не является предметом настоящего исследования.

⁷ Так как обе зависимые переменные $LSent_{it}$ и $LReceived_{it}$ являются натуральными логарифмами исходных переменных $Sent_{it}$ и $Received_{it}$, для графической интерпретации все четыре функции были соответственно преобразованы через обратную экспоненциальную функцию e^x . Область допустимых значений переменной mig_pop_{it} – от 0 (мигранты не проживают в стране-реципиенте) до 22 (максимальная доля мигрантов из определенной страны по отношению к численности населения страны-реципиента – было характерно российских мигрантов в Эстонии в 1980-е и 1990-е и Казахстане в 1970-е).

коэффициентов уравнений (Таблица 3, Таблица 4 на с. 56 и 57).

В ходе анализа было выявлено, что на первом и втором этапах доля мигрантов, которые проживают в стране-реципиенте, из общего числа ее населения не превышает 3–3,4% (Рисунок 2 на с. 61).

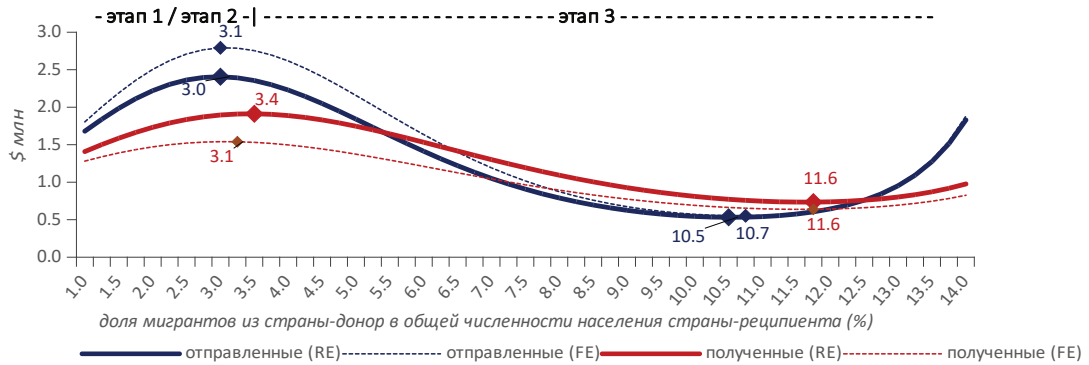

Рисунок 2. Моделирование двусторонних потоков международных трансфертов (\$ млн) в зависимости от доли мигрантов из страны-донора в общей численности населения страны-реципиента (%)

Примечание. Ромбами обозначены экстремумы функций. Максимальное значение доли мигрантов из страны-донора в общей численности населения страны-реципиента — 21,7%

Источник: расчеты автора

В этот период объемы отправленных трансфертов растут (мигранты отправляют денежные средства домой), а полученных — сначала растут высокими темпами (первый этап миграции, семья в первое время поддерживает мигранта), а потом фактически не растут (второй этап миграции).

Далее по мере увеличения доли мигрантского населения в стране-реципиенте происходит переход к третьему этапу. Здесь начинается уменьшение объемов отправленных трансфертов. Полученные трансферты также сначала снижаются, но скорость их снижения существенно ниже, чем у отправленных, и в результате чистые трансферты становятся отрицательными.

В данном случае также подтверждается комплексный характер третьего этапа. В странах с очень высокой концентрацией мигрантов из определенной страны (т.е. где доля мигрантов в населении превышает 10,5–12%⁸ от общего числа жителей) дальнейший рост мигрантской диаспоры ведет к росту объемов трансфертов — как отправленных, так и полученных (Рисунок 2 на с. 61). Рост объемов полученных трансфертов — это свидетельство массовой релокации населения на рубеж. Вероятные причины роста объема отправленных трансфертов представлены в пункте выше (это, например, рост предпринимательской активности и/или невозможность или отсутствие желания уезжать на ПМЖ).

⁸ Это, например, фундаментально характерно для миграции в Россию из Казахстана, Эстонии, Латвии и Украины.

6. Количественные условия миграционных этапов и страновые примеры

Проведенные расчеты позволяют количественно оценить (Таблица 5 на с. 62), как степень адаптации мигрантов в стране-реципиенте (которая определяется циклом международной миграции) трансформирует паттерны финансового поведения мигрантов.

Таблица 5. Расчетные условия цикла международной миграции и цикла денежных трансфертов

№	Цикл международной миграции	Цикл двусторонних денежных трансфертов	Доля мигрантов, уехавших в страну-реципиента (%)	Доля мигрантов из страны-донора в численности населения страны-реципиента (%)
1	Принятие решения о миграции, миграция и формирование первой общины в стране-реципиенте	Рост объема отправленных на родину денежных средств и увеличение полученных мигрантами денежных трансфертов (в качестве временной поддержки)	Менее 10–12%	Менее 3,0–3,4%
2	Страна-реципиент становится ключевым пунктом назначения для мигрантов, мигрантская диаспора продолжает расти	Рост объема отправленных на родину денежных средств и снижение/стагнация полученных мигрантами денежных трансфертов	От 10–12% до 19–22%	
3	Высокая степень натурализации мигрантов, о чем свидетельствуют: i) страна-реципиент остается ключевым пунктом назначения для мигрантов и ii) высокая доля мигрантской диаспоры по отношению к общей численности населения страны-реципиента	Снижение объемов чистых трансфертов на фоне: i) падения объема отправленных на родину денежных средств и ii) увеличения полученных трансфертов вследствие продажи активов (в результате), что частично (или полностью) нивелирует спад объемов полученных трансфертов предыдущего этапа	От 19–22% и выше	От 3,0–3,4% и выше

Источник. Составлено автором

Расчетные условия (Таблица 5 на с. 62) позволяют определить этапы двусторонней миграции для различных страновых пар и годы перехода от одного этапа к другому. В контексте доли мигрантов в принимающей стране, однако, остается существенный вопрос соотношения численности населения двух стран. В случае если у стран в страновой паре численность населения примерно одинакова, условия переменной mig_por_{it} для определения этапов миграции будут репрезентативны (в выборке медиана соотношения численности населения страны-донора к численности населения страны-реципиента равна единице, т.к. почти для каждой страновой

пары есть обратная страновая пара: например, для DEU/TUR — миграции турок в Германию есть пара TUR/DEU — миграция немцев в Турцию). Если же численность населения страны-донора существенно превышает численность населения страны-реципиента, то стадии миграционного цикла могут быть смещены вниз, а в противном случае — вверх.

Общее число страновых пар, для которых доступны данные $share_{it}$ и mig_pop_{it} и начиная с 1972 года до настоящего времени в период более одного года — 570. Исходя из вышеуказанных условий, 493 пары все еще остаются на первой стадии миграции (Приложение 3). В качестве примера мы выделяем следующие пары реципиент—донор: Аргентина—США, Австрия—Словакия, Болгария—Германия, Великобритания—Индия (несмотря на увеличение доли мигрантов из Индии в общей численности населения Великобритании в последние годы) и др.

Переход от первой ко второй стадии наблюдается в следующих страновых парах реципиент—донор: Австрия—Чехия (второй этап — с 2010 года), США—Сингапур (с 2010 года), Германия—Швейцария (с 2000 года), США—Индия (с 2000 года), Германия—Эстония (с 1990 года), Германия—Латвия (с 1990 года), Германия—Испания (с 2000 года), Австрия—Словения (с 2000 года).

Наконец, через три этапа миграции начиная прошли следующие пары стран реципиент—донор: США—Китай (второй этап начался в 1990-е, а третий — в 2010-е годы), Мексика—США (второй этап начался в 1990-е, а третий — в 2010-е годы), Германия—Турция (последняя прошла первые два этапа в 1960-е годы) и другие.

В ходе анализа было выявлено, что Россия как страна-реципиент со странами бывшего СССР как донорами мигрантов (Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Эстонией, Грузией, Казахстаном, Кыргызстаном, Литвой, Латвией, Молдовой, Таджикистаном, Туркменистаном, Украиной и Узбекистаном) находится на протяжении многих лет на третьей стадии миграции (Россия является приоритетной страной для миграции для более чем 40% уезжающих людей из этих стран). При этом официально публикуемая динамика трансфертов начинает показывать паттерны третьего этапа миграционного цикла только в последние десять-двадцать лет и все еще не во всех странах — вероятно, это следствие специфики миграционных процессов в период СССР, неопределенности в экономической ситуации в 1990-е годы, ограничений в части передачи личных трансфертов, которые действовали на территориях многих стран — бывших членов СССР в 1990-е — начале 2010-х годов, статистических нюансов и специфики миграции из отдельных стран. Например, для большинства мигрантов из Узбекистана характерна трудовая миграция с целью заработка, чтобы улучшить свое финансовое положение (и благосостояние своей семьи) на родине, а не переезда на постоянное место жительства в Россию (Бондаренко 2020а). В этом случае объемы отправленных трансфертов продолжают расти даже при увеличении доли уезжающих мигрантов в страну-реципиента.

7. Заключение

Проведенное исследование стало продолжением ряда исследований, посвященных вопросам миграционных циклов и моделирования потоков денежных трансфертов.

Миграционные процессы на двустороннем уровне (между страной-донором и страной — реципиентом мигрантов) протекают в рамках трехстадийного процесса. На первой стадии принимается решение о миграции и формируются первые общины в стране-реципиенте. На второй стадии страна-реципиент постепенно становится ключевым пунктом назначения для мигрантов, происходит расширение мигрантской диаспоры. На третьей стадии миграционного цикла наблюдается высокая степень натурализации мигрантов, о которой свидетельствует то, что страна-реципиент остается ключевым пунктом назначения для мигрантов и что доля мигрантской диаспоры по отношению к общей численности населения страны-реципиента становится высокой.

Зависимость трансфертов от миграционного цикла имеет нелинейный характер. Для анализа потоков денежных трансфертов было проведено эконометрическое моделирование объемов i) отправленных денежных трансфертов из страны — реципиента мигрантов в страну донора и ii) полученных денежных трансфертов страной — реципиентом мигрантов из страны-донора. Обобщение существующих публикаций показывает, что если моделирование денежных трансфертов главным образом основано на общестрановой статистике, то оно не включает в себя микроэкономические параметры. В настоящем исследовании в модели отправленных и полученных трансфертов наряду с основными макроэкономическими параметрами включены стадии цикла миграции. Добавление данных переменных в модель позволяет более точно оценить специфику финансовых потоков между странами: как в случае отправленных, так и в случае полученных трансфертов модель позволила выявить нелинейный характер зависимости трансфертов от миграционного цикла. На третьей стадии миграции после того, как наблюдается существенное увеличение мигрантской диаспоры в стране-реципиенте (в т.ч. на фоне того, что она становится приоритетной локацией для миграции), проявляется снижение отправленных трансфертов из страны-реципиента домой и увеличение личных трансфертов в обратном направлении.

Прокси-факторы для стадий миграционного цикла — i) доля мигрантов из страны-донора по отношению к общей численности населения страны-реципиента и ii) доля уезжающих из страны-донора в определенную страну-реципиента — позволяют оценить условия перехода от одной стадии к другой.

На первой и второй стадиях доля мигрантов из страны-донора по отношению к общей численности населения страны-реципиента невысокая и составляет менее 3,0–3,4%. На первой стадии доля уезжающих из страны-донора в определенную страну-реципиента не превышает 10–12%, отправленные личные трансферты из страны-донора в страну-реципиента растут, в то время как полученные также увеличиваются. На второй стадии все больше мигрантов предпочитают уезжать в определенную страну-реципиента, и концентрация уезжающих находится в пределах от 10–12% до 19–22%. Объемы отправленных личных трансфертов из страны-реципиента в страну-донора продолжают расти, а объемы полученных начинают снижаться или стагнируют. На третьей стадии доля уезжающих в определенную страну начинает превышать 19–22%, одновременно растет доля мигрантов по отношению к численности населения принимающей страны. На третьем этапе эко-

нометрический анализ показал, что объемы отправленных личных трансфертов мигрантами домой действительно снижаются.

Библиография

- Аналитический центр. На пульсе: Обновленный прогноз МВФ. В фокусе: Международные денежные трансферты мигрантов // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. 2016. №. 8. С. 177-19
- Бондаренко К. А. Влияние трансформации социокультурных факторов на процессы внешней трудовой миграции Узбекистана // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. №. 3. С. 76–108.
- Бондаренко К. А., Харитонов Н. А. Благополучие иммигрантов в Германии: Страновые различия и конвергенция доходов // Современная Европа. 2023. Т. 23. № 2. С. 186-201
- Григорьев Л., Кондратьев С., Салихов М. Трудный выход из трансформационного кризиса // Вопросы экономики. 2008. Т. 10. С. 77–95.
- Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. №. 1. С. 56–65.
- Мукомель В. и др. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20. №. 1. С. 34–50.
- Пухова М. М., Дорошина И. П., Ходжаева И. Г. Теоретические основы миграции // Транспортное дело России. 2013. №. 6-2. С. 13–16.
- Чепель С. В., Бондаренко К. А. Является ли внешняя трудовая миграция фактором экономического роста. Эконометрический анализ и выводы для стран СНГ // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. Т. 4. №. 28. С. 142.
- Alper A. M., Neyapti B. Determinants of workers' remittances: Turkish evidence from high-frequency data // Eastern European Economics. 2006. Т. 44. №. 5. С. 91-100.
- Amuedo-Dorantes C., Pozo S. Migration, remittances, and male and female employment patterns // American Economic Review. 2006. Т. 96. №. 2. С. 222-226.
- Beine M., Docquier F., Özden Ç. Diasporas // Journal of Development Economics. 2011. Т. 95. №. 1. С. 30-41.
- Bernard A., Bell M., Charles-Edwards E. Improved measures for the cross-national comparison of age profiles of internal migration // Population Studies. 2014. Т. 68. №. 2. С. 179-195.
- Bernardo A. B. I., Clemente J. A. R., Wang T. Y. Working for a better future: Social mobility beliefs and expectations of Filipino migrant workers in Macau // Australian Journal of Psychology. 2018. Т. 70. №. 4. С. 350-360.
- Bhugra D., Becker M. A. Migration, cultural bereavement and cultural identity // World psychiatry. 2005. Т. 4. №. 1. С. 18.
- Brown R. P. C. Estimating remittance functions for Pacific Island migrants // World development. 1997. Т. 25. №. 4. С. 613-626.
- Buch C. M., Kuckulenz A., Le Manchec M. H. Worker remittances and capital flows. Kiel working paper, 2002. №. 1130.
- Carrasco L. N. Transnational family life among Peruvian migrants in Chile: Multiple commitments and the role of social remittances // Journal of comparative family studies. 2010. Т. 41. №. 2. С. 187-204.

- Chami R., Fullenkamp C., Jahjah S. Are immigrant remittance flows a source of capital for development? // IMF Staff papers. 2005. T. 52. №. 1. C. 55-81.
- De Jong G. F. Expectations, gender, and norms in migration decision-making // Population studies. 2000. T. 54. №. 3. C. 307-319.
- Díaz-Briquets S., Pérez-López J. Refugee remittances: Conceptual issues and the Cuban and Nicaraguan experiences // International Migration Review. 1997. T. 31. №. 2. C. 411-437.
- Holst E., Schrooten M. Migration and money: What determines remittances? Evidence from Germany. DIW Discussion Papers, 2006. №. 566.
- King R., Dalipaj M., Mai N. Gendering migration and remittances: Evidence from London and northern Albania // Population, Space and Place. 2006. T. 12. №. 6. C. 409-434.
- Kock U., Sun Y. Remittances in Pakistan—Why have they gone up, and why aren't they coming down? 2011.
- Lueth E., Ruiz-Arranz M. A gravity model of workers' remittances. 2007.
- Makhlouf F., Kasmaoui K. The impact of oil price on remittances: the case of Morocco // J. Energy & Dev. 2017. T. 43. C. 293.
- Massey D. S., Basem L. C. Determinants of savings, remittances, and spending patterns among US migrants in four Mexican communities // Sociological inquiry. 1992. T. 62. №. 2. C. 185-207.
- Mayer T., Zignago S. Notes on CEPII's distances measures: The GeoDist database. 2011.
- Morrow-Jones H. A. The housing life-cycle and the transition from renting to owning a home in the United States: a multistate analysis // Environment and Planning A. 1988. T. 20. №. 9. C. 1165-1184.
- Mosler Vidal E., Laczko F. Migration and the SDGs: Measuring Progress. 2022.
- Nivalainen S. Determinants of family migration: short moves vs. long moves // Journal of Population Economics. 2004. T. 17. №. 1. C. 157-175.
- Ratha D., Shaw W. South-South migration and remittances // World Bank working paper. 2006. T. 102. C. 334934-1110315015165.
- Schiopu I. C., Siegfried N. Determinants of workers' remittances: Evidence from the European neighbouring region. 2006.
- Toth-Bos A., Wisse B., Farago K. Goal pursuit during the three stages of the migration process // International Journal of Intercultural Relations. 2019. T. 73. C. 25-42.
- Wooldridge J. M. Introductory econometrics: A modern approach. Cengage learning, 2015.
- World Bank. World Migration Report Текст: электронный // интернет-портал. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/> (дата обращения: 25.01.2023).
- Yehuda-Sternfeld S. B., Mirsky J. Return migration of Americans: Personal narratives and psychological perspectives // International Journal of Intercultural Relations. 2014. T. 42. C. 53-64.
- Yoon E., Lee R. M. Importance of social connectedness as a moderator in Korean immigrants' subjective well-being // Asian American Journal of Psychology. 2010. T. 1. №. 2. C. 93.
- Zhou J. Persistence motivations of Chinese doctoral students in science, technology, engineering, and math // Journal of Diversity in Higher Education. 2014. T. 7. №. 3. C. 177.

Приложение 1 Двусторонние трансферты

Страна-донор (ниже)	Страна-реципиент											
	Россия	Германия	США	Австрия	Великобритания	Япония	Нидерланды	Швейцария	Индия	Бразилия	Китай	другие
Россия		2006–2021	2006–2021	2006–2021	2006–2021	2006–2021	2006–2021	2006–2021	2006–2021	2006–2021	2006–2021	Прим. 5
Германия	1992–2021		1972–2021	1972–2021	1972–2007	1972–2021	1972–2021	1972–2021	1972–2021	1972–2021	1972–2021	Прим. 6
США	2006–2021	1972–2012		1995–2021	1999–2021	2003–2021	2004–2021		2003–2021	2003–2021	2003–2021	Прим. 7
Австрия	2006–2021	1972–2021	1995–2021		1995–2021		1995–2021	1995–2021				Прим. 8
Великобритания	2006–2021	1972–2008	1999–2021	1995–2021		1999–2021		1999–2021	1999–2021	1999–2021	1999–2021	Прим. 9
Япония	2006–2021	1972–2021	2003–2021		1999–2021		2004–2021					
Нидерланды	2006–2021	1972–2021	2004–2021	1995–2021		2004–2021						
Бразилия	2006–2021	1972–2021	2003–2021		1999–2021							
Канада	2006–2021	1972–2013	2003–2021		1999–2021							
Китай	2006–2021	1972–2021	2003–2021		1999–2021							
Франция	2006–2021	1972–2021	2003–2021	1995–2021								
Индия	2006–2021	1972–2021	2003–2021	1995–2021	1999–2021							
Италия	2006–2021	1972–2021	2003–2021	1995–2021	1999–2021							
Швейцария	2006–2021	1972–2021		1995–2021	1999–2021							
Аргентина	2006–2021	1972–2021	2003–2021									
Австралия	2006–2021	1972–2021	2003–2021									
Бельгия	2006–2021	1982–2021	2003–2021									
Хорватия	2006–2021	1992–2021		1995–2021								
Венгрия	2006–2021	1972–2021		1995–2021								
Люксембург	2006–2021	1972–2021	2003–2021									
Мексика	2006–2021	1972–2021	2003–2021									
Польша	2006–2021	1972–2021		1995–2021								
Румыния	2006–2021	1972–2021		1995–2021								
Сингапур	2006–2021	1972–2021	2003–2021									
Словения	2006–2021	1992–2021		1995–2021								
Испания	2006–2021	1972–2021		1995–2021								
другие	Прим. 1	Прим. 2	Прим. 3	Прим. 4								

Примечания.

- ¹ Денежные трансферты в Россию в период 2006–2021 гг. из следующих стран: Азербайджан, Албания, Алжир, Американское Самоа, Ангилья, Ангола, Андорра, Антигуа и Барбуда, Армения, Аруба, Афганистан, Бангладеш, Барбадос, Бахрейн, Беларусь, Белиз, Бенин, Бермуды, Болгария, Боливия, Босния и Герцеговина, Ботсвана, Бруней, Буркина-Фасо, Бурунди, Вануату, Венесуэла, Виргинские острова (Великобритания), Виргинские острова (США), Восточный Тимор, Вьетнам, Габон, Гайана, Гаити, Гана, Гваделупа, Гватемала, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гибралтар, Гондурас, Гренада, Гренландия, Греция, Грузия, Гуам, Дания, Джибути, Доминика, Доминиканская Республика, ДР Конго, Египет, Замбия, Зимбабве, Израиль, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Ирландия, Исландия, Йемен, Казахстан, Каймановы острова, Камбоджа, Камерун, Катар, Кения, Кипр, Кирибати, КНДР, Колумбия, Коста-Рика, Кот-д'Ивуар, Куба, Кувейт, Кыргызстан, Кюрасао, Лаос, Латвия, Лесото, Либерия, Ливан, Ливия, Литва, Лихтенштейн, Маврикий, Мавритания, Мадагаскар, Майотта, Македония, Малави, Малайзия, Мали, Мальдивы, Мальта, Марокко, Мартиника, Маршалловы острова, Микронезия, Мозамбик, Молдова, Монако, Монголия, Монтсеррат, Мьянма, Намибия, Непал, Нигер, Нигерия, Нидерландские Антильские острова, Никарагуа, Ниуэ, Новая Зеландия, Новая Каледония, Норвегия, ОАЭ, Оман, Остров Мэн, Остров Норфолк, Остров Святой Елены, Острова Кука, Острова Теркс и Кайкос, Острова Уоллис и Футуна, Пакистан, Палау, Панама, Папуа — Новая Гвинея, Парагвай, Перу, Португалия, Пуэрто-Рико, Республика Конго, Руанда, Сальвадор, Самоа, Сан-Марино, Сан-Томе и Принсипи, Саудовская Аравия, Северные Марианские острова, Сейшелы, Сенегал, Сербия, Сирия, Словакия, Соломоновы острова, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Таджикистан, Таиланд, Танзания, Того, Токелау, Тонга, Тринидад и Тобаго, Тувалу, Тунис, Туркменистан, Турция, Уганда, Узбекистан, Украина, Уругвай, Фиджи, Филиппины, Финляндия, Французская Гвиана, Французская Полинезия, Центрально-Африканская Республика, Чад, Черногория, Чехия, Чили, Швеция, Шри-Ланка, Эквадор, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эсватини, Эстония, Эфиопия, ЮАР, Южная Корея, Южный Судан, Ямайка.
- ² Денежные трансферты в Германию в период 1972–2012 гг. (если не указано иное) из следующих стран: Болгария, Греция, Дания, Ирландия (1973–2018 гг.), Исландия, Кипр, Латвия (1992–2021 гг.), Литва (1992–2021 гг.), Лихтенштейн (1995–2021 гг.), Малайзия, Мальта, Марокко, Норвегия, Португалия, Турция, Финляндия, Швеция, Эстония;
- ³ Денежные трансферты в США в период 2003–2021 гг. из следующих стран: Венесуэла, Гонконг (Китай), Тайвань (Китай), ЮАР, Южная Корея;
- ⁴ Денежные трансферты в Австрию в период 1995–2021 гг. из следующих стран: Чехия и Словакия;
- ⁵ Денежные трансферты из России в период 2006–2021 гг. в следующие страны: Австралия, Азербайджан, Албания, Алжир, Американское Самоа, Ангилья, Ангола, Андорра, Антигуа и Барбуда, Аргентина, Армения, Аруба, Афганистан, Багамы, Бангладеш, Барбадос, Бахрейн, Беларусь, Белиз, Бельгия, Бенин, Бермуды, Болгария, Боливия, Босния и Герцеговина, Ботсвана, Бруней, Буркина-Фасо, Бурунди, Бутан, Вануату, Венгрия, Венесуэла, Виргинские острова (Великобритания), Виргинские острова (США), Восточный Тимор, Вьетнам, Габон, Гайана, Гаити, Гамбия, Гана, Гваделупа, Гватемала, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гибралтар, Гондурас, Гренада, Гренландия, Греция, Грузия, Гуам, Дания, Демократическая Республика Конго, Джибути, Доминика, Доминиканская Республика, Египет,

Замбия, Зимбабве, Йемен, Израиль, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кабо-Верде, Казахстан, Каймановы острова, Камбоджа, Камерун, Канада, Катар, Кения, Кипр, Кирибати, КНДР, Колумбия, Коста-Рика, Кот-д'Ивуар, Куба, Кувейт, Кыргызстан, Кюрасао, Лаос, Латвия, Лесото, Либерия, Ливан, Ливия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Маврикий, Мавритания, Мадагаскар, Майотта, Македония, Малави, Малайзия, Мали, Мальдивы, Мальта, Марокко, Мартиника, Маршалловы острова, Мексика, Микронезия, Мозамбик, Молдова, Монако, Монголия, Монтсеррат, Мьянма, Намибия, Непал, Нигер, Нигерия, Нидерландские Антильские острова, Никарагуа, Ниуэ, Новая Зеландия, Новая Каледония, Норвегия, ОАЭ, Оман, Остров Мэн, Остров Норфолк, Остров Святой Елены, Острова Кука, Острова Теркс и Кайкос, Острова Уоллис и Футуна, Пакистан, Палау, Панама, Папуа — Новая Гвинея, Парагвай, Перу, Польша, Португалия, Пуэрто-Рико, Республика Конго, Руанда, Румыния, Сальвадор, Самоа, Сан-Марино, Сан-Томе и Принсипи, Саудовская Аравия, Северные Марианские острова, Сейшелы, Сенегал, Сербия и Черногория, Сербия, Сингапур, Сирия, Словакия, Словения, Соломоновы острова, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Таджикистан, Таиланд, Танзания, Того, Токелау, Тонга, Тринидад и Тобаго, Тувалу, Тунис, Туркменистан, Турция, Уганда, Узбекистан, Украина, Уругвай, Фиджи, Филиппины, Финляндия, Франция, Французская Гвиана, Французская Полинезия, Хорватия, Центрально-Африканская Республика, Чад, Черногория, Чехия, Чили, Швеция, Шри-Ланка, Эквадор, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эсватини, Эстония, Эфиопия, ЮАР, Южная Корея, Южный Судан, Ямайка;

- ⁶ Денежные трансферты из Германии в период 1972–2012 гг. (если не указано иное) в следующие страны: Австралия, Аргентина, Бельгия (1982–2021 гг.), Болгария, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия (1993–2018 гг.), Исландия, Испания, Италия (1972–2016 гг.), Канада (1992–2013 гг.), Кипр, Латвия (1992–2021 гг.), Литва (1992–2021 гг.), Лихтенштейн (1995–2021 гг.), Люксембург, Малайзия, Мальта, Марокко, Мексика, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Сингапур, Словения (1992–2021 гг.), Турция, Финляндия, Франция, Хорватия (1992–2021 гг.), Швеция, Эстония (1992–2021 гг.);
- ⁷ Денежные трансферты из США в период 2003–2021 гг. в следующие страны: Австралия, Аргентина, Бельгия, Венесуэла, Мексика, САР Гонконг, САР Тайвань, Сингапур, ЮАР, Южная Корея;
- ⁸ Денежные трансферты из Австрии в период 1995–2021 гг. в следующие страны: Венгрия, Испания, Италия, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Франция, Хорватия, Чехия;
- ⁹ Денежные трансферты из Великобритании в период 1999–2021 гг. в следующие страны: Канада, САР Гонконг.

Приложение 2. Корреляционная матрица

	Isent	Ireceived	Imstock	RecGrowth	DonGrowth	diffGDP	lfx	gini	ltrade	RecCrisis	DonCrisis	ldist	colony	comlang	sharelev	sharelev2	sharelev3	mig_pop	mig_pop2	mig_pop3
Isent	1,0000																			
Ireceived	0,8401*	1,0000																		
Imstock	0,7230*	0,6559*	1,0000																	
RecGrowth	-0,0738*	-0,0359*	-0,1421*	1,0000																
DonGrowth	-0,0376*	-0,0727*	0,0225*	0,1398*	1,0000															
diffGDP	0,0736*	-0,0767*	0,1594*	-0,0441*	0,0464*	1,0000														
lfx	-0,0232	0,0252*	0,1431*	-0,0926*	0,0930*	0,3083*	1,0000													
gini	-0,2150*	-0,0855*	-0,1966*	-0,0778*	-0,0003	-0,2338*	0,0362*	1,0000												
ltrade	0,8006*	0,7996*	0,6609*	-0,0352*	-0,0334*	-0,0062	0,0016	-0,3249*	1,0000											
RecCrisis	-0,0306*	-0,0362*	0,0136	-0,7062*	-0,1378*	-0,0114	0,0595*	0,2030*	-0,0590*	1,0000										
DonCrisis	-0,0371*	-0,0308*	-0,0694*	-0,1374*	-0,7047*	0,0105	-0,0597*	0,0418*	-0,0584*	0,1640*	1,0000									
ldist	-0,4020*	-0,4067*	-0,3808*	0,0345*	0,0358*	0,0019	0,0014	0,4404*	-0,3484*	0,0340*	0,0329*	1,0000								
colony	0,2405*	0,2342*	0,4112*	-0,0130	-0,0087	-0,0067	0,0043	-0,0780*	0,1338*	-0,0059	-0,0062	-0,2934*	1,0000							
comlang	0,3112*	0,3055*	0,2652*	0,0021	0,0060	-0,0062	0,0042	-0,0584*	0,2601*	-0,0245*	-0,0241*	-0,1144*	0,2255*	1,0000						
sharelev	0,3843*	0,2434*	0,5198*	-0,0299*	0,0127	0,1696*	0,0033	-0,0850*	0,2697*	0,0017	-0,0165*	-0,1942*	0,4246*	0,1965*	1,0000					
sharelev2	0,2571*	0,1401*	0,3703*	-0,0154	0,0137	0,1414*	0,0010	-0,0187	0,1571*	0,0040	-0,0089	-0,1042*	0,3174*	0,1018*	0,9236*	1,0000				
sharelev3	0,2007*	0,1037*	0,2901*	-0,0077	0,0124	0,1218*	0,0039	0,0008	0,1215*	0,0006	-0,0066	-0,0638*	0,2225*	0,0676*	0,8040*	0,9638*	1,0000			
mig_pop	0,2223*	0,2187*	0,3345*	-0,0103	-0,0250*	0,0302*	0,0332*	-0,0951*	0,1218*	-0,0202*	0,0239*	-0,2116*	0,4700*	0,1751*	0,1731*	0,1241*	0,1035*	1,0000		
mig_pop2	0,1014*	0,1025*	0,1956*	-0,0049	-0,0217*	-0,0041	0,0248*	-0,0476*	0,0384*	-0,0121	0,0252*	-0,1164*	0,3280*	0,1059*	0,0708*	0,0310*	0,0179*	0,9102*	1,0000	
mig_pop3	0,0739*	0,0727*	0,1438*	-0,0011	-0,0221*	-0,0048	0,0195*	-0,0367*	0,0196	-0,0102	0,0259*	-0,0842*	0,2503*	0,0811*	0,0433*	0,0106	0,0008	0,7965*	0,9679*	1,0000

Приложение 3. Страновые пары реципиент—донор на первой стадии миграции начиная с 1972 года

Россия–Черногория	Россия–Сербия	Россия–Ангола	Россия–Республика Конго
Россия–Гибралтар	Россия–Гвинея	Россия–Гватемала	Россия–Мавритания
Россия–Мавритания	Россия–Нигер	Россия–Никарагуа	Россия–Катар
Россия–Саудовская Аравия	Россия–Сингапур	Россия–Таджикистан	Россия–Британские Виргинские острова
Россия–Вануату	Россия–Острова Теркс и Кайкос	Россия–Андорра	Россия–Малайзия
Аргентина–Германия	Аргентина–Россия	Аргентина–США	Армения–Россия
Американское Самоа–Россия	Антигуа и Барбуда–Россия	Австралия–Германия	Австралия–Россия
Австралия–США	Австрия–Швейцария	Австрия–Германия	Австрия–Испания
Австрия–Франция	Австрия–Великобритания	Австрия–Венгрия	Австрия–Италия
Австрия–Нидерланды	Австрия–Польша	Австрия–Румыния	Австрия–Россия
Австрия–Словакия	Австрия–США	Азербайджан–Россия	Бурунди–Россия
Бельгия–Германия	Бельгия–Россия	Бельгия–США	Бенин–Россия
Буркина-Фасо–Россия	Бангладеш–Россия	Болгария–Германия	Болгария–Россия
Бахрейн–Россия	Босния и Герцеговина–Россия	Белиз–Россия	Бермуды–Россия
Боливия–Россия	Бразилия–Германия	Бразилия–Великобритания	Бразилия–Россия
Бразилия–США	Барбадос–Россия	Бруней–Россия	Ботсвана–Россия
ЦАР–Россия	Канада–Германия	Канада–Россия	Швейцария–Германия
Швейцария–Великобритания	Швейцария–Россия	Чили–Россия	Китай–Германия
Китай–Великобритания	Китай–Россия	Китай–США	Кот-д’Ивуар–Россия
Камерун–Россия	Конго, ДР–Россия	Республика Конго–Россия	Колумбия–Россия
Кабо-Верде–Россия	Коста-Рика–Россия	Куба–Россия	Кюрасао–Россия
Каймановы острова–Россия	Кипр–Германия	Кипр–Россия	Чехия–Австрия
Чехия–Россия	Германия–Аргентина	Германия–Австралия	Германия–Бельгия
Германия–Бразилия	Германия–Канада	Германия–Китай	Германия–Кипр
Германия–Финляндия	Германия–Франция	Германия–Великобритания	Германия–Индия
Германия–Ирландия	Германия–Исландия	Германия–Япония	Германия–Лихтенштейн
Германия–Марокко	Германия–Мексика	Германия–Мальта	Германия–Малайзия
Германия–Россия	Германия–Сингапур	Германия–Швеция	Германия–США
Джибути–Россия	Доминика–Россия	Дания–Германия	Дания–Россия
Доминиканская Республика–Россия	Алжир–Россия	Эквадор–Россия	Египет–Россия
Эритрея–Россия	Испания–Австрия	Испания–Германия	Испания–Россия
Эстония–Германия	Эфиопия–Россия	Финляндия–Германия	Финляндия–Россия
Фиджи–Россия	Франция–Австрия	Франция–Германия	Франция–Россия
Франция–США	Микронезия–Россия	Габон–Россия	Великобритания–Австрия
Великобритания–Бразилия	Великобритания–Канада	Великобритания–Швейцария	Великобритания–Китай
Великобритания–Германия	Великобритания–Индия	Великобритания–Япония	Великобритания–Россия
Гана–Россия	Гибралтар–Россия	Гвинея–Россия	Гвинея-Бисау–Россия

Экваториальная Гвинея–Россия	Греция–Германия	Греция–Россия	Гренада–Россия
Гренландия–Россия	Гватемала–Россия	Гуам–Россия	Гайана–Россия
САР Гонконг, Китай–США	Гондурас–Россия	Хорватия–Австрия	Хорватия–Германия
Хорватия–Россия	Гаити–Россия	Венгрия–Австрия	Венгрия–Германия
Венгрия–Россия	Индонезия–Россия	Остров Мэн–Россия	Индия–Германия
Индия–Великобритания	Индия–Россия	Индия–США	Ирландия–Германия
Ирландия–Россия	Иран–Россия	Ирак–Россия	Исландия–Германия
Исландия–Россия	Италия–Австрия	Италия–Германия	Италия–Россия
Италия–США	Ямайка–Россия	Иордания–Россия	Япония–Германия
Япония–Великобритания	Япония–Нидерланды	Япония–Россия	Япония–США
Кения–Россия	Камбоджа–Россия	Кирибати–Россия	Корея–Россия
Корея–США	Кувейт–Россия	Лаосская НДР–Россия	Ливан–Россия
Либерия–Россия	Ливия–Россия	Лихтенштейн–Россия	Шри-Ланка–Россия
Лесото–Россия	Литва–Германия	Люксембург–Россия	Люксембург–США
Латвия–Германия	САР Макао, Китай–Россия	Марокко–Германия	Марокко–Россия
Монако–Россия	Мадагаскар–Россия	Мальдивы–Россия	Мексика–Германия
Мексика–Россия	Маршалловы острова–Россия	Северная Македония–Россия	Мали–Россия
Мальта–Германия	Мальта–Россия	Мьянма–Россия	Черногория–Россия
Монголия–Россия	Сев. Марианские острова–Россия	Мозамбик–Россия	Мавритания–Россия
Маврикий–Россия	Малави–Россия	Малайзия–Германия	Малайзия–Россия
Намибия–Россия	Новая Каледония–Россия	Нигер–Россия	Нигерия–Россия
Никарагуа–Россия	Нидерланды–Австрия	Нидерланды–Германия	Нидерланды–Япония
Нидерланды–Россия	Нидерланды–США	Норвегия–Германия	Норвегия–Россия
Непал–Россия	Новая Зеландия–Россия	Оман–Россия	Пакистан–Россия
Панама–Россия	Перу–Россия	Филиппины–Россия	Палау–Россия
Папуа – Новая Гвинея–Россия	Польша–Австрия	Польша–Германия	Польша–Россия
Пуэрто-Рико–Россия	КНДР–Россия	Португалия–Германия	Португалия–Россия
Парагвай–Россия	Французская Полинезия–Россия	Катар–Россия	Румыния–Австрия
Румыния–Германия	Румыния–Россия	Россия–Аруба	Россия–Афганистан
Россия–Ангола	Россия–Албания	Россия–Андорра	Россия–ОАЭ
Россия–Аргентина	Россия–Американское Самоа	Россия–Антигуа и Барбуда	Россия–Австралия
Россия–Австрия	Россия–Бурунди	Россия–Бельгия	Россия–Бенин
Россия–Буркина-Фасо	Россия–Бангладеш	Россия–Болгария	Россия–Бахрейн
Россия–Бахрейн	Россия–Босния и Герцеговина	Россия–Белиз	Россия–Бермуды
Россия–Боливия	Россия–Бразилия	Россия–Барбадос	Россия–Бруней
Россия–Бруней	Россия–Ботсвана	Россия–ЦАР	Россия–Канада
Россия–Швейцария	Россия–Чили	Россия–Китай	Россия–Кот-д'Ивуар
Россия–Камерун	Россия–Конго, ДР	Россия–Республика Конго	Россия–Колумбия

Россия–Коста-Рика	Россия–Куба	Россия–Каймановы острова	Россия–Кипр
Россия–Чехия	Россия–Германия	Россия–Джибути	Россия–Доминика
Россия–Дания	Россия–Доминиканская Республика	Россия–Алжир	Россия–Эквадор
Россия–Египет	Россия–Эритрея	Россия–Испания	Россия–Эфиопия
Россия–Финляндия	Россия–Фиджи	Россия–Франция	Россия–Микронезия
Россия–Габон	Россия–Великобритания	Россия–Гана	Россия–Гвинея
Россия–Гвинея	Россия–Гвинея-Бисау	Россия–Экваториальная Гвинея	Россия–Греция
Россия–Гренада	Россия–Гренландия	Россия–Гватемала	Россия–Гуам
Россия–Гайана	Россия–Гондурас	Россия–Хорватия	Россия–Гаити
Россия–Венгрия	Россия–Индонезия	Россия–Индия	Россия–Ирландия
Россия–Иран	Россия–Ирак	Россия–Исландия	Россия–Израиль
Россия–Италия	Россия–Ямайка	Россия–Иордания	Россия–Япония
Россия–Кения	Россия–Камбоджа	Россия–Кирибати	Россия–Корея
Россия–Кувейт	Россия–Лаосская НДР	Россия–Ливан	Россия–Либерия
Россия–Ливия	Россия–Лихтенштейн	Россия–Шри-Ланка	Россия–Лесото
Россия–Люксембург	Россия–САР Макао, Китай	Россия–Марокко	Россия–Монако
Россия–Мадагаскар	Россия–Мальдивы	Россия–Мексика	Россия–Маршалловы острова
Россия–Монголия	Россия–Мали	Россия–Мальта	Россия–Мьянма
Россия–Северная Македония	Россия–Сев. Марианские острова	Россия–Мозамбик	Россия–Мавритания
Россия–Маврикий	Россия–Малави	Россия–Малайзия	Россия–Намибия
Россия–Новая Каледония	Россия–Нигер	Россия–Нигерия	Россия–Никарагуа
Россия–Нидерланды	Россия–Норвегия	Россия–Непал	Россия–Новая Зеландия
Россия–Оман	Россия–Пакистан	Россия–Панама	Россия–Перу
Россия–Филиппины	Россия–Палау	Россия–Папуа – Новая Гвинея	Россия–Польша
Россия–Пуэрто-Рико	Россия–КНДР	Россия–Португалия	Россия–Парагвай
Россия – Фр. Полинезия	Россия–Катар	Россия–Румыния	Россия–Руанда
Россия–Саудовская Аравия	Россия–Сан-Томе и Принсипи	Россия–Соломоновы острова	Россия–Сингапур
Россия–Сенегал	Россия–Судан	Россия–Сальвадор	Россия–Сан-Марино
Россия–Сомали	Россия–Сьерра-Леоне	Россия–Словакия	Россия–Словения
Россия–Швеция	Россия–Эсватини	Россия–Сейшелы	Россия–Сирия
Россия–Чад	Россия–Того	Россия–Таиланд	Россия–Восточный Тимор
Россия–Тонга	Россия–Тринидад и Тобаго	Россия–Тунис	Россия–Турция
Россия–Танзания	Россия–Уганда	Россия–Уругвай	Россия–США
Россия–Венесуэла, РБ	Россия–Виргинские острова (США)	Россия–Вьетнам	Россия–Вануату
Россия–Самоа	Россия–Йемен	Россия–ЮАР	Россия–Замбия
Россия–Зимбабве	Руанда–Россия	Саудовская Аравия–Россия	Сан-Томе и Принсипи–Россия
Сенегал–Россия	Сингапур–Германия	Сингапур–Россия	Сингапур–США

Соломоновы острова–Россия	Сьерра-Леоне–Россия	Сальвадор–Россия	Сан-Марино–Россия
Сомали–Россия	Сербия–Россия	Южный Судан–Россия	Судан–Россия
Словакия–Австрия	Словакия–Россия	Словения–Австрия	Словения–Германия
Словения–Россия	Швеция–Германия	Швеция–Россия	Эсватини–Россия
Сейшелы–Россия	Сирия–Россия	Острова Теркс и Кайкос–Россия	Чад–Россия
Того–Россия	Таиланд–Россия	Восточный Тимор–Россия	Тонга–Россия
Тринидад и Тобаго–Россия	Тунис–Россия	Турция–Германия	Турция–Россия
Тувалу–Россия	Танзания–Россия	Уганда–Россия	Уругвай–Россия
Виргинские острова США–Россия	Венесуэла–Россия	Венесуэла–США	Британские Виргинские острова–Россия
США–Россия	Вьетнам–Россия	Вануату–Россия	Самоа–Россия
Йемен–Россия	ЮАР–Россия	ЮАР–США	Замбия–Россия
Зимбабве–Россия			

Концентрация капитала в глобальной экономике как фактор неравномерного распределения доходов

Восканян М.А., Хуршудян С.Е.

Восканян Мариам Амбарцумовна — д.э.н, доцент, заведующая кафедрой экономики и финансов Института экономики и бизнеса Российско-Армянского университета (Ереван).

SPIN-RSCI: 9605-8199

ORCID: 0000-0002-5417-6648

AuthorID: 814902

Scopus AuthorID: 57200635856

Хуршудян Сусанна Ервандовна — бакалавр, кафедра экономики и финансов Института экономики и бизнеса Российско-Армянского университета (Ереван).

Для цитирования: Восканян М.А., Хуршудян С.Е. Концентрация капитала в глобальной экономике как фактор неравномерного распределения доходов // Современная мировая экономика. Том 1. 2023. № 2(2).

Ключевые слова: глобальная экономика, концентрация капитала, неравномерное распределение доходов, Армения.

Аннотация

Проблема неравномерного распределения доходов всегда была актуальной. Данная статья посвящена анализу и оценке уровня концентрации капитала в мире и, как следствие, неравномерного распределения доходов в глобальной экономике и в Армении в частности. В работе показана неравномерность накопления капитала по объемам и на душу населения в ведущих странах мира и в странах постсоветского пространства. Накопленный в отдельных странах капитал позволяет сменить экономические системы и обеспечивать развитие в масштабах, невиданных ранее. В то же время неравномерность накопления увеличивает разрыв между странами, которые владеют капиталом, и странами, которые его лишены. К факторам, усугубляющим проблему концентрации капитала, относится глобализация. Концентрация капитала вследствие создания глобального рынка дала новые возможности для отстающих стран стать полноценной частью мировых

экономических процессов. На самом же деле происходит обратный процесс, и выгоду от глобализации получают в основном крупные владельцы капитала. Многие страны остаются вне процесса развития глобальной экономики, и острое неравенство в распределении доходов как внутри отдельных государств, так и на глобальной арене остается нерешенной проблемой. В исследовании были детально рассмотрены теоретические предпосылки усиления концентрации капитала в мире, с выделением положительных и негативных факторов его воздействия на экономический рост. В работе также рассмотрен пример экономики Армении. Результатом исследования стал вывод о том, что концентрация капитала приводит к неравномерному распределению доходов в мире, но в то же время является ключевым фактором экономического роста во многих странах.

1. Введение

Проблема неравномерного распределения доходов и капитала – одна из наиболее актуальных в современной глобальной экономике. При этом, в основе проблемы неравенства сегодня лежит высокая степень концентрации капитала и неравномерное распределение ресурсов между капиталом и трудом. А если быть точным, неравномерное распределение ресурсов между владельцами этих двух факторов производства (Piketty 2014).

До промышленной революции, в феодальном обществе, богатство концентрировалось в основном в руках крупных землевладельцев, оно передавалось по наследству, и наследники этих землевладельцев имели преимущество в виде накопленного ранее капитала. Люди же, у которых этого имущества не было, должны были работать на феодала, не получая даже вознаграждения в виде доходов от трудовой деятельности. В результате промышленной революции произошел сдвиг в накоплении капитала – от землевладельцев к промышленникам. При этом богатство, накопленное через капитал, намного больше богатства, которое было накоплено землевладельцами в результате эксплуатации труда крестьян, т.е. разрыв между владельцами капитала и труда в XIX веке стал намного выше, чем до промышленной революции (Sundaram, Popov 2015).

В то же время накопленный в отдельных странах капитал послужил фундаментом для промышленной революции: в странах, где этого капитала было больше, быстрее происходил переход к индустриальному обществу. Накопленный капитал имеет огромную роль также в процессе международного движения капитала. Если в начале оно было односторонним – от метрополий в колонии, то потом стало более устойчивым, так как началось активное взаимное движение капитала из одной страны в другую, даже из стран, которые сами нуждались в инвестициях. Сегодня главными игроками международного движения капитала являются транснациональные корпорации, движение и накопление капитала у которых осуществляется вне границ национальных экономик.

2. Концентрация капитала и экономическое развитие

Неудивительно, что вопрос о распределении накопленного капитала в индустриальном обществе был одним из главных в исследованиях экономистов с самого начала промышленной революции. От Томаса Мальтуса, по мнению которого «перенаселение было главной проблемой» (Malthus 1798) распределения и нарастающих социальных и политических проблем, до Давида Рикардо, который был убежден, что небольшая социальная группа в лице землевладельцев будет присваивать все больше и больше части продуктов производства и богатства (Ricardo 1817), и Карла Маркса, который разделял мнение Рикардо, но считал этой группой промышленных капиталистов (Marx 1867), большинство экономистов склонялись к мнению, что неравенство постоянно будет расти и усугубляться. Именно быстро возрастающее неравенство, вызванное ростом доходов от капитальных вложений, на фоне невозрастающих доходов от труда с середины XIX века стало важнейшей предпосылкой развития социалистических движений и распространения идей марксизма.

Вклад К. Маркса в объяснение проблем концентрации капитала и неравенства весьма значителен. Маркс смог верно предугадать изменение соотношения ролей различных факторов производства. В традиционных обществах объем производства был непосредственным результатом используемых трудовых ресурсов. Маркс предвидел, что роль трудовых ресурсов будет и далее терять свою изначальную значимость в пользу капитала, и «тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства»¹. «Принцип бесконечного накопления», который является главным выводом «Капитала», утверждает, что неизбежная тенденция капитала к накоплению и концентрации в бесконечном масштабе может либо привести к снижению уровня доходности капитала, либо к неограниченному возрастанию доли капитала в национальном доходе. В обоих случаях невозможно обеспечить социально-экономическое и политическое равновесие (Piketty 2014).

Переход от землевладения к промышленности придал импульс массовому перемещению сельского населения в города — урбанизации. Тем самым относительно уравнивались доходы между сельскими и городскими рабочими (рабочая сила в городах увеличилась, что привело к сокращению ее доходов, в селах наблюдалась обратная ситуация), а впоследствии уменьшилось неравенство в распределении доходов. В экономической теории связь между неравенством и доходом на душу населения показывается кривой Кузнеца, который в 1950–1960-е годы утверждал, что с экономическим развитием социальное неравенство сначала возрастает, а затем уменьшается в результате действия рыночных сил (Kuznets 1955). События XX века, такие как мировые войны, Великая депрессия в США, большевистская революция и активная государственная политика в области налогообложения и перераспределения, привели к значительному сокращению показателей неравенства (Piketty 2014). Заработная плата рабочих начала расти и в связи с распространением

¹ Цит. по: Белых, Май 2018.

кейнсианского подхода к регулированию, согласно которому увеличение доли доходов от труда в национальном богатстве впоследствии приведет к тому, что получатели этого дохода будут тратить больше, и тем самым доход от капитала также вырастет (Titenko, Korneva 2016). Доля доходов от труда в национальном доходе до середины XX века увеличивалась. Однако начиная со второй половины века проблема набрала новые обороты вследствие, в первую очередь, ускорения процесса глобализации и появления на глобальной арене таких хозяйствующих субъектов, как транснациональные корпорации (ТНК). Изменился процесс международного движения капитала и трудовых ресурсов. Увеличение роли капитала в производственном процессе увеличило роль человеческого капитала (знания, навыки и квалификации), что, по мнению многих экономистов, напрямую влияет на экономический рост: с помощью человеческого капитала осуществляются обеспечивающие этот рост инновации.

Глобализация оказывает огромное влияние как на международные экономические процессы, так и на развитие и ход истории стран. Так, проблемы отдельных развитых государств или же отдельных больших корпораций влияют на другие субъекты вне их границ и становятся глобальными проблемами. Существование таких сильных глобальных субъектов, как ТНК (или же «слишком» развитых по сравнению с остальным миром стран), ставит под вопрос суверенитет менее развитых стран (по аналогии с колониями и метрополиями на ранних этапах движения капитала), только сейчас это происходит через процесс подчинения международным нормам и правилам в обмен на подключение к глобальной экономике или вступление в интеграционные объединения.

Еще одна тенденция, тесно связанная с концентрацией капитала, — это сокращение среднего класса, которое также является предметом исследования многих экономистов. Сокращение среднего класса — результат роста неравенства в доходах и увеличения концентрации капитала в руках небольшой группы людей (Milanovic 2016). Следствием этого может быть либо переквалификация среднего класса для дальнейшего улучшения своего социального положения (что бывает реже), или же, наоборот, снижение качества жизни среднего класса. Растущая концентрация капитала способствует второму и, как следствие, повышению социальной напряженности и ухудшению социальной мобильности (Piketty 2014).

Для более детального рассмотрения проблем с неравенством, рассмотрим формы капитализма, которые применяются разными странами. Уильям Баумоль разделяет сегодняшний капитализм на несколько видов (Baumol 2007):

1. государственный капитализм, когда принятие большинства ключевых экономических решений принадлежит государству;
2. олигархический капитализм, когда ограниченное количество лиц концентрируют у себя богатство и власть;
3. предпринимательский капитализм, когда значительную роль в экономическом развитии играют малые и средние предприятия, в частности внедрением инноваций;
4. капитализм крупных компаний, когда значительную роль в экономическом развитии играют крупные корпорации или ТНК.

Выбор той или иной формы капитализма обуславливает траекторию развития страны. Хотя эти формы не реализуются в чистом виде и не исключают друг друга, в политике отдельных стран преобладает одна из них, при этом она меняется на разных этапах развития. Например, в США заметно превосходство предпринимательского капитализма вместе с капитализмом крупных компаний (Клинов 2017), в Китае — государственного капитализма с капитализмом крупных компаний, а в более отсталых странах и многих странах постсоветского пространства господствует олигархический капитализм.

Эти формы помимо прочего определяют, насколько в той или иной стране велика проблема неравенства и высокой концентрации капитала, а также насколько в политиках стран приоритетны развитие и рост. В странах с олигархической формой капитализма проблема распределения доходов и богатства стоит остро, т.к. развитие страны зачастую не является главной целью государственной политики, а направлена она на сохранение и укрепление власти и богатства олигархов. В таких странах, по мнению Уильяма Баумоля, «революция может быть самым эффективным (и, возможно, единственным) способом отменить олигархический капитализм и двигаться к системе, в которой рост становится главной целью правительства» (Baumol 2007).

На ранних стадиях развития в капиталистических странах господствовала именно эта форма капитализма, т.к. важным двигателем экономического роста служил капитал, накопленный в руках отдельных лиц. Далее, по мере развития экономики, возрастание роли государства становилось необходимым (как можно увидеть на примере стран с догоняющим развитием, где на начальных этапах роль государства в регулировании рынка и создании институтов, обеспечивающих рост, была незаменима). По мере развития институтов в стране государственный капитализм утрачивает свою первоначальную роль, и возрастает роль другой формы капитализма — крупных компаний. При этом государство не теряет своей роли в распределении доходов и богатств, однако, меняется форма вмешательства. Например, как отмечалось, государственное вмешательство в экономические и политические процессы в XX веке привело к уменьшению неравенства доходов. И сегодня государственный капитализм также позволяет уменьшить разрыв между разными слоями общества.

Тома Пикетти показал, что социальное неравенство в США и Европе стало снова усиливаться примерно с 1970-х годов. Таким образом, некоторое улучшение ситуации между мировыми войнами и в первые десятилетия после Второй мировой войны сменилось реверсивным движением, поставив науку и экономическую политику перед трудными проблемами (Piketty 2014).

Глобализация привела к возрастанию роли капитализма крупных компаний, и на данный момент в развитых странах с рыночной экономикой господствует именно эта форма. В отдельных развитых странах постепенно осуществляется медленный переход к предпринимательскому капитализму.

Возрастание роли капитализма крупных компаний, помимо прочего, привело к усилению концентрации капитала в руках ТНК. Как уже отмечалось, эти компании выходят за рамки государственного контроля, что затрудняет применение

к ним мер государственного регулирования. С одной стороны, у ТНК достаточно средств для того, чтобы инвестировать в исследования и разработки, а также развить экономики тех или иных стран. С другой стороны, многие ТНК не заинтересованы в этом, т.к. их рыночная сила и без того обеспечивает им долгосрочные конкурентные преимущества, что приводит к еще большей концентрации капитала без его дальнейшего перераспределения. Так, с ростом капитализации ТНК опять выросло неравенство в распределении доходов, а разрыв между развитыми и развивающимися странами еще более увеличился.

Глобализация и возрастание в отдельных странах роли крупных компаний также сделали ресурсы более мобильными. Так, производственные ресурсы, в частности сырье, перемещаются из развивающихся стран в развитые посредством ТНК, которые могут в силу аккумулированного у себя капитала использовать эти ресурсы лучше (согласно экономической теории), а впоследствии сконцентрировать еще больше ресурсов у себя.

Из стран — экспортеров этого сырья, в свою очередь, происходит отток капитала, т.к. доход от капитала получают не страны, владеющие этими ресурсами, а ТНК. Интерес последних состоит лишь в использовании ресурсов этих стран, а не в их развитии, что приводит к тому, что развитые страны в лице ТНК выигрывают от глобализации, т.к. перед ними открываются новые возможности по контролю над ресурсами. Конечно, ТНК приносят пользу и принимающей стране, хоть как-то способствуя ее развитию. Однако масштабы развития этих стран и тренд концентрации капитала в ТНК в результате использования дешевых производственных ресурсов несоразмерны. Развитие происходит намного медленнее, чем тренд оттока капитала из стран и его концентрация. Таким образом, в общем счете развивающиеся страны, которые принимают эти корпорации у себя, проигрывают.

Движение капитала из развивающихся стран в развитые приводит к его концентрации в последних, что приносит политическую и экономическую власть этим странам. Так, на данный момент заметное большинство ТНК являются американскими, что стало одной из причин однополярности мира. Глобализация привела к формированию такого мирового порядка, при котором международные организации уже не действуют на основе норм международного права, а оформляют своими решениями силовую политику стран-лидеров (Рыбалкин, Щербанин, Балдин и др. 2003).

Движение в сторону предпринимательского капитализма может стать новым драйвером мирового развития. Согласно многим исследованиям, малые и средние предприятия более, чем крупные компании, значимы в создании новых технологий, являются носителями инноваций и развития (Schumpeter 1934). У таких предприятий недостаточно капитала для инвестиций в исследования и разработки, однако, у крупных предприятий нет мотивации для этого. Дальнейшее развитие предпринимательского капитализма может привести к увеличению конкуренции и к уменьшению концентрации капитала в руках ограниченного числа компаний, а впоследствии — к уменьшению неравенства в распределении доходов. В настоящее же время можно сформулировать следующие выводы:

- Концентрация богатства (капитала) наблюдается на разных этапах развития экономических систем, однако, пути накопления капитала меняются с течением их эволюции.
- Процесс концентрации и аккумуляции достаточного объема капитала послужил главной предпосылкой промышленной революции.
- Концентрация капитала на тот период послужила причиной быстрого экономического роста, особенно в странах, где эта концентрация была выше (например, в Англии).
- Концентрация капитала сопровождается также неравномерным распределением доходов, что в свою очередь обуславливает социальную несправедливость и высокий уровень бедности в некоторых странах.

3. Концентрация капитала в глобальной экономике: основные тренды

Накопленное богатство играет огромную роль в экономическом развитии, поэтому рассмотрим, как распределено мировое богатство между странами. В этой связи интересным представляется анализ данных о концентрации капитала по странам, прежде всего с точки зрения их доли в мировом капитале, а также динамики изменений этой доли в течение последних десятилетий.

Как мы можем видеть на рисунке 1 на с. 81, первое место по доле в мировом накопленном капитале в 1995 году занимали США. При этом их доля была больше, чем у всего остального мира без учета первых 10 стран. Второе место занимала Япония (10,5%), затем следовали Китай (6,7%), Германия (6,4%), Франция (4,4%), Великобритания (3,6%), Италия (3,1%), Россия (3%) и Канада (3%).

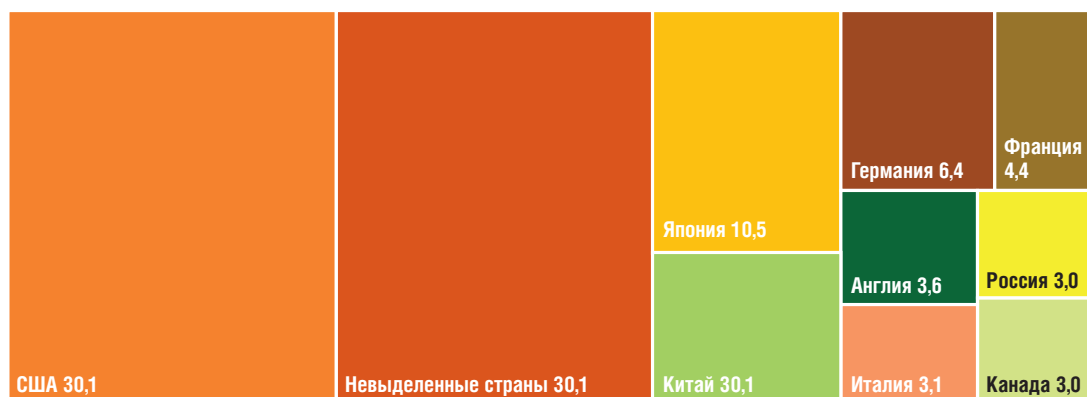

Рисунок 1. 10 стран — лидеров по накопленному капиталу, в % от глобального накопленного капитала, 1995 г.

Источник: База данных Всемирного банка - <https://databank.worldbank.org/>

Картина концентрации капитала меняется, если рассмотреть этот показатель в расчете на душу населения (см. рис. 2 на с. 82). В этом случае США по-прежнему занимает первое место в десятке лидеров, однако, Китай в десятке лидеров по суммарному накопленному капиталу занимает в 1995 г. уже 9-е место (примерно 4,9% от показателя в США). При этом на остальную часть населения приходится ничтожный показатель (примерно 4,5% от показателя в США).

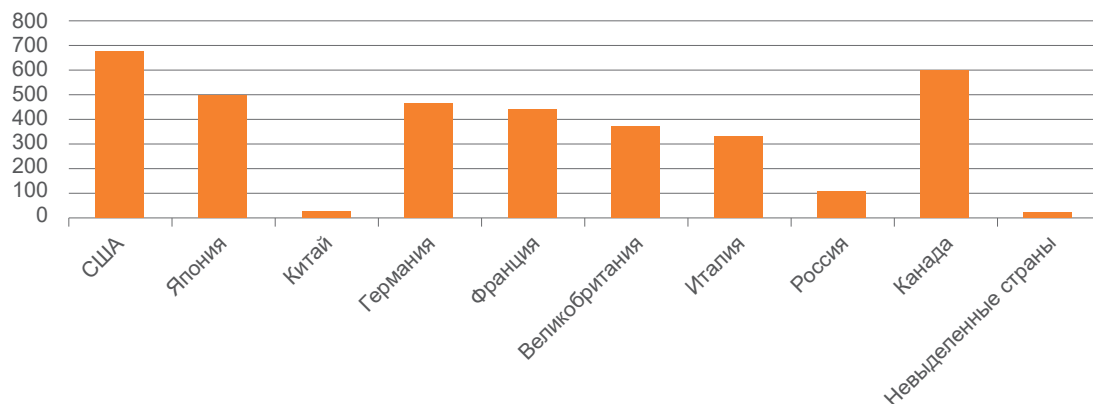

Рисунок 2. Накопленный капитал на душу населения в 10 странах — лидерах по накопленному капиталу, в тыс. долл., 1995 г.

Источник: База данных Всемирного банка - <https://databank.worldbank.org/>

Концентрация капитала в мире заметно модифицируется к 2018 году (см. рис. 3 на с. 83). Несмотря на то, что США по-прежнему занимают первое место в мире, их доля сократилась до 24,7%, а Китай увеличил свою долю втрое, до уже 21,1%. При этом десятка стран-лидеров суммарно сократила свою доли в общемировом капитале. Еще одно важное изменение — появление в этом списке Бразилии. Как и во многих других случаях, развивающиеся страны стремительно занимают доминирующие позиции на мировой арене. Лидером в этом процессе сегодня является Китай, однако, и другие развивающиеся экономики существенно усиливают свои позиции по линии наращивания валового капитала, не говоря уже об успехах в области экономического роста и доли в мировом ВВП. Хорошим примером можно считать Индию, где доля накопленного капитала демонстрирует рост в 3,7 раза с 1995 г., что гораздо больше мирового среднего показателя в 1,65 раза.

Следует отметить, что распределение капитала на душу населения в 2018 году значительно отличается от 1995 года (см. рис. 4 на с. 83). Несмотря на то, что США стабильно занимает первое место среди десятки лидеров, показатель Китая значительно увеличился и уже составил 18,8% от уровня США, а показатель остальных стран — 5,5% от показателя США.

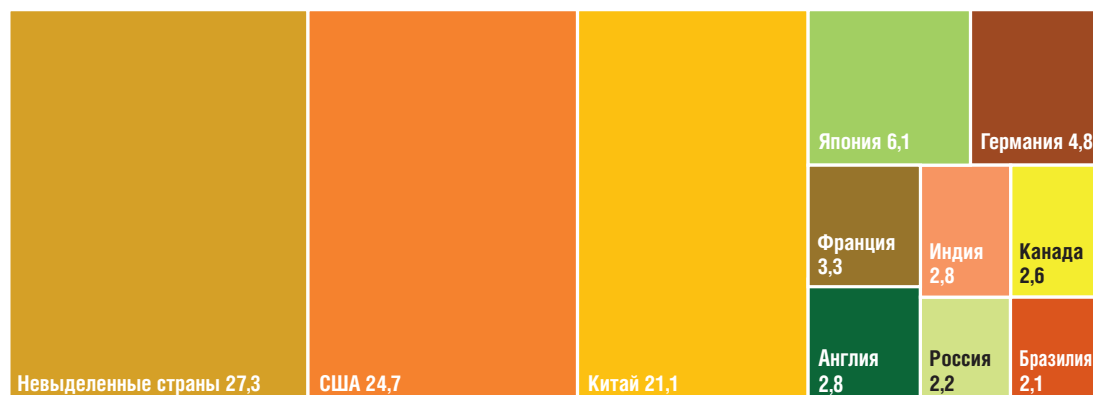

Рисунок 3. 10 стран — лидеров по накопленному капиталу, в % от глобального накопленного капитала, 2018 г.

Источник: База данных Всемирного банка - <https://databank.worldbank.org/>

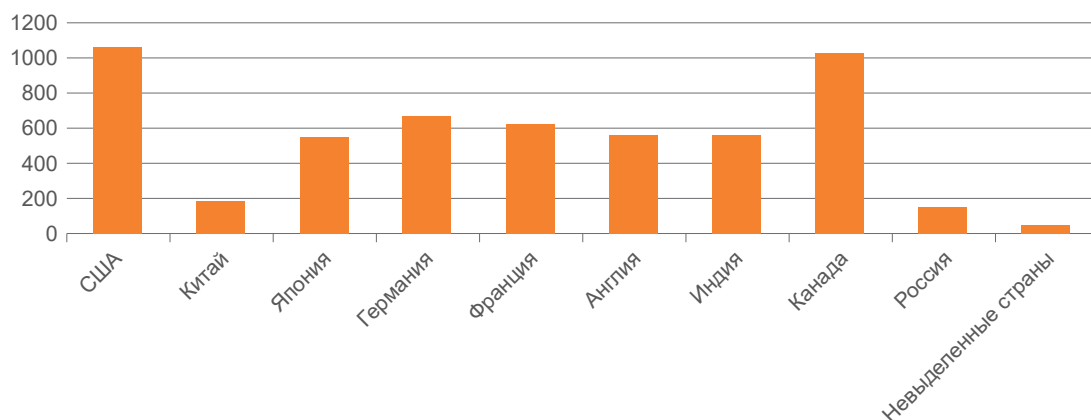

Рисунок 4. Накопленный капитал на душу населения в 10 странах — лидерах по накопленному капиталу, в тыс. долл., 2018 г.

Источник: База данных Всемирного банка - <https://databank.worldbank.org/>

Как отмечалось в разделе 1, аккумуляция капитала в стране исторически означало, что у нее больше возможностей для того, чтобы встать на путь развития, нежели у стран, которые этим капиталом не владеют. Достаточное аккумуляция капитала в Англии привело к тому, что в стране намного быстрее по сравнению с остальными произошла индустриальная революция; Япония благодаря накопленному капиталу смогла за очень короткое время восстановить экономику после войны и превратиться в передовую технологическую страну и т.п. Стратегия экономического развития Китая в последние десятилетия также основана на накоплении богатства более быстрыми темпами, чем увеличение потребления. Китай на 2018 г. являлся второй экономикой мира по показателю накопленного капитала,

лишь немного отставая от США. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что накопление богатства — один из важнейших факторов эндогенного роста.

Обращаясь к трендам в сфере накопленного капитала, следует отметить, что несмотря на лидирующие позиции развитых стран, скорость наращивания капитала в развивающихся заметно выше (см. рис. 5 на с. 84). Средний годовой прирост накопленного капитала в мире в 1995–2018 гг. составил 2,9%, для США этот показатель составил 2%, для Китая — 8,1%, для Индии — 5,7%.

Данные по накопленному капиталу после 2018 г. недоступны. При условии, что средний показатель роста сохранится для этих стран до 2023 г., Китай должен стать лидером, владея 26% мирового накопленного богатства; США следуют на втором месте с 22,7% мирового богатства; третье и четвертое место сохраняют Япония и Германия с 5,25% и 4,37% соответственно, а Индия переходит на 5-е место, обогнав Францию и Великобританию и владея 3,12% мирового богатства (таблица 1 на с. 85, рис. 5 на с. 84).

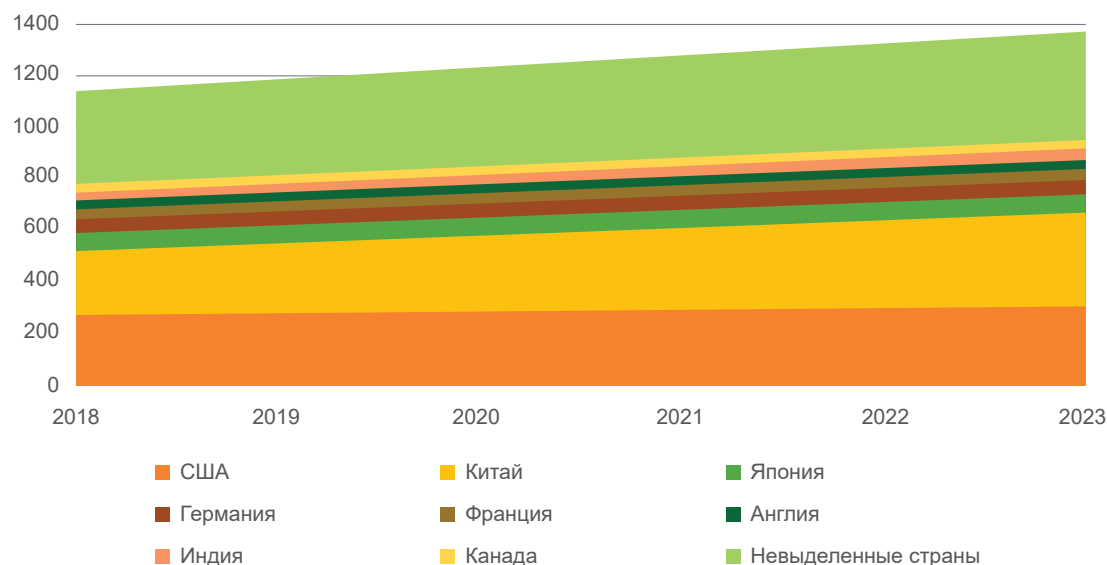

Рисунок 5. Структура глобального накопленного капитала в 2018-2023 гг., в трлн долл., рассчитано по среднегодовому темпу роста для каждой страны за период 1995-2018 гг.

Источник: База данных Всемирного банка - <https://databank.worldbank.org/>

Конечно, в результате кризиса, вызванного пандемией COVID-19, ситуация могла поменяться, т.к. произошел скачок рыночной капитализации и, соответственно, концентрации капитала в ведущих ТНК (большинство из которых американские), и поэтому данные результаты могут отличаться от реальности. Тем не менее, без учета пандемии в 2023 г. должна была получиться следующая картина (таблица 1 на с. 85).

Таблица 1. Топ-20 стран по накопленному капиталу в 1995, 2018, 2023 (прогноз) гг., доля в мировом накопленном капитале

Страна	1995	Место в мире	2018	Место в мире	2023*	Место в мире
США	30,10%	1	24,74%	1	22,76%	2
Китай	6,69%	3	21,08%	2	26,00%	1
Япония	10,52%	2	6,14%	3	5,25%	3
Германия	6,45%	4	4,84%	4	4,37%	4
Франция	4,44%	5	3,29%	5	2,96%	6
Великобритания	3,63%	6	2,85%	6	2,60%	7
Индия	1,50%	13	2,83%	7	3,12%	5
Канада	2,95%	9	2,65%	8	2,48%	8
Россия	2,99%	8	2,17%	9	1,95%	10
Бразилия	2,53%	10	2,13%	10	1,97%	9
Италия	3,15%	7	1,97%	11	1,71%	12
Австралия	1,58%	12	1,79%	12	1,77%	11
Корея	1,12%	17	1,60%	13	1,66%	13
Испания	1,83%	11	1,33%	14	1,20%	14
Индонезия	0,92%	19	1,12%	15	1,13%	15
Мексика	1,20%	16	1,08%	16	1,02%	16
Нидерланды	1,26%	14	1,03%	17	0,95%	17
Саудовская Аравия	1,00%	18	0,95%	18	0,90%	18
Швейцария	1,24%	15	0,95%	19	0,86%	19
Швеция	0,76%	20	0,66%	20	0,62%	20

Источник: База данных Всемирного банка - <https://databank.worldbank.org/>

*-данные на 2023 год рассчитаны по среднегодовому темпу роста

4. Структура накопленного капитала

Накопленный капитал или общее богатство страны включает в себя четыре компонента – человеческий капитал, природный капитал, произведенный капитал и чистые иностранные активы. Конечно, каждый из этих компонентов важен на пути развития, но то, как это богатство используется в целях развития и в каких пропорциях эти компоненты составляют общее богатство, определяет уровень развитости страны. На рис. 6 (с. 86) представлены компоненты общего богатства для развитых стран. По природному капиталу в абсолютном выражении Китай и США являются лидерами, но доля природного капитала в общем богатстве составляет лишь небольшую долю (4% для Китая и 2% для США). На третьем месте по объему природного капитала – Саудовская Аравия, но его доля в общем богатстве этой страны составляет 46,6%. Для Ирака доля природного капитала – 66%, ОАЭ – 26,9%, Ку-

вейта – 46%, Катара – 39,9%. По сравнению с США и Китаем, остальные компоненты богатства в этих странах не так сильно развиты. Для ведущих стран, показанных на рис. 6 (за исключением Саудовской Аравии, Кувейта и Катара) среднее соотношение компонентов богатства следующее:

1. человеческий капитал – 59,7%;
2. природный капитал – 2,4%;
3. произведенный капитал – 36,7%;
4. чистые иностранные активы – 1,3%.

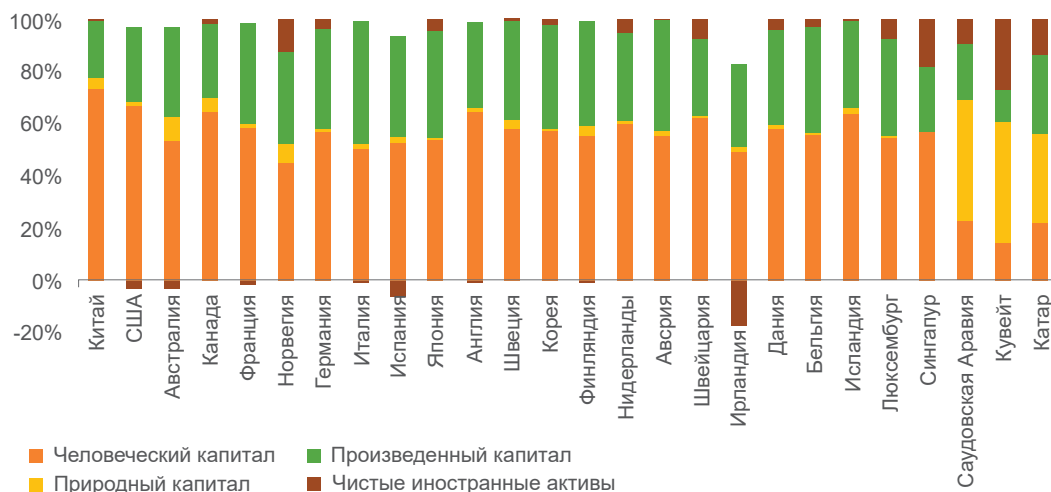

Рисунок 6. Компоненты богатства в ведущих странах мира, 2018 г.

Источник: База данных Всемирного банка - <https://databank.worldbank.org/>

Таким образом, основной компонент богатства в этих странах — человеческий капитал. Чистые иностранные активы в большинстве развитых стран — положительная величина, т.е. субъекты этих стран владеют большими иностранными активами, нежели иностранные субъекты в этих странах. Таким образом, отток капитала из этих стран происходит в большем объеме, нежели приток.

В Китае среднее значение долей компонентов богатства в общем богатстве следующее:

1. человеческий капитал – 73,3%;
2. природный капитал – 3,9%;
3. произведенный капитал – 22%;
4. чистые иностранные активы – 0,08%.

Это показывает, как Китай сделал экономический рывок на основе роста человеческого капитала. Отсутствие больших минеральных ресурсов не является препятствием для роста, но требует более сложной политики развития, что хорошо видно по уровням накопленного капитала разных стран. В то же время разрыв между Китаем и США по объемам капитала сохраняется.

Международное движение капитала и вообще суть рыночной экономики, основанной на капитале, предполагает, что капитал должен перетекать из развитых стран (или стран, в которых избыток этого капитала) в страны, в которых наблюдается нехватка капитала (и, соответственно, доходность капитала выше), т.е. в развивающиеся и отсталые страны.

Рассмотрим компоненты богатства и в тех странах, которые находятся внизу списка по общему богатству, и компоненты их национального богатства (рис. 7 на с. 87).

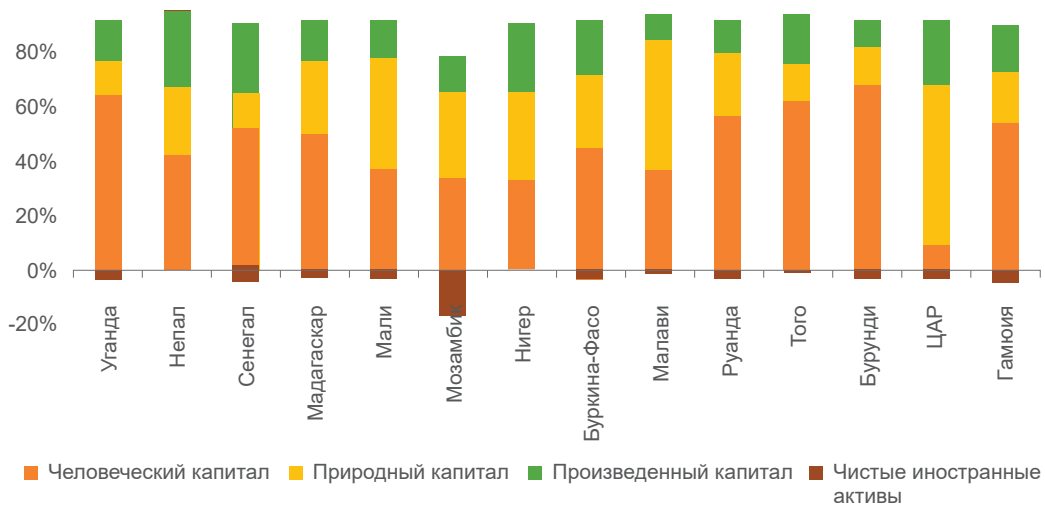

Рисунок 7. Компоненты богатства наименее развитых стран, 2018 г.

Источник: База данных Всемирного банка - <https://databank.worldbank.org/>

Бросается в глаза разница в соотношении компонентов. На первый взгляд, может показаться, что в некоторых из этих стран развитый человеческий капитал, т.к. его доля в общем богатстве относительно высока, но в абсолютном выражении объем человеческого капитала очень незначителен. Большинство из этих стран — традиционные экономики, поэтому доля природного капитала в общем богатстве относительно высока, а произведенный капитал играет небольшую роль. Доля чистых иностранных активов выражается в отрицательных значениях, т.е. в данном случае приток капитала из остальных стран превышает отток капитала из этих стран. В целом, среднее значение долей компонентов для выбранных стран следующая:

1. человеческий капитал — 52,6%;
2. природный капитал — 32,2%;
3. произведенный капитал — 20,4%;
4. чистые иностранные активы — -5,2%.

Выделяя общие тенденции вышеупомянутых групп стран, можно увидеть, что капитал вытекает из развитых в развивающиеся, а главным богатством в развитых

странах по сравнению с развивающимися является человеческий капитал. Развитие человеческого капитала может стать хорошей возможностью для развития для стран, не владеющих природным капиталом.

5. Факторы концентрации капитала в развивающихся странах: кейс Армении.

Среди развивающихся стран рассмотрим постсоветские страны и компоненты богатства этих стран (см. рис. 8 на с. 88). По сравнению с наименее развитыми странами в этих странах доля производственного капитала выше, значимую роль играет и природный капитал. Средние значения долей компонентов капитала в постсоветских странах следующие:

1. человеческий капитал — 41%;
2. природный капитал — 22,4%;
3. произведенный капитал — 42,4%;
4. чистые иностранные активы — -5,8%

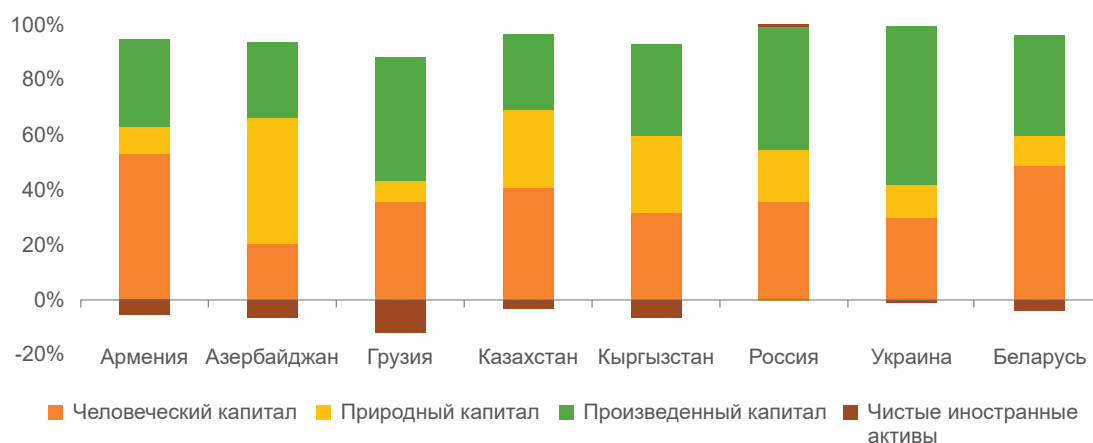

Рисунок 8. Компоненты богатства постсоветских стран, 2018 г.

Источник: База данных Всемирного банка - <https://databank.worldbank.org/>

Во всех странах, кроме России, субъекты иностранных государств владеют большими активами в стране, нежели субъекты страны в иностранных государствах.

Важно также отметить, что в большинстве случаев, в странах с ресурсной экономикой природный капитал превалирует. С другой стороны, например, в России, производственный капитал доминирует, несмотря на огромную роль сырьевого сегмента в экономике страны.

Таблица 2 (с. 89) отражает показатели, приведенные на рис. 8, в долларовом выражении.

Таблица 2. Постсоветские страны и компоненты их богатств на душу населения, в долл. США, 2018 г.

	Человеческий капитал	Природный капитал	Произведенный капитал	Чистые иностранные активы
Армения	30547,51	5493,624	18326,2	-3376,67
Азербайджан	8173,801	18832,27	11209,88	-2740,16
Грузия	18142,14	3920,116	22775,96	-6182,68
Казахстан	44364,47	30528,82	30536,5	-3835,04
Кыргызстан	5151,707	4634,579	5588,752	-1129,89
Россия	61473,2	32965,4	78047,35	2021,891
Украина	19644,14	7650,702	38217,22	-607,027
Беларусь	42015,97	9787,67	31693,59	-3668,02

Источник: База данных Всемирного банка - <https://databank.worldbank.org/>

Что касается Армении, то структура накопленного капитала сформирована так, что преобладают человеческий и производственный капитал, которые и являются конкурентными преимуществами страны.

Рисунок 9. Распределение доходов в Армении

Источник: База данных World Inequality Database - <https://wid.world/>

Между соотношением компонентов богатства и неравенством есть прямая взаимосвязь: рост экономики Армении приводит к увеличению разрыва между верхними 1% населения и нижними 50%. Развитие производственных возможностей, человеческого капитала, ВВП на душу населения и т.п. не увеличивают доходы большей части населения (связь есть, но слишком слабая). Они приносят пользу преимущественно крупному бизнесу, а не экономике в целом. Такая же ситуация сложилась и в России, и в других постсоветских странах

с олигархическим типом капитализма: все значимые капиталоемкие отрасли страны концентрированы в руках узкой группы лиц. Коэффициент Джини для распределения дохода в Армении (0,57–0,58) действительно высокий (рис. 9 на с. 89) – существенно выше, чем не только в Европе, но и в Китае, и в России. Крайне высоки (0,83–0,84) и значения коэффициента Джини по богатству для распределения богатства.

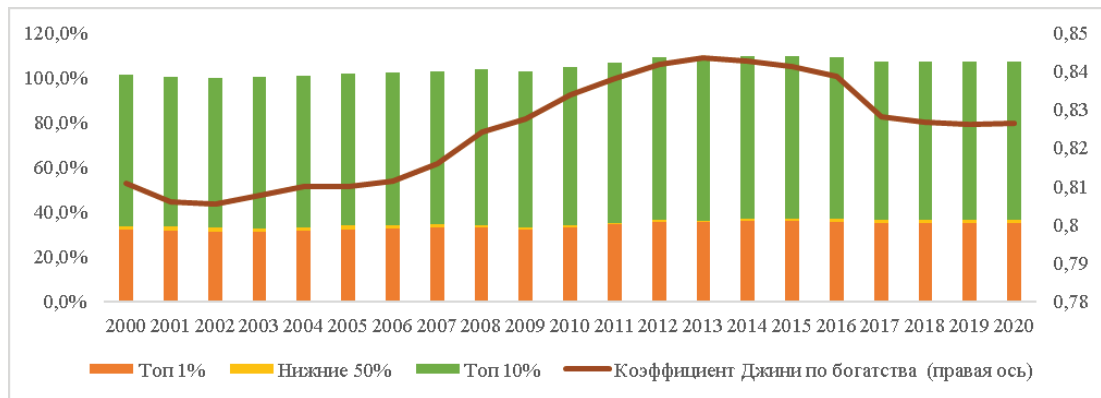

Рисунок 10. Распределение богатства в Армении

Источник: База данных World Inequality Database - <https://wid.world/>

В Китае и США разрыв доходов и экономический рост находятся в прямой зависимости, т.е. с развитием факторов роста неравенство увеличивается. В Армении и в других постсоветских странах обратная тенденция. С точки зрения справедливости, это хорошо, но с другой стороны, это означает, что в данных странах человеческий капитал не определяет тенденции роста доходов, а разница в доходах высококвалифицированного и низкоквалифицированного труда растет очень медленно, при этом слабо реагируя на внешние условия.

Фактически пример экономики Армении показывает, что чрезмерная концентрация капитала выступает преградой для развития. Для Армении ситуация осложняется неразвитостью рынка капитала, а значимые отрасли находятся в руках ограниченного числа людей. Увеличение разрыва в богатстве между верхним 1% и нижними 50% населения лишь отрицательно сказывается на развитии экономики Армении и страны в целом.

Как и говорилось ранее, доходы нижних 50% не коррелируют с коэффициентом Джини ни по доходам, ни по богатству, и общий тренд изменения данного показателя обуславливается трендами доходов и богатства верхнего 1% населения (при этом тренд для верхних 10% движется одинаково с трендом верхнего 1%).

Таким образом, высокий уровень неравенства по доходам в Армении, выраженный в соотношении доходов верхнего 1% населения к нижним 50%, можно считать результатом первоначального неравномерного распределения капитала — к примеру, частной собственности, в результате неэффективной приватизации.

6. Ключевые выводы

Итак, обобщая проведенное исследование, можно отметить, что в традиционных обществах объем производства зависит в основном от производительности труда, т.к. в экономике доминируют трудоемкие отрасли, зависящие по большому счету от одного фактора производства — труда. Это можно наблюдать на примере выбранных нами африканских стран, поэтому концентрация капитала и уровень развития между собой не коррелируют, а улучшение/ухудшение показателей развития лишь слабо влияет на доходы от трудовой деятельности.

В развитых же странах роль трудовых ресурсов сокращается в пользу капитальных ресурсов, что приводит к тому, что получатели доходов от трудовой деятельности, особенно от низкоквалифицированного труда, которые составляют средний класс, либо должны увеличить свой человеческий капитал и перейти в более высокий слой, либо наоборот, спуститься на более низкий слой по показателям доходов и богатства. Так происходит сокращение среднего класса, и вместе с этим возрастает концентрация капитала.

К сожалению, то, что доходы и богатство между собой не коррелируют, означает, что в большинстве случаев самые богатые семьи имеют богатство, переданное поколениями, и наследники богатейших семей лишь прибавляют уже накопленное до них богатство. Так как по эффекту масштаба прирост капитала происходит быстрее для уже существующего концентрированного капитала, для остальных людей остается мало возможностей для социальной мобильности, и даже если она и происходит, то скачок не слишком высокий: так, человек, который не владеет богатством, переданным поколениями, не может за свою жизнь претендовать на уровень богатства наследников богатейших семей. И эта тенденция будет расти по мере увеличения концентрации капитала.

Особый интерес вызывают страны постсоветского пространства с олигархической формой капитализма. В этих странах, куда входит и Армения, доходы почти не реагируют на экономические условия, а улучшение экономических показателей приводит к разрыву между слоями общества, так как те отрасли, которые лежат в основе экономического роста, контролируются ограниченным кругом лиц и приносят пользу лишь им.

Таким образом, общим выводом можно считать тезис о том, что концентрация капитала при правильном ее направлении может привести к быстрому росту и развитию страны, но чрезмерная концентрация, наоборот, начинает увеличивать разрыв между доходами и богатством населения. Для стран, в которых наблюдается дефицит капитала, как Армения, крайне важно правильное направление капитала на развитие отраслей экономики, что требует систематических действий со стороны государства.

Накопление капитала позволило Китаю за несколько десятилетий стать новым экономическим центром мира наряду с США, поэтому нельзя игнорировать его роль в развитии страны. Хотя возможности Армении нельзя сопоставить с возможностями Китая, при правильной политике использования накопленного и воспроизводимого человеческого и произведенного капитала можно встать на путь долгосрочного и динамичного развития.

Библиография

Белых А.А., Май В.А. Маркс-XX // Вопросы экономики. 2018. № 8. С. 78.

Клинов В. Сдвиги в мировой экономике в XXI веке: проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики. 2017. № 7.

Рыбалкин В.Е., Щербанин Ю.А., Балдин Л.В. и др. Международные экономические отношения: учеб. 4-е издание. М.: Юнити, 2003.

Baumol W. J., Litan R. E., Schramm C. J. Good Capitalism, Bad Capitalism, and the Economics of Growth and Prosperity. Yale University Press, 2007.

Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // The American Economic Review. Vol. 45. No 1. 1955.

Malthus Th. An Essay on the Principle of Population. 1798.

Marx K. Capital: A Critique of Political Economy. Vol. 1. Part 1: The Process of Capitalist Production. New York, NY: Cosimo, 1867.

Milanovic B. Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization. Harvard University Press, 2016.

Piketty Th. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014.

Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. 1817.

Schumpeter J. A. The Theory of Economic Development. Cambridge, MA: Harvard Economic Studies, 1934.

Sundaram J.K., Popov V. Income inequalities in perspective // Initiative for Policy Dialogue–Geneva ILO, 2015. Extension of Social Security Series. No 46. International Labour Office, Social Protection Department.

Titenko E., Korneva O. The Concentration of Capital as a Reason for the Accelerated Development of the Economic System // Lifelong Wellbeing in the World – WELLSO 2015 / F. Casati (ed.). Future Academy, 2016.

Организация тюркских государств: перспективы развития и риски для Евразийского экономического союза

Живалов В.Н., Чимирис Е.С., Алиев Т.М.

Живалов Владимир Николаевич — д.э.н., аналитик Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли.

ORCID: 0000-0001-6827-5754

Чимирис Екатерина Сергеевна — к.п.н., руководитель Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ.

ORCID: 0000-0002-9837-8014

Алиев Тимур Мамедович — к.э.н., старший научный сотрудник Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли.

ORCID: 0000-0003-3545-542X

Для цитирования: Живалов В.Н., Чимирис Е.С., Алиев Т.М. Организация тюркских государств: перспективы развития и риски для Евразийского экономического союза // Современная мировая экономика. Том 1. 2023. № 2 (2).

Ключевые слова: тюркский мир, региональные интеграционные объединения, постсоветское пространство, геополитическая реальность, тюркская интеграция, риски, саммит, торгово-экономическое сотрудничество, Евразийский экономический союз, Центральная Азия.

Аннотация

В статье подвергаются анализу этапы развития Организации тюркских государств (ОТГ) как международной организации. Рассматриваются активные консолидирующие действия Турции по налаживанию экономических связей с независимыми государствами Центральной Азии и изучаются основные направления развития международных экономических отношений стран — государств ОТГ. На основе проведенного сбора и анализа информации делается вывод о том, что в нынешней ситуации очевидна

заинтересованность стран ОТГ в расширении сфер влияния. Оценивается современное состояние международных экономических взаимоотношений новых евразийских региональных интеграционных объединений — ОТГ и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), появившихся после разрушения единого экономического пространства СССР. В статье раскрыты перспективные направления экономического развития ОТГ, позволяющие рассматривать ее как специфический источник риска для ЕАЭС.

Введение

Очевидной реальностью современной мировой экономики стало смещение центра тяжести от развитых к развивающимся странам. В результате быстрого роста экономических сил развивающихся стран в мире проходит процесс реструктуризации, приводящий к возникновению новых интеграционных партнерств. В последние 30 лет активность Турции на постсоветском пространстве, особенно в странах Центральной Азии (ЦА), привела к созданию международной организации ОТГ. По мнению политолога Р. Сулейманова, «Турция стремится переориентировать республики бывшего СССР на себя и все это вписывается в доктрину пантюркизма: много государств — одна тюркская нация»¹.

Появление новых государств на постсоветском пространстве, связанное с процессом распада Советского Союза, значительно снизило влияние России на них. Это породило желание крупных мировых держав войти в геоэкономическое пространство бывшего Советского Союза. Турецкая республика воспользовалась шансом объединить вокруг себя государства, большую часть населения которых представляют тюрки, и стремится при поддержке народов, объединенных культурными и языковыми общностями на постсоветском пространстве, к созданию «тюркского мира». Благодаря инициативе Турции, турецкий вектор стал одним из самых динамичных в Центральной Азии и отдельных регионах России, где проживают тюркские народы.

Процесс становления ОТГ как международной организации, начавшийся в 90-е годы прошлого века, прошел несколько этапов развития.

Первый этап начался после распада СССР с состоявшегося в Анкаре в 1992 году саммита, в котором приняли участие президенты шести государств (Турцию представлял президент Т. Озал, Азербайджан — А. Элчибей, Казахстан — Н. Назарбаев, Кыргызстан — А. Акаев, Узбекистан — И. Каримов, Туркменистан — С. Ниязов). Поскольку встречи были результативными, президенты продолжили практику проведения подобных саммитов. Встречи проводились в 1994, 2001 и 2010 гг. в Стамбуле, в 1995 г. в Бишкеке, в 1996 г. в Ташкенте, в 1998 г. в Астане, в 2000 г. в Баку, в 2006 г. в Анталии.

¹ Чем России грозит создаваемый Анкарой «Союз тюркских государств»? // <https://news.rambler.ru/troops/47113017-chem-rossii-grozit-sozdavaemyy-ankaroy-soyuz-tyurkskih-gosudarstv/?ysclid=191gxp73h0270309235>

Вторым этапом сотрудничества стало юридическое оформление организации тюркских государств. В 2009 г. в Нахичевани учрежден Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ, Тюркский совет). Он был создан как межправительственная организация, главной целью которой является содействие всестороннему сотрудничеству между тюркскими государствами. В последующие годы Совет смог институционализировать отраслевое сотрудничество и создать дочерние платформы, такие как Парламентская ассамблея тюркских государств (ТЮРКПА), Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Международная тюркская академия и др. В итоговом документе Нахичеванского саммита выражено стремление тюркских государств способствовать укреплению мира, безопасности и стабильности в регионе и мире.

Исторический саммит прошел в Стамбуле в ноябре 2021 г. Он положил начало третьему этапу, на котором Тюркский совет был реорганизован в Организацию тюркских государств (ОТГ). В ходе саммита утвердили Положение о партнерах Организации тюркских государств. Использование потенциала добрососедства, солидарности и сотрудничества в духе равенства, взаимного доверия, взаимного интереса, взаимных консультаций и стремления к развитию в рамках сотрудничества стало основной целью созданной организации. Концепция «Великого Турана» предполагает объединение в одной сверхконфедерации всех тюркоязычных народов (Горохов 2021). Структура открыта для установления конструктивных отношений сотрудничества с третьими странами и международными организациями.

Наиболее значимым событием организации после изменения ее названия на Организацию тюркских государств стало принятие «Концепции тюркского мира до 2040 года». По мнению экспертов, если странам удастся ее реализовать к 2040 г., интеграция тюркского мира будет достигнута. По мнению профессора Международного турецко-казахского университета Д. Томара, «документ, о котором идет речь, содержит пункты, которые обеспечат сотрудничество и единство тюркского мира во всех сферах» (Томар 2021). Девятый саммит ОТГ 2022 года в Самарканде проходил под лозунгом «Новая эра тюркской цивилизации: на пути к общему развитию и процветанию» и имеет большое значение с точки зрения принятых решений и последних посланий.

Официальными языками ОТГ стали азербайджанский, казахский, киргизский и турецкий, а также английский как дополнительный. Если присоединятся новые члены, то языки этих государств также станут официальными языками организации.

Около пятнадцати стран изъявили желание наладить различные формы международного экономического сотрудничества с организацией, что свидетельствует о ее репутации и росте международного влияния (История сегодня... 2021).

Вместе с Турцией и государствами Центральной Азии многонациональный тюркский мир формально включает тюркское население некоторых субъектов Российской Федерации (Чувашия, Башкортостан, Татарстан, Якутия, Республика Крым, Тыва и т.д.), Гагаузии (автономное территориальное образование в составе Республики Молдова) и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Район

находится на северо-западе Китая и был организован 1955 году, в нем проживает примерно 3640 тыс. уйгуров. Тюркской страной считается также Турецкая Республика Северного Кипра (признана лишь Организацией Исламская конференция) (Мусеилов 2004).

ОТГ организована с целью консолидировать народы стран, в которых основное население составляют тюрки, с целью укрепления взаимовыгодного экономического сотрудничества. Турция играет самую активную роль в работе этой региональной международной организации на евразийском пространстве. ОТГ представляет единство ряда государств на этнической основе, от которой отказались многие народы, имеющие общие этнокультурные (славяне, немцы) и языковые (испано-, португало-, персоязычные и т.д.) корни.

Государствами-учредителями ОТГ, кроме Турции и Азербайджана, являются участники другого интеграционного объединения ЕАЭС — Казахстан и Кыргызстан. В дальнейшем к этой организации присоединились и другие страны ЦА. В октябре 2019 г. полноправным членом стал Узбекистан. На саммите, состоявшемся в ноябре 2021 г., к организации присоединился Туркменистан. Венгрия и частично признанная Турецкая Республика Северного Кипра получили статус члена-наблюдателя².

Важнейшую роль в ОТГ играет Турция, которая стремится объединить народы, используя идею воссоздания прототипа Османской империи — «Тюркского мира» в современных исторических условиях. «Тюркский мир» изначально мыслился как костяк более пространственной общности — Турана, под которым следует понимать всю совокупность уральских и алтайских этносов — финно-угров, тунгусо-маньчжуров, тюрков, монголов, а временами корейцев и японцев. Последних рассчитывают притянуть к проекту «Тюркский мир», но это скорее всего дело будущего.

В Турции с момента прихода исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) к власти с очевидным постоянством поднимался вопрос о формировании коллективных вооруженных сил, но, как показала вторая Карабахская война, реальностью может стать только лишь военно-политический альянс Турции и Азербайджана. Хотя президент Турции Р. Эрдоган многократно говорил, что грезит о «появлении на карте шести государств одной нации» (Иванов 2022).

Основным решающим органом в ОТГ является Совет глав государств, который возглавляет страна, принимающая на себя председательство (ротация проходит в алфавитном порядке). Другими рабочими органами являются Совет министров иностранных дел, Совет старейшин, Комитет старших должностных лиц.

Министры иностранных дел государств-членов регулярно встречаются на саммитах для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес. Встречи министров иностранных дел ОТГ, носящие неформальный характер, проходят в рамках сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Комитет старших должностных лиц ОТГ состоит из высокопоставленных должностных лиц министерств иностранных дел и соответствующих государ-

² Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA) // <https://www.turkkon.org/en>.

ственных учреждений стран-членов. Комитет собирается регулярно, как правило, перед заседаниями Совета министров иностранных дел. В его обязанности входит координация всей деятельности Совета, подготовка официальных документов, представляемых на подпись, и проведение аналогичной работы по вопросам, относящимся к внутренним делам. Комитет на регулярной основе собирался 30 раз и 7 раз по специальным случаям с особой повесткой дня.

Перспектива развития ОТГ

С целью формирования тюркской идентичности Турция инициировала создание целого ряда организаций, причем не только государственных, частно-государственных, но и частных.

В целях развития и укрепления межпарламентского сотрудничества 21 ноября 2008 года Стамбульским соглашением создана Парламентская ассамблея тюркских государств (ТЮРКПА). Организация призвана развивать политический диалог между государствами-членами посредством парламентской дипломатии, гармонизировать национальное законодательство государств-членов и укреплять совместную деятельность, в том числе по расширению внешнеэкономических связей, реализации совместных бизнес-проектов, нахождению путей решения различных экономических проблем тюркского мира.

Важной вехой в развитии тюркской идентичности стало создание Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), которая берет свое начало на встречах 1992 года. Организация представляет собой союз тюркоязычных стран, основной целью которого является «налаживание сотрудничества между тюркоязычными народами для сохранения, развития и передачи будущим поколениям совместных материальных ценностей и культурных памятников тюркских народов». 3 мая 2023 года в Библиотеке Первого Президента Республики Казахстан состоялся международный круглый стол «ТЮРКСОЙ — 30 лет: итоги и перспективы», организованный совместно с Международной организацией тюркской культуры³.

Особое место в организации тюркского мира заняла Международная тюркская академия, функционирующая в Казахстане с 2010 года. За эти годы было установлено тесное взаимодействие с ТЮРКСОЙ, ТЮРКПА, Тюркским советом, IRCISA (Научно-исследовательским центром исламской истории, искусства и культуры). Членами академии являются Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция, Венгрия имеет статус наблюдателя. Академия занимается научно-исследовательской работой, изданием книг и журналов, проведением международных форумов и конференций с известными учеными, а также научными работами по тюркологии⁴.

³ ТЮРКСОЙ – 30 лет: итоги и перспективы // <https://dknews.kz/ru/politika/286994-tyurksoy-30-let-itogi-i-perspektivy>.

⁴ Токаев ратифицировал соглашение об условиях размещения Тюркской академии в Казахстане. // <https://informburo-kz.turbopages.org/informburo.kz/s/novosti/tokaev-ratificiroval-soglashenie-ob-usloviyah-razmesheniya-tyurkskoj-akademii-v-kazahstane>.

Созданный в 2013 году Союз тюркских университетов продвигает различные формы сотрудничества между университетами государств. Количество его вузов-членов с 2014 года по настоящее время выросло с 14 до 22. У Союза есть много направлений деятельности — Орхунская программа обмена, Спартакиада Союза и Студенческий совет. В ходе развития и реализации данных программ с 2014 года было организовано пять встреч на уровне ректоров и проректоров и три генеральных собрания. В 2019 году, в ходе Четвертой Генеральной Ассамблеи Союза тюркских университетов, организованной Международным казахско-турецким университетом имени Ходжи Ахмеда Ясави (Университет Ахмеда Ясави), в Союз были приняты в качестве новых членов Турецкий университет Гази, Университет Нигде Омера Халисдемира, Каппадокийский университет и Сегедский университет Венгрии⁵.

Фонд Тюркской культуры и наследия со штаб-квартирой в Баку был организован на саммите Тюркского совета в Бишкеке в августе 2012 года. Деятельность фонда направлена на исследование, защиту, пропаганду, продвижение культуры и наследия тюркоязычных народов. В своей работе Фонд использует опыт других тюркоязычных и международных организаций и налаживает сотрудничество с ними⁶.

Специальным соглашением 20 октября 2011 года в Алматы создан Деловой совет тюркоязычных стран. Деловой совет нацелен на инициирование и контроль многосторонних действий в рамках международного экономического сотрудничества на основе принципа взаимопомощи и поддержки в соответствии с приоритетами, описанными в соглашении, и институционализации существующих механизмов сотрудничества в области взаимных инвестиций и торговли. Под эгидой Делового совета было проведено 6 заседаний и 10 международных бизнес-форумов, в которых приняли участие более 500 предпринимателей. Организованы технические визиты для инвесторов, встречи за круглым столом для предпринимателей государств-членов, программы обмена опытом между национальными торгово-промышленными палатами⁷.

Тюркская торгово-промышленная палата (ТССИ) со штаб-квартирой в Стамбуле была официально создана в 2019 году и состоит из торгово-промышленных палат и бизнес-сообществ государств-членов и государств-наблюдателей. ТССИ является важным механизмом международного экономического сотрудничества, а также реализации устойчивых бизнес-программ и проектов для увеличения показателей международной торговли между государствами-членами. Планируется создать правовую инфраструктуру и для Торгово-промышленной палаты Трабзона, в которую входят автомобильные и транспортные компании, с целью направления и внедрения ее представителей в постоянную структуру, которая будет непрерывно работать для дальнейшего развития международных экономических отношений частного сектора тюркского мира.

⁵ Союз тюркских университетов // https://www.turkkon.org/en/isbirligi-alanlari/education_4/turkic-university-union.14.

⁶ Международный фонд тюркской культуры и наследия. // <https://www.trend.az/tags/45715/>.

⁷ Тюркский деловой совет // https://www.turkkon.org/en/isbirligi-alanlari/economic-cooperation_2/turkic-business-council-and-business-forums_9.

За короткое время с момента своего создания ТССИ удалось организовать масштабные бизнес-форумы в Ташкенте и Баку с участием государственных деятелей и более 500 бизнесменов. Например, в 2020 г. в рамках усилий стран Тюркского совета ТССИ подготовила предложения, направленные на предотвращение нежелательных последствий эпидемии COVID-19. Кыргызская торгово-промышленная палата (Кыргызская ТПП) и Союз палат и товарных бирж Турции договорились о сотрудничестве в технической помощи по укреплению Кыргызской ТПП. В настоящее время прорабатывается проведение масштабного бизнес-форума⁸.

Весьма заметна в этом интеграционном процессе образовательно-культурная сфера. Можно выделить специально созданные организации, такие как Тюркское агентство по сотрудничеству и развитию, международная Организация изучения тюркской культуры, Институт имени Юнуса Эмре. Перечень проводимых ими мероприятий и разнообразных программ впечатляет: проведение общетюркских фестивалей, строительство мечетей и больниц, выделение грантов студентам, разработка единых учебников по литературе, географии, истории. При этом Турция осознанно поддерживает репутацию прогрессивного, прозападно настроенного государства, формируя таким образом мировоззрение у молодого поколения тюркского населения.

Видима активность Турции в таких сферах, как торгово-экономическая и транспортно-логистическая. Особенно активно ее участие в строительстве трубопроводных путей, международных автомобильных трасс и железных дорог. Турция обеспечивает прохождение через свою территорию всего многообразия топливно-энергетических ресурсов и различных видов сырья, потребляемых современным производством, в страны средиземноморского бассейна и ЕС. Это отвечает экономическим интересам восточноазиатских стран, таких как Китай, южноазиатских стран, таких как Индия, а также стран Южного Кавказа и ЦА и активно поддерживается западноевропейскими странами и США.

Созданную ОТГ следует воспринимать как попытку Турции создать новый альянс — альтернативу Евразийскому экономическому союзу. В ближайшее десятилетие странами ОТГ с населением в 173 млн человек намечено создать рынок инвестиций, рабочей силы, товаров и услуг.

Современной особенностью дальнейшего развития ОТГ являются попытки Турции вовлечь тюркские государства не только во внешнеполитическую, но и военнополитическую деятельность. Например, глава МИД Турции высказывает мнение, что тюркские страны обязаны инициировать развитие новых военно-политических процессов, а не только реагировать на них. Так, в настоящее время остро стоит вопрос создания турецкой военной базы в Азербайджане, обсуждается дальнейшее расширение сотрудничества в военно-технической сфере, планируются военные маневры и учения. Около 10 лет вынашивается идея создания организации собственных внутренних сил, обладающих военным статусом и подчиняющихся Тюркскому совету. Однако по мнению востоковеда, эксперта РСМД К. Семенова: «Амбиции Турции несомненны, но речи об объединенной тюркской армии пока нет» (Семенов 2022).

⁸ Тюркские страны создали новые механизмы для роста товарооборота // <https://www.aa.com.tr/ru5>.

Прошедший в 2022 году в Узбекистане Саммит ОТГ продемонстрировал уверенность государств — членов ОТГ в дальнейшем углублении и развитии международного сотрудничества не только в экономической, но и культурной сфере, с учетом языка и народных традиций тюркского народа.

В рамках ОТГ учреждены Банк развития, Тюркский инвестиционный фонд, а также соглашение по упрощению таможенных процедур. Предложено создать фонд венчурных инициатив с целью развития современных высоких технологий, цифровизации и образования. Поддержано строительство железных дорог Узбекистан—Кыргызстан—Китай и Термиз—Мазари-Шариф—Кабул—Пешавар, что значительно увеличит пропускную способность железных дорог Баку—Тбилиси—Карс. Планируется расширение транспортных связей между Европой и Азией, а также общая диверсификация инфраструктуры всего транспортного сообщения.

В целях обеспечения близкой координации и взаимодействия по вопросам безопасности государства — члены ОТГ договорились о проведении регулярных консультаций по развитию глубоких отношений в оборонной промышленности и военной сфере.

Выгодное стратегическое положение Турции как страны транзита в новых транспортных коридорах Восток—Запад и Север—Юг делает ее главным бенефициаром за счет приобретения в России и странах ЦА недорогих энергоносителей, а в странах ЕС — современных технологий. Имеется возможность получения Турцией в качестве преференции инвестиций из Китая и соответственно некоторую лояльность США и ЕС к развитию ее отношений со странами ЦА.

Вместе с тем сохраняются преграды по возрождению тюркского мира. Например, в Турции курды составляют существенную часть населения — более 23%, в Казахстане почти 20% граждан — это русские, курды, украинцы и представители других национальностей. В государствах постсоветского пространства существуют этнические группы, не имеющие никакого отношения к тюркской группе.

С весьма большей осторожностью относятся государства ЦА к привлечению их стран к другим внешнеполитическим союзам. К тому же, их интересы в ОТГ ограничены торгово-экономическим взаимодействием, логистическими решениями, сотрудничеством в гуманитарной сфере, включая вопросы культуры и религии.

В ОТГ имеется немало внутрирегиональных проблем со странами ЦА, например, заметна не только внутривнутриполитическая, но и экономическая нестабильность. Существует много проблем и в социальной сфере, где довольно высок уровень безработицы. Общество сотрясают межклановые конфликты и коррупция, присутствуют реальные угрозы, связанные с безопасностью границ, наркотрафиком, исламским радикализмом. Страны ЦА лихорадят не только межстрановые разногласия, связанные с конкуренцией за энергетические и водные ресурсы, но и постоянные этнотерриториальные инциденты Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. По мнению экспертов, серьезной внешней угрозой для стран ЦА является «фактор Афганистана», который может превратиться в одно из укреплений радикального исламизма.

ЕАЭС и ОТГ

В настоящее время на обширных территориях сформировались и существуют вдоль условной границы между Европой и Азией два евразийских альянса — ОТГ и ЕАЭС. Формально ОТГ не является союзом, поскольку в организации отсутствует традиционное оформление отношений. Из членов ЕАЭС в ОТГ присутствуют Казахстан и Кыргызстан, что служит важным фактором, способным одновременно как порождать противоречия, так и сдерживать какие-либо «резкие действия» всех участников ЕАЭС и ОТГ.

Очевидно, что перспективы взаимодействия ЕАЭС и ОТГ будут зависеть от российско-турецких отношений, т.к. Россия и Турция являются крупнейшими странами в этих организациях. Россия является основой ЕАЭС, в ОТГ, как организационно, так и в производственном и военном контексте, господствует Турция. Следует также отметить, что Казахстан был одним из главных инициаторов евразийской и тюркской интеграции. С момента создания в 2015 г. ЕАЭС участие в саммитах тюркоязычных государств первых лиц Казахстана и Кыргызстана было постоянным. В сентябре 2015 года участие в пятом саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств принимал президент Кыргызстана А. Атамбаев и Президент Казахстана Н. Назарбаев. В шестом саммите, который состоялся в сентябре 2018 г., участвовали Президент Казахстана Н. Назарбаев и Кыргызстана С. Жээнбеков. В октябре 2019 г. в Баку состоялся седьмой саммит, на котором присутствовали президент Казахстана Н. Назарбаев и Кыргызстана С. Жээнбеков. Стамбульский саммит 12 ноября 2021 г. проходил уже с участием президента Казахстана К. Токаева и президента Кыргызстана С. Жапарова.

Вся деятельность ОТГ позволяет говорить о том, что Турция довольно тщательно и систематически старается воплощать идеи по расширению сферы собственной национальной идеи о консолидации тюркских народов и проникновению неоосманской идеологии, которая противопоставляется евразийской культуре, и тем самым стремится энергично конкурировать с интеграционной инициативой России.

По мнению политолога, эксперта М. Бурды, «опыт ОТГ, конечно, мог бы быть использован в рамках Евразийского экономического союза. ... В отличие от тюркского мира, где есть этническая и религиозная формы идентичности, в рамках евразийского партнерства таких скреп практически не осталось. Поэтому на сегодняшний день не видится предпосылок для запуска в рамках ЕАЭС каких-то общих процессов» (Крек Н. 2022).

По мнению экспертов, «Турцией активно используется против России полный арсенал оружия “мягкой силы”, включая сферы культуры и образования, а также энергичное присутствие в русскоязычном интернет-пространстве» (Аватков, Бадранов 2013). Заметно активизировалась она и внутри России на фоне культурных, гуманитарных и научных проектов в 1990-х гг., сразу после распада СССР. Так, в Татарстане была учреждена Ассамблея тюркских народов, активно продвигающая отделение национальных автономий от Российской Федерации. «Якутия, Татарстан и Башкирия открыто претендовали на статус национальных независимых государств, а в Якутии даже готовились создать собственную армию и ввести визовый режим для остальных российских граждан» (Горохов 2021).

Экспертные исследования говорят, что именно Турцией предлагаются новые идеи если не отделения этих автономий от России, то по крайней мере выхода к границам постсоветских тюркских республик. В качестве примера приводят идею создания «Тюркского коридора», ради которого часть Оренбургской области должна быть передана Татарстану или Башкирии с тем, чтобы эти республики смогли напрямую граничить с «братьями по языку и вере» казахами. «Это полностью совпадает с планами идеологов “Великого Турана”, видящими в составе этой империи не только тюркские автономии Российской Федерации, но и весь Северный Кавказ, Калмыкию, Крым, Дагестан, Астраханскую, Волгоградскую, Курганскую, Ростовскую, Саратовскую, Самарскую, часть Свердловской, Оренбургскую, Челябинскую области, Краснодарский, Красноярский и Ставропольский края, и едва ли не всю Сибирь» (Горохов 2021).

Для России и соответственно ЕАЭС создание ОТГ представляет определенную опасность. Если до сих пор упор делался на культурную и гуманитарную сферу, то новое название является шагом в сторону еще более обязывающей структуры, члены которой могут быть связаны «механизмами оперативного принятия решений», что подчеркнул на саммите глава турецкого МИД М. Чавушоглу⁹. На вопрос, для чего Турции нужен новый статус организации, ответил турецкий политолог Керим Хас: «Раджеп Эрдоган очень заинтересован в расширении зоны влияния Турции. В Средней Азии, где живут братские туркам тюркские народы, делать это проще и логичнее всего. Во-вторых, нужно как можно больше рычагов давления на Россию. Увеличивая свое влияние в приграничных с Россией странах, Турция получает сильные позиции в переговорах по всем вопросам. Их становится немало. К примеру, это Сирия и Ливия, и различные экономические проекты, и ситуация на Южном Кавказе» (Горохов 2021).

И хотя к этому вопросу ряд тюркских государств Центральной Азии относится скептически, новое положение членов организации не столько культурной, сколько политической направленности, обязывает. Тем более, что у Турции в ОТГ в самое ближайшее время может появиться союзник. Именно президент Р. Эрдоган предложил сделать полноправным членом организации частично признанную Турецкую Республику Северного Кипра, что автоматически приведет к ее признанию всеми государствами, входящими в ОТГ.

По мнению востоковеда, советника Российской национальной службы экономической безопасности» (РНСЭБ), члена экспертного совета комитета ГД по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками А. Савельева, «потакание российских чиновников безмерным амбициям Анкары и национализму в сочетании с пантюркизмом в бывших советских республиках может не только привести к краху и без того вялых интеграционных структур, но и создать на границах России очередной очаг напряженности.....Время пустых фраз и самоуспокоения для России прошло...» (Савельев 2022).

По мнению отдельных экспертов, Турция, несмотря на то, что является главным носителем идеи этногеографического, культурного, экономического, политическо-

⁹ Получится ли у Эрдогана Великий Туран? Согласна ли с этим Россия? // <https://regnum.ru/news/polit/3602083.html>.

го и военного объединения, неминуемо встретится с интересами России и Китая. Россия же, в свою очередь, уже делала заявление о том, что центр тюркского мира находится на российском Алтае, то есть вне Турции. По мнению, старшего научного сотрудника ИМЭМО РАН В. Надеина-Раевского, «Китай относится к консолидации тюркского мира категорически отрицательно. Официальный Пекин неоднократно возмущался тем, что Турция “лезет не в свои дела”. Анкара ведь претендует на то, что она выступает защитницей интересов всех тюрков: и крымских татар, и жителей Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР»¹⁰.

По мнению А.В. Чекрыжова, руководителя Сектора изучения мировой экономики и евразийских интеграционных процессов Центра геополитических исследований «Берлек-Единство», «включение России, КНР, а тем более обеих стран в состав ОТГ до сих пор признается маловероятным. Анкара может единолично определять векторы развития ОТГ, исходя из собственных интересов, но включение в эту систему России или КНР нарушит статус-кво, и любые решения придется выносить уже исходя из консенсуса сторон. В связи с этим придется сделать выбор среди двух векторов развития организации. Первый заключается в игнорировании “невыгодных” для Турции тюркских народов России и Китая. В таком случае организация достигнет максимального результата довольно быстро. Максимум будет выражаться в совместных культурно-гуманитарных проектах стран-участниц, наращивании торгово-экономического сотрудничества. Второй вариант развития предполагает сближение и интеграцию проекта с Россией и Китаем. В таком случае Турция потеряет гегемонию, но откроет дверь в Большую Евразию с учетом сопряжения ОТГ с ШОС, ЕАЭС и транспортными проектами КНР. Конечно, такой сценарий сегодня кажется не реальным, но времена меняются» (Чекрыжов 2022).

Торгово-экономическое сотрудничество ЕАЭС с ОТГ

Реализуемый Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Туркменистаном (а также Венгрией и Турецкой Республикой Северного Кипра в качестве наблюдателей) совместно с Турцией проект ОТГ по развитию интеграции несет для ЕАЭС в целом и для России в частности определенные риски. Например, тюркоязычные страны СНГ используют различные возможности для повышения своей конкурентоспособности и диверсификации торгово-экономических связей, в том числе за счет сотрудничества в рамках ОТГ. Не исключено, что расширяющаяся интеграция в субрегионе будет использоваться в целях ослабления политико-экономического влияния России (и Китая).

В 2016 г. было зафиксировано ощутимое сокращение объемов товарного экспорта ЕАЭС в страны ОТГ (Азербайджан, Турцию и Узбекистан) с 26,8 млрд долл. США (в 2015 г.) до 19,4 млрд долл. США. В целом, во второй половине 2010-х гг. позитивная динамика отмечалась до 2019 г. включительно, когда показатель достиг 32,8 млрд долл. США. В 2020 г. он сократился на 15,2% до 27,8 млрд долл.

¹⁰ «Тюркское НАТО» станет проблемой для России и Китая // <https://rosbalt.ru/turbopages.org/rosbalt.ru/s/world/2021/11/23/1932327.html>.

США. Стоимостный объем товарного экспорта ЕАЭС в ОТГ за 12 месяцев 2021 г. составил 41,5 млрд долл. США, увеличившись на 49,2% по сравнению с предыдущим годом и существенно превысив «доковидный» уровень (2019-го года). В 2022 г. произошел резкий рост экспортных поставок из ЕАЭС в страны ОТГ — до 80 млрд долл. США.

В 2015–2016 гг. объем товарного импорта ЕАЭС из Турции изменился с 7,5 до 5,8 млрд долл. США. В 2016–2019 гг. он неуклонно повышался, в 2020 г. снизился на 3,2%, а в 2021–2022 гг. установился на уровне 13,4 и 18,4 млрд долл. США, соответственно (см. рис. 1 на с. 104).

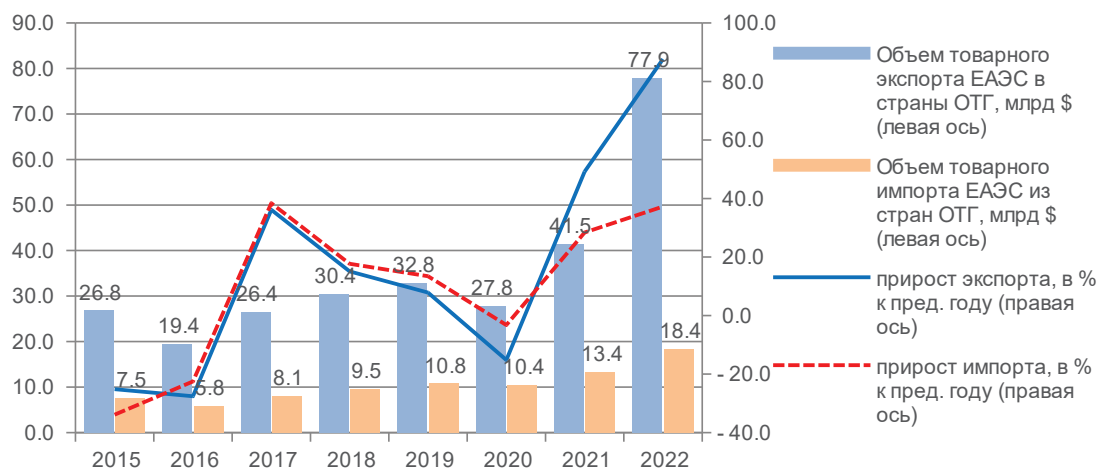

Рисунок 1. Динамика внешней товарной торговли ЕАЭС со странами — членами Организации тюркских государств* в 2015–2022 гг.¹¹

Примечание: * — без учета государств — членов ЕАЭС (Казахстана и Кыргызстана) в составе ОТГ.
Источники: ЕЭК, ITC Trade Map

Основа товарного экспорта ЕАЭС в страны ОТГ — продукция топливно-энергетического профиля, металлы и изделия из них, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного). В импорте ЕАЭС из стран Организации тюркских государств преобладает аграрная продукция, текстиль, текстильные изделия и обувь, а также продукция химической промышленности, машины, оборудование и транспортные средства (см. Таблицу 1 на с. 105).

По данным ЕЭК (на основе официальных данных центральных банков стран — членов ЕАЭС), в период с 2015 г. максимальный объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ), привлеченных в ЕАЭС из стран Организации тюркских государств, пришелся на 2021г. Масштабы исходящих ПИИ из ЕАЭС в страны ОТГ были значительными в 2015–2016 гг. и составили 1,5 и 1,1 млрд долл. США соответственно (см. рис. 2 на с. 105).

¹¹ Составлено с использованием данных национальных статистических ведомств и данных МВФ // <https://www.imf.org/>

Таблица 1. Товарная структура внешней торговли ЕАЭС со странами — членами Организации тюркских государств* в 2015, 2019 и 2022 гг., в % к итогу¹²

Коды ТН ВЭД	Товарная группа	Экспорт товаров ЕАЭС в страны ОТГ			Импорт товаров ЕАЭС из стран ОТГ		
		2015	2019	2022	2015	2019	2022
01-24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	12,5	14,1	12,1	30,9	26,8	22,1
25-27	Минеральные продукты	21,4	35,2	61,0	5,6	4,0	3,7
27	Топливо-энергетические товары	20,6	33,9	60,2	4,4	2,7	2,8
28-40	Продукция химической промышленности, каучук	5,0	5,3	4,5	10,9	12,0	15,1
41-43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,0	0,0	0,0	0,7	0,6	0,5
44-49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,1	3,2	2,6	1,2	0,8	1,5
50-67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,3	0,4	0,2	19,5	23,9	22,4
71	Драгоценные камни, металлы и изделия из них	0,1	0,2	1,3	0,5	0,3	0,5
72-83	Металлы и изделия из них	21,7	16,7	14,8	6,1	6,6	6,7
84-85	Машины и оборудование	2,0	4,5	2,0	12,5	12,4	17,5
86-89	Транспортные средства	1,9	2,7	0,9	5,5	8,3	6,2
90-92	Технические инструменты и аппаратура	0,2	0,4	0,1	0,9	0,4	0,5
68-70, 93-97, 99	Другие товары	31,8	17,2	0,4	5,8	4,0	3,3

Примечание: * – без учета государств — членов ЕАЭС (Казахстана и Кыргызстана) в составе ОТГ.

Источник: ITC Trade Map.

Рисунок 2. Инвестиционное взаимодействие ЕАЭС со странами — членами Организации тюркских государств** в 2015-2022 гг. (потоки ПИИ)

Примечания: * – без учета данных по России; ** – без учета государств — членов ЕАЭС (Казахстана и Кыргызстана) в составе ОТГ.

Источник: ЕЭК¹³.

¹² Составлено с использованием данных национальных статистических ведомств и данных МВФ // <https://www.imf.org/>

¹³ Евразийская экономическая комиссия. Департамент статистики // https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_stat/tradestat/analytics/

Объемы накопленных ПИИ, привлеченных в ЕАЭС из стран — членов ОТГ, увеличились с 1,5 млрд долл. США в 2015 г. до 5,3 млрд долл. США в 2021 г., а накопленные исходящие ПИИ ЕАЭС в страны-члены Организации тюркских государств изменились с 7,9 до 7,8 млрд долл. США. В 2022 г., без учета данных по Кыргызстану и России, накопленные капиталовложения стран ОТГ в ЕАЭС составили 1,8 млрд долл. США, а запасы исходящих ПИИ из ЕАЭС в ОТГ — 0,5 млрд долл. США (см. рис. 3 на с. 106).

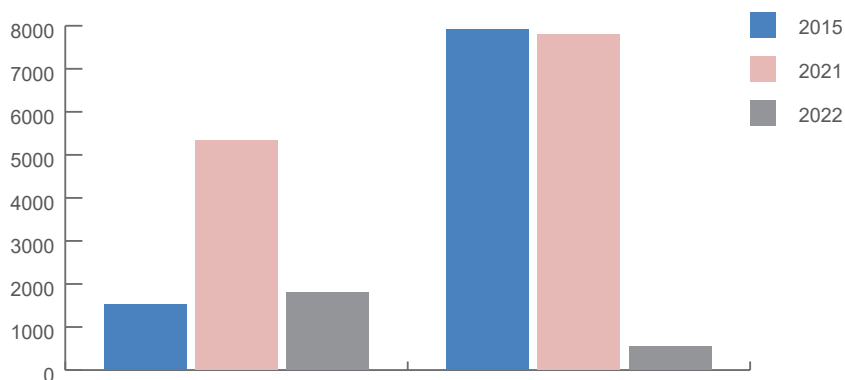

Рисунок 3. Инвестиционное взаимодействие ЕАЭС со странами — членами Организации тюркских государств** в 2015, 2021 и 2022 гг. (накопленные ПИИ)

Примечания: * — без учета данных по Кыргызстану (в 2022 г. — без учета данных по Кыргызстану и России); ** — без учета государств-членов ЕАЭС (Казахстана и Кыргызстана) в составе ОТГ.

Источник: ЕЭК¹⁴.

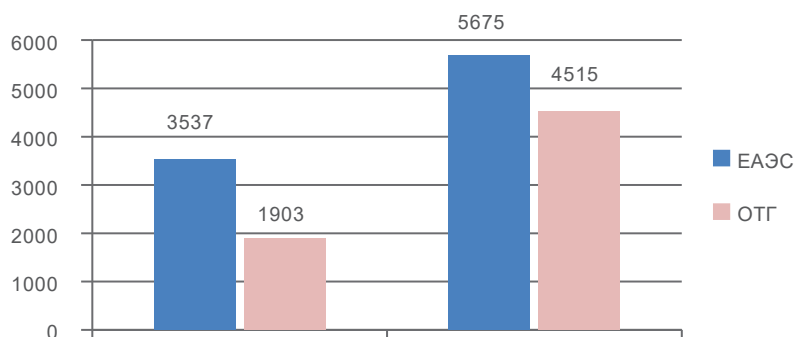

Рисунок 4. Экономический потенциал ЕАЭС и Организации тюркских государств в 2010 и 2022 гг. (величина совокупного ВВП по ППС; млрд долл. США)¹⁵

Источник: МВФ.

¹⁴ Евразийская экономическая комиссия. Департамент статистики // https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/tradestat/analytics/

¹⁵ Составлено авторами с использованием данных национальных статистических ведомств и данных МВФ // <https://www.imf.org/>

Масштабы экономик государств — членов ОТГ ощутимо выросли. За 2010–2022 гг. совокупный ВВП по ППС стран — участниц ОТГ изменился с 1,9 до 4,5 трлн долл. США. По отношению к ВВП ЕАЭС показатель увеличился с 54% до 80%, т. е. наблюдается заметное сближение экономических потенциалов двух интеграционных объединений (см. рис. 4 на с. 106).

Торгово-экономический потенциал ОТГ в первую очередь формируется за счет ведущего игрока в субрегионе — Турции. Благодаря структурным реформам, осуществляемым с начала 2000-х гг., которые сопровождались масштабными внутренними инвестициями в инфраструктуру и качественной перестройкой промышленности, улучшением инвестиционного климата в стране и ростом внешних заимствований, Турция совершила скачок в социально-экономическом развитии. В последнее десятилетие турецкая экономика входила в число наиболее быстро развивающихся экономик в мире, значительно опережая темпы роста российской экономики. В 2010–2022 гг. средние темпы прироста ВВП Турции составили 6,0% ежегодно, а в России они равнялись 1,7% (см. рис. 5 на с. 107). При всех своих объективных различиях российская и турецкая экономики становятся сопоставимыми. Турция вполне обоснованно претендует на роль геополитического лидера в ближневосточном регионе, вовлекая в сферы своих экономических интересов страны Южного Кавказа и Центральной Азии.

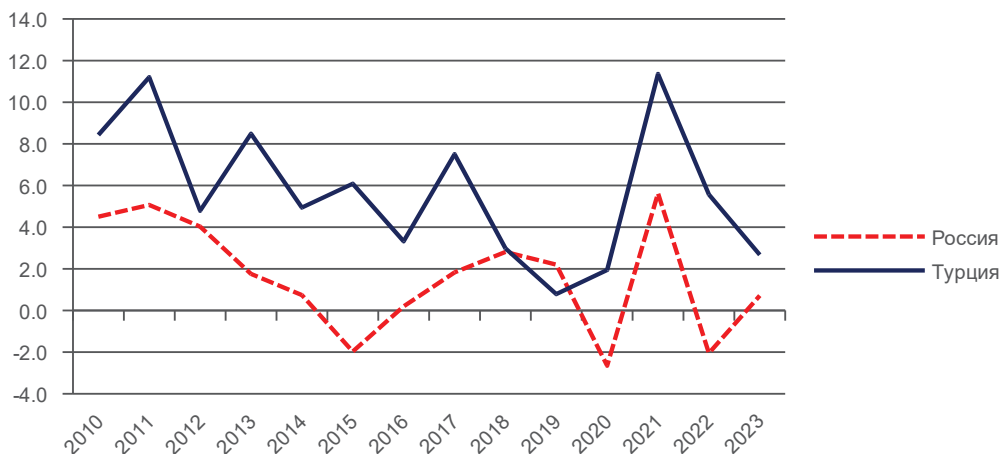

Рисунок 5. Темпы экономического роста в России и Турции в 2010–2023 гг. (прирост реального ВВП по ППС; в % к предыдущему году)¹⁶

Примечание: * – прогноз МВФ.

Источник: составлено авторами с использованием данных национальных статистических ведомств и данных МВФ.

В рамках ОТГ проводится работа по организации инвестиционного фонда для оказания финансовой помощи малому и среднему бизнесу в тюркоязычных го-

¹⁶ Составлено авторами с использованием данных национальных статистических ведомств и данных МВФ // <https://www.imf.org/>

сударствах. Вопрос создания фонда впервые обсуждался министрами экономики стран — членов Совета сотрудничества тюркоязычных государств (переименован в ОТГ) в 2012 г. в Баку. Деятельность фонда будет способствовать активизации инвестиционной деятельности между странами, в том числе экспансии турецкого капитала в тюркоязычные страны СНГ, обладающие большим потенциалом относительно дешевой рабочей силы.

Пока уровень инвестиционного присутствия Турции в этих странах незначителен. Например, по состоянию на 1 апреля 2023 г. объем накопленных турецких инвестиций в Казахстане достигал 1,74 млрд долл. США (из них ПИИ — 1,26 млрд долл. США), что по отношению к суммарным инвестициям, накопленным в казахстанской экономике, составляло всего 0,7%¹⁷.

В декабре 2022 года таможенные службы двух стран успешно осуществили мультимодальную перевозку eTIR узбекским перевозчиком по маршруту из Узбекистана (т/п Арк-Булак/Авиаюклар) в Азербайджан (т/п Аэропорт Баку/Грузовой терминал Баку) с использованием электронной гарантии eTIR на платформе ЕЭК ООН. Ранее в рамках ОТГ в сотрудничестве с Международным союзом автомобильного транспорта (IRU) был запущен проект «цифровой МДП» между Казахстаном и Узбекистаном, который в марте 2022 года был распространен на Кыргызстан. Все это свидетельствует о приверженности государств-членов к практическому сотрудничеству и продвижению цифровизации транспортных и транзитных процедур.

На самаркандском саммите 2022 года с целью облегчения не только информационного обмена о перемещении транспортных средств, но и товаров таможенные структуры государств — членов ОТГ подписали соглашение «О создании упрощенного таможенного коридора между правительствами Организации тюркских государств».

Посредством транспортных коммуникаций появляются возможности организовать через территории стран ОТГ прямой маршрут для транзита грузов из Европы в Китай и в обратном направлении, что может создавать конкуренцию некоторым проектам по формированию транспортных коридоров на евразийском пространстве.

В странах ОТГ активно продолжается совместная деятельность по усилению региональной интеграции путем упрощения, модернизации, стандартизации и гармонизации таможенных процедур, дальнейшего применения цифровых инструментов в таможне, обмена передовым опытом и проведения программ наращивания потенциала по представляющим взаимный интерес направлениям. Планируется продолжить реализацию проекта «Караван-сарай», который повысит конкурентоспособность и привлекательность Транскаспийского международно-среднего коридора Восток—Запад за счет обеспечения бесперебойной работы таможенно-пограничных пунктов пропуска.

¹⁷ Сайт Национального Банка Казахстана, раздел «Статистика внешнего сектора – Международная инвестиционная позиция» // <https://www.nationalbank.kz/ru/news/mezhdunarodnaya-investicionnaya-poziciya>

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что взаимодействие между тюркоязычными государствами в течение последних тридцати лет развивается довольно успешно. ОТГ стремится активно участвовать как в экономической, так и других сферах деятельности стран ЦА. Организация серьезно начинает конкурировать с ЕАЭС, ОДКБ и ШОС, что противоречит интересам евразийской экономической интеграции и в первую очередь России. С уверенностью можно предположить, что влияние ОТГ на страны ЦА и конкуренция между ЕАЭС и ОТГ будет усиливаться. ОТГ способна противопоставить свою экономическую заинтересованность внешнеэкономическим интересам ЕАЭС, однако, она вряд ли выдержит подобную конкуренцию и в первую очередь из-за того, что экономические связи стран ЕАЭС, таких как Казахстан и Кыргызстан, во многом гораздо глубже налажены с Россией, чем с остальными странами ОТГ. Углубление интеграции ОТГ и усиление турецкого влияния в странах ЦА может привести к конфликту интеграционных процессов этих стран в ЕАЭС. При этом противоречия, возникающие из-за членства государств ОТГ в других блоках, маловероятны. Серьезным риском для перспектив развития евразийской интеграции остается укрепление торгово-экономических отношений между странами — членами ОТГ за счет использования упрощенного таможенного коридора и транзитного потенциала.

Однако ОТГ и ЕАЭС могут найти точки соприкосновения и плодотворно сотрудничать друг с другом по многим вопросам как в области экономики, так и политики. Важно найти определенный баланс интересов между ОТГ и ЕАЭС в системе организации таможенного регулирования и внешнеэкономической деятельности в целом, а в будущем, возможно, и в политике. Все это потребует проведения регулярных переговоров между участниками двух организаций в полноценном формате с целью согласования внешнеэкономических интересов каждой страны-участницы. Непрерывные интеграционные процессы в ОТГ ставят перед ЕАЭС вопрос о целесообразности создания единой программы обеспечения экономической безопасности с целью снижения возникающих рисков.

Библиография

Аватков В.А., Бадранов А.Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI. 2013. № 2(27). С. 5–11.

Васильева С. А. ЕАЭС и Тюркский совет: перспективы взаимодействия // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2018. Т. 13. № 3 (179). С. 184–192.

Горохов А. Великий Туран от Средиземного моря до моря Лаптевых // Еженедельник Звезда. 2021. 2 дек. // <https://zvezdaweekly-ru.turbopages.org/zvezdaweekly.ru/s/news/202111251031-s9FR5.html>.

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Евразийская экономическая комиссия. Департамент статистики // https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/analytics/

Иванов С. К итогам саммита Организации тюркских государств // Международная жизнь. 2022. 14 нояб. / <https://interaffairs.ru/news/show/37800>

История, сегодня и планы на будущее — интервью с Генеральным секретарем Организации тюркских государств // <https://kun.uz/uz/news/2021/12/21/tarix-bugun-va-kelgusi-rejalar-turkiy-davlatlar-tashkiloti-bosh-kotibi-bilan-suhbat>.

Крек Н. Тюркская история и геополитические амбиции Анкары – что между ними общего? // <https://www.ritmeurasia.org/news-2022-08-12-tjurkskaja-istorija-i-geopoliticheskie-ambicii-ankary-chto-mezhdu-nimi-obschego-61414>.

МВФ // <https://www.imf.org/>

Международный фонд тюркской культуры и наследия // <https://www.trend.az/tags/45715/>.

Мусеибов М., Алиева Е. География Тюркского Мира. Баку, 2004. 110 С.

Нахичеванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (г. Нахичевань, 3 октября 2009 года) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30486433&pos=4;-106#pos=4;-106

Озимко К. Геополитические амбиции Турции в Средней Азии. Как пантюркизм сопрягается с евразийской интерпретацией // <https://www.sonar2050.org/publications/geopoliticheskie-ambicii-turcii-v-sredney-azii/>

Организация тюркских государств. Официальный сайт // <https://turkicstates.org/>

Распоряжение ЕЭК в соответствии с Распоряжением Евразийского межправительственного совета от 1 февраля 2019 года №3 «О макроэкономической ситуации в государствах – членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития»

Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 года № 18 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2017 год» // <https://docs.eaeunion.org/ru-ru>.

Савельев А. Получится ли у Эрдогана Великий Туран? Согласно ли с этим Россия? // Регнум. 2022. 26 мая // <https://regnum.ru/news/polit/3602083.html>.

Семенов К. Турция не планирует создавать тюркскую армию // ИАЦ. 2022. 19 окт. / <https://ia-centr.ru/experts/kirill-semenov/turtsiya-ne-planiruet-sozdavat-tyurkskuyu-armiyu/>

Союз тюркских университетов // https://www.turkkon.org/en/isbirligi-alanlari/education_4/turkic-university-union_14.

Токаев ратифицировал соглашение об условиях размещения Тюркской академии в Казахстане // <https://informburo-kz.turbopages.org/informburo.kz/s/novosti/tokaev-ratificiroval-soglashenie-ob-usloviyah-razmesheniya-tyurkskoj-akademii-v-kazahstane>.

Томар Д. Исторический поворотный момент: «Концепция тюркского мира до 2040 года» // Turkish Forum. 2021. 19 нояб. // <https://www.turkishnews.com/ru/content/2021/11/19/исторический-поворотный-момент-кон/>

Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA) // <https://www.turkkon.org/en>.

Турция является одним из наиболее приоритетных торгово-экономических и инвестиционных партнеров Казахстана // <https://dknews.kz/ru/ekonomika/277835-turciya-yavlyatsya-odnim-iz-naibolee-prioritetnyh>

Тюркские страны создали новые механизмы для роста товарооборота // [https:// www.aa.com.tr/ru5](https://www.aa.com.tr/ru5).

Тюркский деловой совет // https://www.turkkon.org/en/isbirligi-alanlari/economic-cooperation_2/turkic-business-council-and-business-forums_9.

Тюркское НАТО станет проблемой для России и Китая // <https://rosbalt-ru.turbopages.org/rosbalt-ru/s/world/2021/11/23/1932327.html>.

ТЮРКСОЙ — 30 лет: итоги и перспективы // <https://dknews.kz/ru/politika/286994-tyurksoid-30-let-itogi-i-perspektivy>

Хаджиева Г.У. Потенциал и противоречия тюркской экономической интеграции // Вестник университета Туран. 2014. № 4 (64). С. 51–56.

Чекрызов А. Организация тюркских государств — не для всех тюркских государств // Stan Radar. 2022. 14 авг. / <https://stanradar.com/news/full/50242-aleksej-chekryzhov-organizatsiya-tjurkskih-gosudarstv-ne-dlja-vseh-tjurkskih-gosudarstv.html>.

Чем России грозит создаваемый Анкарой «Союз тюркских государств»? // <https://news.rambler.ru/troops/47113017-chem-rossii-grozit-sozdavaemyy-ankaroy-soyuz-tyurkskih-gosudarstv/?ysclid=l9lgxp73h0270309235>

Чжан Юйянь. Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2023. № 1. С. 77–87.

Экономическое сотрудничество России со странами Латинской Америки в контексте мирохозяйственных трансформаций

Яковлев П.П.

Яковлев Пётр Павлович — д.э.н., главный научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, главный научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН, профессор кафедры международного бизнеса РЭУ им. Г.В. Плеханова.

SPIN-RSCI: 3157-7807

ORCID: 0000-0003-0751-8278

ResearcherID: S-4487-2017

Scopus AuthorID: 57192271700

Для цитирования: Яковлев П.П. Экономическое сотрудничество России со странами Латинской Америки в контексте мирохозяйственных трансформаций // Современная мировая экономика. Том 1. 2023. № 2(2).

Ключевые слова: Россия и Латинская Америка в глобальной экономике, российско-латиноамериканская торговля, российский бизнес на латиноамериканских рынках в новых условиях.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного грант-проекта № 22-28-01298 «Продвижение российской продукции высоких переделов на рынки стран Латинской Америки: возможности и риски постковидного периода».

Аннотация

Финансово-экономический и торговый разрыв Российской Федерации с Западом должен стимулировать активность отечественного бизнеса на латиноамериканском направлении в русле общего внешнеэкономического разворота на Глобальный Юг. Задача интенсификации связей с Латинской Америкой (или Латино-Карибской Америкой — ЛКА) стоит в повестке дня, но небывалая острота конфликта между Россией и Западом вызвала разнородные последствия, в ряде случаев сузила коридор возможностей по наращиванию хозяйственных обменов РФ с государствами ЛКА. Суть проблемы в том, что введенные Западом системные торговые и финансовые рестрикции привели к разбалансировке международных сырьевых

и продовольственных рынков, нарушили логистические цепочки и в некоторых областях поставили Россию и страны Латинской Америки в затруднительное торгово-экономическое положение. Вместе с тем, по мнению автора, и в этой кризисной ситуации есть место не только для сохранения достигнутого уровня российско-латиноамериканского сотрудничества, но и для наращивания взаимовыгодных торгово-экономических связей в новых технологических отраслях.

Формирование актуальной повестки развития российско-латиноамериканских деловых отношений на этапе глобальных трансформаций и в условиях международной турбулентности предполагает ответ на два сущностных вопроса. Первый: есть ли у России реальные возможности продвинуть свои экономические интересы в Латинской Америке? И второй: надо ли этим сейчас заниматься, учитывая ее непростое геополитическое положение и переходное состояние российской экономики, которая должна радикально перестроиться и по-новому вписаться в систему мирохозяйственных связей?

На второй вопрос ответ может быть только утвердительным, поскольку без эффективных отношений с латиноамериканскими государствами, представляющими собой крупный сегмент мировой экономики и торговли, Российская Федерация не будет обладать полноценной международной торгово-экономической субъектностью. В частности потому, что на пространстве Глобального Юга, частью которого является ЛКА, этот регион наиболее цивилизационно близок и понятен россиянам в культурном отношении, его народы говорят на сравнительно знакомых иностранных языках. Кроме того, в ряде латиноамериканских стран живет немало российских соотечественников — потомков нескольких волн эмиграции. Все это в потенциале облегчает налаживание деловых связей.

Ответ на первый вопрос более сложный, требующий комплексного анализа тенденций развития стран Латинской Америки, их позиционирования в динамично меняющейся системе мирохозяйственных связей и — самое главное — четкого представления о том, какие из складывающихся в регионе макроэкономических трендов коррелируют с российскими интересами и возможностями и могут быть использованы для укрепления позиций России на внешнем контуре. По сути, такая задача поставлена в новой Концепции внешней политики РФ, в которой выражено намерение России наращивать отношения с латиноамериканскими государствами «на прагматичной, деидеологизированной и взаимовыгодной основе, уделяя приоритетное внимание увеличению объемов взаимной торговли и развитию других форм экономического сотрудничества» (Концепция 2023).

Российско-латиноамериканское взаимодействие: достигнутые результаты и упущенные возможности

Распад СССР вызвал длительный период безвременья в отношениях России с Латинской Америкой. Были свернуты или поставлены на паузу торгово-экономические

связи даже с самыми близкими партнерами, включая многолетнего ключевого стратегического союзника Москвы — Республику Кубу. И только в первом десятилетии XXI в. сотрудничество с латиноамериканским регионом вернулось в повестку отечественной дипломатии, заняло в ней самостоятельное место, стало «самоценным направлением внешней политики» Москвы (Щетинин 2019: 42). Более того, межгосударственные отношения России с целым рядом латиноамериканских стран (Аргентиной, Бразилией, Боливией, Венесуэлой и др.) стали динамично расширяться и вышли на уровень стратегического партнерства, что в регионе и за его пределами было воспринято в качестве одного из весомых свидетельств обретения российским государством глобального политико-экономического веса (Давыдов 2016).

Именно в течение первых полутора десятилетий текущего столетия объем российско-латиноамериканской торговли рос максимальными темпами и увеличился с 6,6 млрд долл. в 2003 г. до 17,6 млрд долл. в 2014 г., т. е. в 2,7 раза¹. Одновременно сложилась товарная структура экспорта и импорта, в значительной степени сохранившаяся до настоящего времени. Главными статьями российского вывоза в регион стали сельскохозяйственные удобрения и минеральное топливо (нефть и нефтепродукты), на долю которых в 2014 г. пришлось 63,9% всех поставок в регион. В импорте РФ основное место заняли мясные продукты, фрукты (прежде всего бананы) и масличные культуры. Эти три группы товаров составили в 2014 г. 63,8% всех закупок в ЛКА. Тем самым, и российский экспорт в Латинскую Америку, и импорт из региона являлись низко диверсифицированными и зависели от нескольких видов сырья и продовольствия (см. таблицу 1 на с. 114).

Таблица 1. Динамика и товарная структура торговли РФ с ЛКА в 2003-2014 гг.
(млн долл.)

Код ТН ВЭД	Экспорт	2003 г.	Доля в %	2014 г.	Доля в %
	Всего	4183	100,0	9404	100,0
В том числе:					
31	Удобрения	791	18,9	3264	34,7
27	Минеральное топливо	2858	68,3	2743	29,2
72	Черные металлы	178	4,3	797	8,5
76	Алюминий и изделия из него	33	0,8	516	5,5
40	Резина и изделия из нее	21	0,5	206	2,2
	Топ-5 экспортных товаров	3881	92,8	7526	80,1
Код ТН ВЭД	Импорт	2003 г.	Доля в %	2014 г.	Доля в %
	Всего	2419	100,0	8204	100,0
В том числе:					
02	Мясо и мясные субпродукты	640	26,5	3507	42,8

¹ Поскольку внешнеторговая статистика РФ с 2022 г. «закрыта», то автор использует «зеркальные» данные латиноамериканских стран, приводимые International Trade Center (ITC). Эти данные могут несколько отличаться от существующих российских оценок, но не меняют общей картины.

Код ТН ВЭД	Импорт	2003 г.	Доля в %	2014 г.	Доля в %
	Всего	2419	100,0	8204	100,0
08	Фрукты и орехи	367	15,2	925	11,3
12	Масличные семена и плоды	-	-	795	9,7
17	Сахар и изделия из сахара	919	38,0	592	7,2
03	Рыба и ракообразные	13	0,5	473	5,8
	Топ-5 импортных товаров	1939	80,2	6292	76,8

Источник: ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between Russian Federation and Latin America and the Caribbean. // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

Данное обстоятельство стало своего рода «фирменным знаком» российско-латиноамериканской торговли, в последующие годы определившим ее неустойчивый, нестабильный характер, подверженный значительным конъюнктурным колебаниям. Особенно заметные перепады объемов взаимной торговли наблюдались в 2015–2021 гг. под влиянием повышенной волатильности мировых цен на основные товары российского и латиноамериканского экспорта (нефть и нефтепродукты, продовольствие, сельскохозяйственное сырье), а также разрушительных для международных торговых связей эффектов коронакризиса. В результате товарооборот между РФ и ЛКА в пандемийном 2020 году был на 43,2% ниже аналогичного показателя 2014 г. (соответственно, 10,6 и 17,6 млрд долл.) (Яковлев 2021).

Справедливости ради надо заметить, что восстановление докризисного объема российско-латиноамериканской торговли произошло достаточно быстро — уже в 2021 г., когда товарооборот вырос до близкого к максимальному показателю в 17,4 млрд долларов. При этом в отраслевой структуре товарооборота, по сравнению с серединой 2010-х годов, произошли некоторые подвижки. В российском экспорте повысился удельный вес сельскохозяйственных удобрений и черных металлов, и несколько снизилась доля нефти и нефтепродуктов, хотя в абсолютных значениях объем поставок в Латинскую Америку минерального топлива ощутимо возрос (в 2021 г. на 32,4% по сравнению с 2015 г.). Кроме того, впервые в истории торговых связей Россия в 2021 г. в сравнительно крупных объемах (на сумму свыше 340 млн долл.) экспортировала в латиноамериканские страны фармацевтические товары.

В свою очередь, некоторые трансформации имели место и в структуре поставок государств ЛКА на российский рынок. В частности, обращает на себя внимание резкое сокращение латиноамериканского экспорта в РФ мяса и мясопродуктов (в 2015–2021 гг. падение в 3,6 раза) и более чем трехкратный рост поставок автомобилей и автокомпонентов (со 105 до 359 млн долл.). Объемы экспорта в Россию других ключевых товаров стран Латинской Америки (фрукты, масличные культуры, рыбная продукция) не претерпели существенных изменений и практически сохранились на прежнем уровне (см. таблицу 2 на с. 116).

Таблица 2. Динамика и товарная структура торговли РФ с ЛКА в 2015-2021 гг.
(млн долл.)

Код ТН ВЭД	Экспорт	2015 г.	Доля в %	2021 г.	Доля в %
	Всего	7047	100,0	12303	100,0
В том числе:					
31	Удобрения	2415	34,3	5582	45,4
72	Черные металлы	559	7,9	2209	18,0
27	Минеральное топливо	1427	20,3	1889	15,4
76	Алюминий и изделия из него	656	9,3	496	4,0
30	Фармацевтические товары	-	-	343	2,8
	Топ-5 экспортных товаров	5057	71,8	10519	85,5
Код ТН ВЭД	Импорт	2015 г.	Доля в %	2021 г.	Доля в %
	Всего	5670	100,0	5139	100,0
В том числе:					
08	Фрукты и орехи	874	15,4	1083	21,1
12	Масличные семена и плоды	666	11,8	608	11,8
03	Рыба и ракообразные	359	6,3	570	11,1
02	Мясо и мясные субпродукты	1959	34,6	537	10,5
87	Автомобили и запчасти к ним	105	1,9	359	7,0
	Топ-5 импортных товаров	3963	70,0	3157	61,5

Источник: ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between Russian Federation and Latin America and the Caribbean. // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

Все отмеченные перемены в товарной структуре российско-латиноамериканской торговли имели под собой весомое макроэкономическое обоснование. В частности, рост экспорта в ЛКА сельхозудобрений был обусловлен быстрым развитием аграрного производства в ряде латиноамериканских стран во главе с Бразилией, которая в исторически короткие сроки заняла одно из ведущих мест в списке мировых экспортеров продовольственных товаров. Можно констатировать, что расширение воронки продаж российских калийных, азотных и смешанных удобрений (основные компании-экспортеры – «Еврохим», «Уралкалий», «ФосАгро») сыграло важную роль в превращении Бразилии в «сельскохозяйственную сверхдержаву» (Paulon Girardi 2022). В свою очередь, наращивание отечественного экспорта черных металлов диктовалось выросшими потребностями обрабатывающей промышленности отдельных стран ЛКА, прежде всего Мексики, а «прорыв» на латиноамериканский рынок российской фармацевтической продукции (главным образом, вакцины для борьбы с COVID-19) стал заметным вкладом в усилия государств региона по противодействию пандемии коронавируса.

Вместе с тем, динамичное наращивание в России собственного производства многих продуктов питания привело к радикальному сокращению импорта мясной продукции из Латинской Америки, но одновременно рост потребительского спроса на личный транспорт вызвал увеличение импорта автомобилей и автокомпонентов.

Негативным явлением для российской торговли с ЛКА стала своеобразная смена трендов: если в 2003–2014 гг. происходила (хоть и ограниченная) диверсификация российского экспорта в Латинскую Америку (доля топ-5 товаров снизилась с 92,8% до 80,1%), то в 2015–2021 гг. наблюдался обратный процесс — доля топ-5 экспортных товаров выросла с 71,8% до 85,5% (см. таблицы 1 и 2 на с. 114 и 116). Привлекает внимание и то тревожное обстоятельство, что в списке основных статей отечественного экспорта в латиноамериканские страны отсутствует промышленная продукция высоких переделов. Такое положение, как было показано в специальных исследованиях, объяснялось двумя главными факторами: относительно невысокой активностью в ЛКА в целом немногочисленных российских технологических компаний и нарастающей конкуренцией со стороны корпораций как традиционных экономических игроков на латиноамериканских рынках (США, Канады и Западной Европы), так и новых, особенно напористых бизнес-структур азиатских государств — Китая, Южной Кореи, Индии, Турции, агрессивно продвигающих в регион индустриальные изделия (Яковлев 2017).

Одним из доминантных игроков на латиноамериканском торгово-экономическом пространстве стал Китай. В 2001–2022 гг. товарооборот стран Латинской Америки с КНР вырос более чем в 30 (!) раз, тогда как аналогичный показатель для Евросоюза составил 3,4 раза, а для США — 3 раза. Соответственно, доля Китая во внешней торговле ЛКА резко увеличилась, а удельный вес США и ЕС заметно сократился (см. таблицу 3 на с. 117).

Таблица 3. Торговый оборот ЛКА с основными партнерами (млрд долл.)

Год	Всего		США		ЕС-27		Китай	
	Объем	Доля в %	Объем	Доля в %	Объем	Доля в %	Объем	Доля в %
2001	606	100,0	359	59,2	87	14,6	16	2,6
2010	1757	100,0	617	35,1	208	11,8	193	11,0
2020	1838	100,0	693	37,7	193	10,5	307	16,7
2021	2429	100,0	877	36,1	244	10,1	430	17,7
2022	2889	100,0	1059	36,7	291	10,1	484	16,8

Источник: ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between Latin America and Caribbean and China // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

При этом отметим, что рост торговли с Соединенными Штатами во многом произошел благодаря Мексике, с которой Вашингтон экономически тесно связан в рамках североамериканской интеграции и на которую приходится около

70% совокупного товарооборота США с ЛКА (в 2022 г. — 718 из 1059 млрд долл.). Что касается торговли США с другими латиноамериканскими государствами, то она либо росла сравнительно медленно, либо вообще топталась на месте. В результате для ряда стран региона, прежде всего Бразилии, Аргентины, Перу, Чили, Китай стал главным торговым партнером и, что особенно важно, основным покупателем их товаров. Например, в первой половине 2023 г. китайский рынок поглотил почти 38% чилийского экспорта, тогда как американский — 17% (Oferta exportable... 2023).

Но дело не только (и не столько) в резко возросших китайско-латиноамериканских торговых связях. Экспансия КНР приняла самые разнообразные формы, охватила все ключевые отрасли экономики ЛКА и опиралась на солидную финансовую базу. По имеющимся данным, в 2005–2021 гг. банки Китая предоставили правительствам государств региона займов на 139 млрд долл., что способствовало присоединению 21 страны Латинской Америки к инициативе «Один пояс, один путь». В рамках этой программы китайские компании осуществили многомиллиардные инвестиции в латиноамериканскую экономику (120 млрд долл. в 2013–2022 гг.) и на ряде приоритетных направлений ощутило потеснили конкурентов. Особый интерес корпорации КНР проявили к установлению контроля над технологически передовыми обрабатывающими производствами и получению доступа к энергетическим и сырьевым ресурсам региона. Достаточно привести такой пример: госкорпорация Power China на конец 2022 г. осуществляла свыше 50 проектов в 15 странах, включая строительство крупнейших в Латинской Америке ветряных и солнечных электростанций (What does China... 2023).

Огромный масштаб и широкая отраслевая диверсификация деятельности в ЛКА позволяют утверждать, что китайский бизнес стал мощным внутренним фактором развития латиноамериканской экономики.

В отличие от китайско-латиноамериканского взаимодействия, узким местом экономического взаимодействия России с Латинской Америкой являлся низкий уровень прямых инвестиций, реальный объем которых в силу многих причин, включая фрагментарность, противоречивость и «закрытость» имеющейся статистики, не поддается сколько-нибудь точной оценке. Данное обстоятельство акцентирует значимость научной аналитики, применяющей оригинальные и оправдавшие себя исследовательские методики, позволяющие максимально близко приблизиться к пониманию реального состояния дел в сфере зарубежного инвестирования российских предприятий (Кузнецов 2018).

Отсутствие масштабных капиталовложений отечественного бизнеса в ЛКА было и остается одним из ключевых препятствий на пути расширения российско-латиноамериканского экономического сотрудничества, практической реализации целей и задач заявленного стратегического партнерства. Эта проблема была глубоко изучена в работах А.В. Кузнецова, содержание которых позволяет сформулировать ряд магистральных тезисов, объясняющих отсутствие в регионе крупных российских производственных инвестиций (Кузнецов 2022).

Во-первых, отрицательную роль сыграл тот факт, что Латинская Америка не стала хозяйственным пространством, на котором развернули свою деятельность,

включая приобретение крупных промышленных или добывающих активов, большинство ведущих российских ТНК. Этим регион отличался от Европы, США и даже Африки.

Во-вторых, практически все имевшиеся в ЛКА инвестиционные проекты российских компаний носили «очаговый характер» и были слабо связаны с фундаментальными задачами модернизации латиноамериканских экономик, а потому не получали должной поддержки со стороны государственных органов и местного бизнес-сообщества.

В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов уже упомянутую острую конкуренцию на рынках Латинской Америки, которая из-за повышенного числа участников и по своему накалу выделялась на фоне других районов Глобального Юга. Примером может служить проигранное российским бизнесом (и, заметим в скобках, компаниями США) соперничество с китайскими корпорациями за подряд на строительство в Аргентине АЭС Atucha III стоимостью 8,3 млрд долларов (Penelli 2023).

Действие этого и ряда других факторов привели к сужению диапазона российско-латиноамериканского хозяйственного взаимодействия, к ситуации, когда почти единственным синтетическим индикатором динамики делового сотрудничества бизнес-сообществ РФ и ЛКА явилось изменение объема товарооборота. С этим багажом Россия и Латинская Америка подошли к началу глубоких трансформационных изменений в мировой экономике и международной торговле, напрямую затронувших (хотя и в различной модальности) не только российские, но и латиноамериканские интересы.

Латинская Америка и узлы геоэкономического напряжения

Выход из коронакризиса в 2021 г. и геоэкономические потрясения 2022-го явились точками отсчета нового мирохозяйственного времени. В Латинской Америке этот период отмечен перезагрузкой экономической модели и формированием секторов опережающего роста. Не претендуя на исчерпывающую полноту анализа, выделим несколько ключевых мегатрендов развития, ставших ответом на узлы (точки) макроэкономического напряжения государств латиноамериканского региона и представляющих определенную схожесть с процессами в Российской Федерации, но главное — составляющих торгово-экономическую значимость для нее.

К основным «узлам напряжения», «распутать» которые является стратегической задачей государств Латинской Америки, можно, на наш взгляд, отнести следующие региональные явления и тенденции:

Прежде всего, характерные для ЛКА и РФ низкие темпы экономического роста, которые в период с 2005 г. почти всегда уступали среднемировым показателям и особенно динамике прироста ВВП в развивающихся странах Азии. В 2015–2023 гг. это отставание стало, без преувеличения, разительным (см. таблицу 4 на с. 120). Отсюда — одна из главных макроэкономических задач Латинской Америки и России, сводящаяся к радикальному ускорению хозяйственного развития, количественному наращиванию «национального экономического веса».

Таблица 4. Динамика прироста ВВП (изменение в %)

Регион, страна	2005–2014	2015–2019	2020	2021	2022	2023	2024
Мир в целом	3,9	3,4	-2,8	6,3	3,4	2,8	3,0
Развитые страны	1,5	2,1	-4,2	5,4	2,7	1,3	1,4
Развивающиеся страны	6,1	4,4	-1,8	6,9	4,0	3,9	4,2
В том числе:							
Азия	8,3	6,4	-0,5	7,5	4,4	5,3	5,1
Африка к югу от Сахары	5,5	2,8	-1,7	4,8	3,9	3,6	4,2
Ближний Восток	4,5	2,8	-2,7	4,6	5,3	2,9	3,5
Латинская Америка	3,5	0,8	-6,8	7,0	4,0	1,6	2,2
Европа	3,7	2,6	-1,6	7,3	0,8	1,2	2,5
Российская Федерация	3,6	1,0	-2,7	5,6	-2,1	0,7	1,3

Источник: IMF. 2023. World Economic Outlook: A Rocky Recovery. Washington, DC: International Monetary Fund, Publication Services, April 2023. P. 142, 146. (2023 и 2024 гг. – прогноз).

Еще более остро стоит вопрос качественного улучшения хозяйственных систем на основе структурной и технологической модернизации в контексте разворачивающихся геοэкономических трансформаций, часть которых продуцируют негативные эффекты, акцентируют присущие латиноамериканской экономике проблемы и требуют максимальной мобилизации имеющихся у стран региона ресурсов.

В числе прочего, наблюдается повышенная волатильность мировых цен на сырье и продовольствие, а в целом происходит разбалансировка внешнеэкономической конъюнктуры, которую подпитывают разного рода протекционистские и санкционные действия западных стран. Например, Буэнос-Айрес добивается в ВТО снятия дискриминационных (по сути, запретительных) таможенных тарифов, установленных Вашингтоном на аргентинские стальные трубы в размере около 80% (Argentina presentó... 2023). К этому следует добавить разрывы в глобальных цепочках добавленной стоимости и перебои в функционировании традиционных логистических путей, в частности в торговле с Россией. В этой связи латиноамериканские эксперты указывают на фрагментацию единого организма мировой экономики и подчеркивают важность для стран региона развития деловых отношений на принципах nearshoring (сотрудничества с соседними странами) и friendshoring (взаимодействия с дружественными государствами), что коррелирует с позицией Москвы (Cabrera Fuster 2023).

Заметим, что в ЛКА экономическое взаимодействие на принципах nearshoring принимает самые разные формы и охватывает практически все ключевые отрасли хозяйства, включая исключительно важную энергетическую инфраструктуру. Пример — соглашение Перу и Эквадора о совместном строительстве межнациональной высоковольтной линии электропередач протяженностью 550 км, которая позволит

более рационально использовать энергетические ресурсы двух стран и усилит их хозяйственную связанность (Ecuador y Peru... 2023).

Активный курс на развитие внешнеэкономических связей в духе *nearshoring* (с латиноамериканскими странами) и *friendshoring* (с внерегиональными государствами Глобального Юга) демонстрирует Бразилия после возвращения на пост президента Луиса Инасиу Лулы да Силвы (1 января 2023 г.). Его политика развивается одновременно на нескольких направлениях: реанимация утративших эффективность латиноамериканских интеграционных объединений, прежде всего МЕРКОСУР (Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай); заключение с Мексикой «амбициозного» Соглашения о свободе торговли, вступление которого в силу будет означать решительный шаг по сближению двух крупнейших экономик ЛКА (их совокупный ВВП превышает 3,7 трлн долл.); переговоры с Индонезией и Вьетнамом о подписании Договора об интегрированной экономической ассоциации (Gobierno de Brasil... 2023).

Существенный новый элемент современной интеграционной политики стран Латинской Америки — все более деятельное участие в нем местных латиноамериканских ТНК, так называемых мультилатинас, число которых за последние десятилетия резко возросло, равно как и их роль в экономике ЛКА. Стало обычным явлением, когда, например, бразильская, колумбийская или перуанская ТНК выходит на рынки соседних стран, реализуя там значительную часть своей продукции и создавая производственные активы. Например, мексиканский промышленный конгломерат Alfa Group прочно обосновался в Аргентине, Бразилии, Перу, Чили, Эквадоре, Доминиканской Республике и пяти странах Центральной Америки. Фактор мультилатинас, по определению международных экспертов, превратился в одну из основных несущих конструкций латиноамериканской интеграции на нынешнем этапе ее эволюции (Duarte, Arvizu, Arriagada 2022).

Пример попытки выстроить сотрудничество на принципах *friendshoring* — итоги поездки президента Ирана Эбрахима Раиси в Венесуэлу, Никарагуа и на Кубу в середине июня 2023 года. В Каракасе иранский лидер подписал 25 соглашений о взаимодействии в таких ключевых секторах экономики, как нефтедобыча и нефтепереработка, нефтехимия, добыча природного газа, сельское хозяйство, внешняя торговля. Их реализация, по утверждениям Э. Раиси и Николаса Мадуро, позволит увеличить венесуэльско-иранский товарооборот с 3 млрд долл. в 2023 г. до 10 млрд в «ближайшем будущем». Подчеркивая «особый характер» сотрудничества между Тегераном и Каракасом, Э. Раиси заявил, что эти две страны Глобального Юга являются «друзьями в трудные времена» и их «объединяют не обычные дипломатические отношения, а стратегические интересы» (Venezuela... 2023).

Еще один «узел макроэкономического напряжения» образовался в энергетическом сегменте мирового хозяйства на этапе его трансформации, особенно в условиях конфронтации России с Западом.

Латинская Америка занимает уникальное место на глобальной энергетической карте в силу ряда значимых обстоятельств. Во-первых, это регион, традиционно обладающий значительными запасами углеводородов (в разные годы в число крупнейших нефтедобывающих стран входили Венесуэла и Мексика). В настоящее

время наиболее интенсивно наращивают производство Аргентина — на одном из крупнейших в мире месторождений неконвенциональных (сланцевых) нефти и газа Vaca Muerta («Дохлая корова»), а также Бразилия, Гайана и Суринам — на морском шельфе. В частности, объем добычи нефти на Vaca Muerta в 2030 г. должен превысить 1 млн баррелей в сутки (Rystad Energy 2023), а открытые в 2022–2023 гг. у бразильских берегов сверхглубокие подсолевые залежи нефти и газа (порядка 4,5 млрд баррелей в нефтяном эквиваленте) сравнимы с новыми месторождениями Катара и Саудовской Аравии (Lula's ambitious... 2023).

Печатающийся прорыв в нефтедобыче совершила Гайана — новое petrostate. Здесь производство «черного золота» должно в 2028 г. составить 1,2 млн баррелей в сутки (1,1% глобального показателя), что обеспечит этой южноамериканской стране с населением 800 тыс. человек первое место в мире по добыче нефти на душу населения. Как писал британский еженедельник The Economist, такая перспектива покончила с ситуацией, когда «иностранцы лидеры с трудом находили Гайану на географической карте», доказательством чему стал визит в Джорджтаун в начале июля 2023 г. государственного секретаря США Энтони Блинкена (Latin America... 2023).

Одновременно, отвечая на вызовы геоэкономических трансформаций, страны региона демонстрируют повышенный интерес к возобновляемым и альтернативным источникам энергии. Уже к началу третьего десятилетия XXI в. на долю возобновляемых носителей в ЛКА приходилось более 33% производства первичной энергии, тогда как в среднем в мире этот показатель составлял только 13%. В настоящее время курс на приоритетное развитие «чистой» энергетики сохраняется: в 2022 г. мощности электрогенерации в регионе выросли на 23,6 ГВт, из которых на долю возобновляемых источников (ветровых, солнечных, фотоэлектрических, биомассы и т. д.) пришелся 81% (Panorama energético... 2022: 9).

При этом ряд стран Латинской Америки, в первую очередь Чили, видят будущее своей энергетики в контексте форсированного освоения производства зеленого водорода. Используя крайне благоприятные природные условия центральных и южных районов Чили (экстремально высокие температуры в пустыне Атакама и постоянные сильные ветры на юге), политический истеблишмент и бизнес-сообщество этой страны рассматривают выпуск и экспорт зеленого водорода в качестве одного из магистральных направлений развития не только энергетического сектора, но всей чилийской экономики. По существу, речь идет о формировании новой хозяйственной отрасли, ориентированной на удовлетворение растущего мирового спроса. С этой целью чилийские власти поощряют частно-государственное партнерство в «зеленой энергетике», привлекают в нее иностранные инвестиции и добились выделения от Межамериканского банка развития (МАБР) кредитной линии в размере 1 млрд долларов (BID 2023).

Прогресс в энергетической сфере стран ЛКА структурно сопряжен с эффектами очередного сырьевого ралли — ростом международного спроса на ряд товаров горнодобывающей отрасли, прежде всего лития («белого золота»), котировки которого в последние годы характеризуются выраженным бычьим трендом. Объяснение этому явлению простое: литий критически необходим для бурно растущего про-

изводства многих инновационных товаров — от мобильных гаджетов до электромобилей. Имея в виду тот факт, что (по оценкам) порядка 55–60% мировых запасов «белого золота» сконцентрировано в так называемом «литиевом треугольнике» — соседних территориях Аргентины, Боливии и Чили, *The Economist* отмечал, что в глобальной экономике «без латиноамериканского лития зеленая революция заглохнет» (*The green revolution...* 2023).

В ЛКА, без всякого преувеличения, началась настоящая «гонка за литием», в которую вовлекаются всё новые и новые государства-участники, включая и регионального «тяжеловеса» — Бразилию. Как заявил в июне 2023 г. бразильский министр горнодобывающей промышленности и энергетики Алешандре Силвейра, страна не только располагает крупными месторождениями «белого золота», но также научно-техническим и промышленным потенциалом для масштабного производства и экспорта литий-ионных батарей (*Xinhua Español* 2023).

Наконец, тугой «узел глобального геоэкономического и геополитического напряжения» образовался вокруг проблемы обеспечения мировой продовольственной безопасности. В числе ее главных гарантов — Россия и Латинская Америка. В 2021 г. Россия, Бразилия, Аргентина и Мексика экспортировали продовольственных товаров на 231 млрд долларов. Только РФ до введения санкций вывозила продовольствие в 160 стран мира (Топ-20 мировых экспортеров...).

Есть веские основания полагать, что роль стран ЛКА как критически важных производителей и экспортеров продовольствия будет возрастать. На это указывает, в частности, тот факт, что в 2023 г. в Бразилии, по оценке Бразильского института географии и статистики, ожидается рекордный урожай сельскохозяйственных культур – 305,4 млн т (в 2022 г. сбор составил 263,3 млн т), из которых почти 96% приходится на сою (148,2 млн т), кукурузу (122,8 млн т), пшеницу (10,6 млн т) и рис (10,1 млн т) (*IBGE* 2023).

Но речь идет не только о Бразилии. В число заметных экспортеров аграрной продукции (наряду с традиционными игроками — Аргентиной, Мексикой, Уругваем) вовлекаются всё новые латиноамериканские страны — Парагвай, Перу, Чили, Эквадор, государства Центральной Америки. В результате, по данным президента МАБР Илана Голдфайна, производимого в ЛКА продовольствия достаточно, чтобы кормить 1,3 млрд человек, вдвое больше населения самой Латинской Америки (*Goldfajn* 2023).

Важно подчеркнуть, что продвижение вперед в ключевых отраслях экономики ЛКА, продукция которых пользуется повышенным спросом на мировых рынках, неразрывно связано с цифровизацией всех сторон хозяйственной деятельности, широким внедрением информационно-коммуникационных технологий и инструментов. Во многом благодаря этому в контексте происходящих мирохозяйственных трансформаций у государств Латинской Америки расширяются возможности технологического обновления и цифровой модернизации национальных экономических систем. Причем, как показывает пример энергетики, деловые и руководящие круги региона склонны действовать комплексно: параллельно укреплять сферу традиционных энергоносителей (нефти и природного газа) и развивать альтернативные источники энергии (Яковлев 2022).

Все эти приметы нового экономического времени не остались незамеченными, и Латинская Америка все чаще воспринимается не как «больной участник» мировой экономики, а как действующее лицо в процессе решения приоритетных глобальных проблем.

Свидетельством повышения интереса к региону со стороны мирового бизнеса явилось резкое (на 55,2%) увеличение притока прямых иностранных инвестиций со 145 млрд долл. в 2021 г. до рекордных 224,6 млрд долл. в 2022 г. При этом главными бенефициарами стали: Бразилия — рост с 46,4 до 91,5 млрд долл., Мексика — с 33,5 до 38,9 млрд долл., Чили — с 15,9 до 20,9 млрд долл., Колумбия — с 9,6 до 16,9 млрд долл., Аргентина — с 6,9 до 15,4 млрд долл. и Перу — с 7,4 до 10,9 млрд долл. (см. таблицу 5 на с. 124).

Таблица 5. Прямые иностранные инвестиции в Латинской Америке (млрд долл.)

Регион, страна	2019	2020	2021	2022	(прирост в %)
ЛКА	158,2	103,8	145,0	224,6	55,2
Аргентина	6,7	4,9	6,9	15,4	123,2
Бразилия	69,2	37,8	46,4	91,5	97,0
Гайана	1,7	2,1	4,5	4,4	-1,5
Колумбия	14,0	7,5	9,6	16,9	76,4
Коста-Рика	2,7	2,1	3,6	3,7	2,2
Мексика	29,9	31,5	33,5	38,9	16,2
Панама	4,5	-2,5	1,8	2,5	42,7
Перу	4,8	0,8	7,4	10,9	48,2
Уругвай	1,5	0,5	3,7	9,3	155,0
Чили	13,6	11,5	15,9	20,9	31,0
10 стран региона	148,6	96,2	133,3	214,4	60,8
Доля 10 стран (%)	93,9	92,7	91,9	95,5	101,9

Источник: CEPAL. La inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe, 2023. Santiago: Naciones Unidas, 2023. P. 27–28.

Тем самым капиталовложения в Латинской Америке из-за рубежа явно находятся в антитренде по отношению к кризисным геоэкономическим процессам и отражают как заинтересованность глобальных ТНК в сырьевом потенциале ЛКА, так и их уверенность в продолжении в ведущих латиноамериканских странах курса на модернизацию на основе цифрового форсажа.

Вектор перемен и ламинарный режим делового партнерства

Сложившаяся в первые десятилетия XXI в. российско-латиноамериканская торгово-экономическая парадигма в 2022 г. начала ощутимо меняться и существенно осложнилась в силу отмеченных выше фундаментальных факторов: эффекта ми-

рохозяйственных трансформаций, перехода латиноамериканской экономики на новые технологические рельсы и рестриктивной политики коллективного Запада в отношении России.

Не имеющие аналогов по своему охвату антироссийские финансово-экономические, технологические и торговые санкции западных государств применительно к деловым отношениям РФ с Латинской Америкой породили три группы проблем.

Во-первых, была нарушена нормальная логистика торговых операций. Львиная доля российско-латиноамериканской торговли традиционно осуществляется морским транспортом, но значительная часть обычных логистических маршрутов пострадала под ударами санкций. Перевозить российские грузы отказались крупнейшие морские судоходные компании, включая швейцарско-итальянскую MSC, датскую Maersk, французскую CMA CGM Group, германскую Hapag-Lloyd. Кроме того, российские грузы и грузы для России стали бойкотировать многие европейские порты, где нередко совершалась перевалка товаров, идущих из латиноамериканских стран. Под санкции попала и собственно российская транспортная инфраструктура, например, Новороссийский морской торговый порт. В результате многие логистические цепочки, связывавшие Россию с Латинской Америкой, оказались разорваны (Грамматчиков 2022).

Во-вторых, латиноамериканским предприятиям пришлось учитывать угрозу применения так называемых вторичных санкций США — наказаний за нарушение (или обход) установленных санкционных режимов. Опасаясь такого развития событий, ряд ведущих латиноамериканских компаний, работавших в России, приостановили свою деятельность. В частности, уже в начале марта 2022 г. об уходе с российского рынка объявила мексиканская фирма Nemark — крупный производитель автокомпонентов, а бразильская авиастроительная корпорация Embraer выступила с заявлением о прекращении поставок в РФ запчастей к своим самолетам и остановке их технического обслуживания. Последнее решение ощутимо затронуло интересы авиакомпании S7, парк которой насчитывал 17 бразильских авиалайнеров (*Embraer acata las sanciones...*).

По мере того, как санкционный маховик будет раскручиваться, что пока представляется весьма вероятным, число компаний стран Латинской Америки, избегающих или сокращающих деловые контакты с российским бизнесом, может возрастать.

В-третьих, государства региона испытали (и продолжают испытывать) сильное политическое давление со стороны США и Евросоюза, требующих присоединения ЛКА к антироссийским санкциям и оказания военной помощи Украине. Например, речь идет о передаче Киеву сотен немецких танков «Леопард», имеющихся у Бразилии и Чили, а также российских систем вооружения, закупленных рядом латиноамериканских стран. Как писала газета «*Político*», коллективный Запад «вступил в борьбу за то, чтобы направить сердца и умы латиноамериканцев против России». И далее констатировала: «К сожалению для европейцев, Латинская Америка придерживается другой точки зрения» (*Político... 2023*).

Но это пока. Западный политический и экономический нажим на регион нарастает. В числе характерных примеров — недельная поездка по четырем латиноа-

американским странам (Ямайка, Чили, Колумбия и Бразилия) министра иностранных дел Великобритании во второй половине мая и визит в Аргентину, Бразилию и Мексику председателя Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен в первой половине июня 2023 года. Акценты, сделанные высокопоставленными европейскими чиновниками в ходе их переговоров с латиноамериканскими лидерами, полностью совпали.

Выступая в Чили, глава Форин-Офиса отметил, что «тектонические плиты мировой политики вновь пришли в движение», и признал необходимость обеспечить Латинской Америке более «громкий голос» на международной арене. В прагматическом плане Д. Клеверли подчеркнул глобальную экономическую значимость «литиевого треугольника» и выделил ту роль, которую играет австралийско-британский горно-металлургический концерн Rio Tinto, инвестировавший в указанном районе 1 млрд долларов. Эти капиталовложения, утверждал дипломат, обеспечат ежегодную добычу 100 тыс. т лития (Cleverly 2023).

Крупную финансово-экономическую сделку странам Латинской Америки предложила У. фон дер Ляйен. Выступая с программными заявлениями на пресс-конференциях в Бразилиа и Мехико и на деловом форуме в Буэнос-Айресе, председатель Еврокомиссии дала обещание инвестировать в ЛКА 10 млрд евро в рамках выдвинутой Брюсселем 1 декабря 2021 г. международной инициативы Global Gateway («Глобальный шлюз»). По словам У. фон дер Ляйен, эта финансовая инъекция послужит сигналом для частных европейских инвесторов и отдельных стран — членов ЕС значительно увеличить капиталовложения в отрасли, приоритетные для зеленого энергоперехода: альтернативная энергетика, добыча лития, меди и редкоземельных металлов, производство зеленого водорода (European Commission. Global Gateway... 2023).

Обращает на себя внимание упоминание редкоземельных металлов. В Латинской Америке это — новое направление горной добычи, представляющее для Евросоюза стратегический интерес, поскольку до настоящего времени 98% этого сырья европейские страны получают из Китая. Такая зависимость от Пекина не устраивает Брюссель, который лихорадочно ищет альтернативных поставщиков. В этой связи проект производства концентратов лантаноидов M dulo Penco, который реализует в Чили перуанская бизнес-группа Hochschild, может оказаться для ЕС как нельзя кстати. Не случайно заинтересованные европейские компании прорабатывают идею создания межрегиональной цепочки добавленной стоимости — от разведки, добычи и переработки редкоземельных металлов в ЛКА до транспортировки концентратов на европейские заводы, выпускающие батареи для электромобилей (Tierras raras... 2023).

Повышением ставок в отношениях Европейского союза с Латинской Америкой был отмечен прошедший в Брюсселе 17–18 июля 2023 г. (после восьмилетнего перерыва) третий саммит ЕС—СЕЛАК². На этой встрече в верхах У. фон дер Ляйен от имени руководства Евросоюза представила программу европейских инвестиций

² СЕЛАК – Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Региональная межправительственная организация, созданная в 2010 г. и объединяющая все 33 независимые государства ЛКА.

в ЛКА в объеме 45 млрд евро на период до 2027 г. с упором на такие экономические сектора, как зеленый энергопереход, цифровая трансформация и добыча «критически важных сырьевых ресурсов», в первую очередь лития (European Commission. Commission presents Global Gateway... 2023).

По существу, фундаментальной задачей Брюсселя на латиноамериканском направлении становится курс на достижение своего рода нового издания глобализации — сопряжения ресурсных и технологических потенциалов стран ЕС и ЛКА в единой экономической системе.

Другая стратегическая цель коллективного Запада — ослабить позиции российского бизнеса в регионе. Причем эта стратегия не исключает и прямых «силовых» методов вытеснения отечественных компаний с рынков ЛКА. Парадигмальный пример — отказ канадской корпорации Alpha Lithium от ранее достигнутой договоренности с одной из структур «Росатома» о совместной разработке литиевого месторождения в Аргентине (Яковлев 2023: 16). Есть веские основания полагать, что отечественные компании в Латинской Америке еще неоднократно столкнутся с разного рода «запретительными» акциями.

Но не все так однозначно. Большинство латиноамериканских партнеров РФ не смирились с перспективой свертывания деловых связей с Россией и (вместе с российскими коллегами) стали искать альтернативные способы и маршруты доставки экспортных и импортных товаров. Например, с помощью перевозчиков из Китая, ОАЭ и Южной Кореи, которые заинтересованы в расширении своего присутствия на рынке транспортных услуг.

В итоге при всех отмеченных сложностях в 2022 г. российско-латиноамериканская торговля выдержала испытание санкциями: ее объем в денежном выражении практически не уменьшился по сравнению с 2021 г. (17,4 и 17,3 млрд долл.), а на ряде направлений даже заметно увеличился. В частности, импорт в Латинскую Америку российских удобрений вырос с 5,6 до 7,8 млрд долл., или на 39%. Почти вдвое возрос экспорт в Россию масличных культур, по этой позиции на долю региона пришлось 59% отечественного импорта. Кроме того, Латинская Америка обеспечила свыше 22% отечественного импорта фруктов, почти 27% кофе и молочных продуктов, 42% рыбы, 51% сахара и 96% мяса (ITC. Trade Map).

В страновом отношении в прошлом году товарооборот РФ вырос с Бразилией, Боливией, Гватемалой, Парагваем, Коста-Рикой и на сравнительно высоком уровне сохранился с Мексикой. При этом товарооборот с Бразилией вплотную приблизился к отметке в 10 млрд долл. и составил 57% всего объема российской торговли с регионом (см. таблицу 6 на с. 128).

Удачно для российских трейдеров нефтепродуктов начался нынешний год, отмеченный ростом поставок в ЛКА дизельного топлива. Например, если за весь 2022 г. экспорт этого продукта в Бразилию составил 74 тыс. т, то только в январе—марте 2023 г. данный показатель возрос до 663 тыс. т, то есть увеличился в 9 раз (Reuters 2023).

Но в контексте происходящих национальных и мировых хозяйственных трансформаций для РФ главным элементом актуальной повестки деловых связей с Латинской Америкой является продвижение на рынки региона отечественных

технологий и продукции высоких переделов. Факты свидетельствуют, что такие возможности у российского бизнеса имеются.

Таблица 6. Торговля РФ со странами ЛКА в 2021–2022 гг. (млн долл.)

Регион, страна	2021 г.			2022 г.		
	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот
ЛКА	12303	5139	17442	12524	4780	17304
В том числе:						
Аргентина	651	680	1331	249	498	747
Бразилия	5699	1587	7286	7852	1974	9826
Боливия	68	13	81	85	40	125
Гватемала	239	19	258	279	7	286
Колумбия	537	140	677	452	112	564
Коста-Рика	83	37	120	113	24	137
Мексика	2206	475	2681	2215	107	2322
Парагвай	62	153	215	73	356	429
Перу	192	642	834	96	405	501
Уругвай	100	115	215	119	74	193
Чили	623	216	839	443	91	534
Эквадор	575	1000	1575	357	1041	1398
Всего 12 стран	11035	5077	16112	12333	4729	17062
Доля в %	90,0	99,0	92,4	98,5	99,0	98,6

Источник: ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between Russian Federation and Latin America and the Caribbean. – https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

Сферой уже состоявшегося и перспективного сотрудничества, где у России есть конкурентные преимущества, является атомная отрасль. Госкорпорация «Росатом» давно держит Латинскую Америку в поле зрения. В Аргентине, Бразилии и Мексике работают АЭС, во многих странах региона созданы структуры, занимающиеся исследованиями в ядерной области и практическим использованием ядерных технологий и продуктов в различных секторах хозяйства. Правда, попытки «Росатома» совершить прорыв и получить подряды на строительство в ЛКА энергоблоков не увенчались успехом, но последние годы были отмечены рядом интересных и значимых коммерческих сделок.

Прежде всего это касается отношений с Бразилией. В начале декабря 2022 г. структура «Росатома» фирма Internexco и бразильская государственная компания Industrias Nucleares do Brasil заключили контракт на поставку обогащенной урановой продукции для АЭС Angra dos Reis на период 2023–2027 гг. Данное соглашение, в соответствии с которым российская сторона будет обеспечивать 100% потребностей бразильской атомной электростанции, стало первой подобного

рода сделкой с государством ЛКА. Вскоре после этого «Росатом» в рамках другого контракта поставил аппаратуру контроля нейтронного потока для научно-исследовательского реактора Центра ядерных исследований в бразильском городе Белу-Оризонти (Росатом 2022).

Положительные результаты приносит сотрудничество в области мирного атома с партнерами в Боливии. В этой стране во втором по величине городе Эль-Альто «Росатом» совместно с боливийским Агентством по атомной энергии строит Центр ядерных исследований и технологий, в рамках которого в марте 2023 г. начал функционировать уникальный для латиноамериканских государств комплекс по производству радиофармпрепаратов, предназначенных для лечения онкологических заболеваний. На церемонии открытия комплекса присутствовал президент Боливии Луис Арсе, подчеркнувший, что взаимодействие с Россией обеспечивает боливийскую экономику передовыми технологиями, востребованными не только в Боливии, но и в соседних странах ЛКА (Росатом 2023).

Приведем пример из другой высокотехнологичной отрасли — фармацевтической. Здесь показателен опыт совместного российско-никарагуанского предприятия по производству вакцин «Латиноамериканский институт биотехнологии Mechnikov», созданного одним из отечественных системообразующих предприятий фармацевтической и медицинской промышленности — Санкт-Петербургским научно-исследовательским институтом вакцин и сывороток (СПбНИИВС). Продвигая свою продукцию на фармрынки стран Латинской Америки (Венесуэлы, Гватемалы, Доминиканской Республики, Кубы, Никарагуа, Сальвадора), СПбНИИВС учредил Институт Mechnikov с целью сделать его биомедицинским хабом не только в плане реализации в регионе готовых российских препаратов, но и для выпуска в Никарагуа антигриппозных вакцин. В результате в настоящее время Институт Mechnikov является локальным производителем фармпродукции, никарагуанским юридическим лицом, что значительно упрощает его работу на латиноамериканских рынках.

Такого рода факты, а их число можно множить, говорят о том, что в Латинской Америке остается место для российского бизнеса, но парадигма экономического взаимодействия РФ и ЛКА не может быть чем-то застывшим во времени, а должна эволюционировать в унисон как с требованиями национальных (российских и латиноамериканских) интересов, так и под влиянием происходящих мирохозяйственных трансформаций.

* * *

Подводя итог, следует подчеркнуть, что наблюдаемые «в моменте» геоэкономические трансформации и структурные сдвиги уже оказали и еще окажут свое воздействие на положение России и Латинской Америки в мировой экономике и международной торговле, неизбежно вызовут изменения деловой среды, ускорят перезагрузку существующих национальных бизнес-моделей, адаптируя их к требованиям нового расклада сил.

В современных условиях, отмеченных ростом международной конкуренции, нередко «на грани фола», в контактах с латиноамериканскими партнерами необхо-

димо в приоритетном порядке учитывать возможности российских предприятий в отраслях, к которым властные круги и бизнес-сообщество Латинской Америки проявляют повышенный интерес. Помимо развития энергетики и ядерной медицины, первостепенную важность для стран региона представляют фармацевтика, цифровая трансформация экономики, модернизация горнодобывающей промышленности, освоение новых месторождений дефицитных видов сырья. Участие в этих проектах российского бизнеса — ключевая стратегическая задача, магистральный путь придания сотрудничеству с ЛКА ламинарного, упорядоченного режима.

Сейчас, как никогда, ощущается потребность в новаторских, «сильных идеях» о перспективах российско-латиноамериканских деловых связей, их развития в направлении экономического сближения. Необходимо готовиться к отходу от привычного внешнеторгового шаблона — преимущественного обмена сырьевыми и продовольственными товарами и делать акцент на торговлю промышленными изделиями, включая продукцию верхних переделов, и технологиями. В частности, страны Латинской Америки могли бы заменить часть товаров, которые Россия импортировала из государств Запада, а отечественным компаниям стоит внимательно присмотреться к потребностям ЛКА в российской продукции, лишившейся западных рынков.

И последнее. Экономическая политика стран Латинской Америки, в растущей степени развернутая в сторону соседних государств (nearshoring), требует от российского бизнеса «латиноамериканизироваться», глубже укорениться в хозяйственной системе региона, в том числе путем локализации производства и создания совместных предприятий с местными предпринимателями, а также образования консорциумов с компаниями дружественных стран Глобального Юга.

Библиография

Грамматчиков А. Логистический кризис: блокада или временная пробуксовка? // Эксперт. 2022. 14 марта / <https://expert.ru/expert/2022/11/logisticheskiy-krizis-blokada-ili-vremennaya-probuksovka/>

Давыдов В.М. Стратегическое партнерство в контексте российско-латиноамериканских отношений // Вестник Российской академии наук. 2016. № 4. С. 304–316.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // <https://www.mid.ru/tv/?id=1860586&lang=ru>

Кузнецов А.В. Методы оценки прямых российских инвестиций за рубежом // Экономическая наука современной России. 2018. № 4. С. 37–50.

Кузнецов А.В. Прямые инвестиции из России в страны Латинской Америки // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 3. С. 254–269.

Роматом. Росатом направил в Бразилию аппаратуру контроля нейтронного потока для исследовательского реактора IPR-R1. 2022. 13 декабря // https://rosatom.ru/journalist/news/rosatom-napravil-v-braziliyu-apparaturu-kontrolya-neytronnogo-potoka-dlya-issledovatel'skogo-reaktora/?sphrase_id=4173879

Росатом. В Боливии начал работать комплекс по производству радиофармпрепаратов, построенный Росатомом. 2023. 10 марта // https://rosatom.ru/journalist/news/v-bolivii-nachal-rabotat-kompleks-po-proizvodstvu-radiofarmpreparatov-postroenny-rosatomom/?sphrase_id=4174032

Топ-20 мировых экспортеров продовольствия // <https://agrotrend.ru/news/27772-poyavilsya-reyting-stran-eksporterov-prodovolstviya/>

Щетинин А.В. Латинская Америка — неизменно важное направление внешней политики России // Латинская Америка. 2019. № 7. С. 40 – 60.

Яковлев П.П. Мегатренды развития Латинской Америки и экономические интересы России // Латинская Америка. 2023. № 6. С. 6–21.

Яковлев П.П. Россия — Латинская Америка: стратегия прорыва на рынки несырьевой продукции // Латинская Америка. 2017. № 12. С. 15–28.

Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка: константы и переменные торгово-экономических отношений // Контуры глобальных трансформаций. 2021. Т. 14. № 3. С. 209–226.

Яковлев П.П. Экономика Латинской Америки на старте цифровой модернизации // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Том 66. № 3. С. 110–118.

Argentina presentó un reclamo en la OMC contra los Estados Unidos // Página/12. 2023. May 27.

BID. El BID aprueba préstamo de US\$400 millones para impulsar industria de hidrógeno verde en Chile. 2023. Jun. 7 // <https://www.iadb.org/es/noticias/el-bid-aprueba-prestamo-de-us400-millones-para-impulsar-industria-de-hidrogeno-verde-en>

Cabrera Fuster J.L. Geo-economía, nuevas guerras e impacto en inversiones // America Economia. 2023. Mar. 29 // <https://www.americaeconomia.com/node/272798>

Cleverly J. 2023 Speech at the Gabriela Mistral Cultural Centre in Santiago, Chile. 2023. May 22 // <https://www.ukpol.co.uk/james-cleverly-2023-speech-at-the-gabriela-mistral-cultural-centre-in-santiago-chile/>

Duarte A., Arvizu D., Arriagada A. The rise of the multilatinas company // Ragan PR Daily. 2022. Jul. 13 // <https://www.prdaily.com/the-rise-of-the-multilatina-company/>

Ecuador y Perú acuerdan la construcción de una superautopista eléctrica a 500.00 voltios // America Economia. 2023. Jun. 27 // <https://www.americaeconomia.com/negocios-e-industrias/ecuador-y-peru-acuerdan-la-construccion-de-una-superautopista-electrica>

Embraer acata las sanciones contra Rusia // <https://www.airline92.com/industria-aeronautica/embraer-acata-las-sanciones-contra-rusia>

European Commission. Commission presents Global Gateway investment Agenda with Latin America and Caribbean. 2023. Jul. 17 // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_3863

European Commission. Global Gateway: EU and Argentina step up cooperation on raw materials. 2023. Jun. 13 // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_3217

Gobierno de Brasil quiere negociar un TLC “ambicioso” con México // Lado. 2023. Apr. 4. // <https://lado.mx/noticia.php?id=12767939>

Goldfajn I. América Latina es parte de la solución a los grandes desafíos globales // El País. 2023. Jul. 16.

IBGE. Em maio, IBGE prevê safra de 305,4 milhões de toneladas para 2023. 2023. Jun. 13 // <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/agencia-sala-de-imprensa/2013-agencia-de-noticias/releases/37134-em-maio-ibge-preve-safra-de-305-4-milhoes-de-toneladas-para-2023>

ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral trade between Latin America and Caribbean and Russian Federation // <https://trademap.org/Index.aspx>

Latin America is set to become a major oil producer this decade. // The Economist. 2023. Jul. 11 / <https://www.economist.com/the-americas/2023/07/11/latin-america-is-set-to-become-a-major-oil-producer-this-decade>

Lula's ambitious plans to save the Amazon clash with reality // The Economist. 2023. Jun. 13 / <https://www.economist.com/the-americas/2023/06/13/lulas-ambitious-plans-to-ave-the-amazon-clash-with-reality>

Oferta exportable no tradicional chilena obtiene récords históricos en primer semestre // America Economía. 2023. Jul. 13 // <https://www.americaeconomia.com/economia-y-mercados/oferta-exportable-no-tradicional-chilena-obtiene-records-historicos-en-primer>

Panorama energético de América Latina y el Caribe 2022. Quito: OLADE, 2022. 423 p.

Paulon Girardi E. Brasil potência agrícola: dinâmicas recentes, projeções, contradições e fragilidades (2006–2029) // Confins. 2022. No 54 / <https://journals.openedition.org/confins/44608>

Penelli S.D. Embajador argentino en Beijing pide a China que financie los US\$8.300 millones para Atucha III // Ámbito. 2023. Apr. 25.

Politico: Latin American countries will not help Kyiv and impose sanctions against Russia. 2023. May 24 // <https://en.news-front.info/2023/05/24/politico-latin-american-countries-will-not-help-kyiv-and-impose-sanctions-against-russia/>

Reuters. Russia boosts diesel exports to Latin America since EU embargo. 2023. Apr. 10 // <https://www.reuters.com/business/energy/russia-boosts-diesel-exports-latin-america-since-eu-embargo-2023-04-10/>

Rystad Energy. Argentina's Vaca Muerta shale patch could produce 1 million bpd in 2030, but hurdles remain. 2023. Jun. 1 // <https://www.rystadenergy.com/news/argentina-s-vaca-muerta-shale-patch-could-produce-1-million-bpd-in-2030-but-hurdle>

The green revolution will stall without Latin America's lithium // The Economist. 2023. May 2 / <https://www.economist.com/the-americas/2023/05/02/the-green-revolution-will-stall-without-latin-americas-lithium>

Tierras raras, otro insumo clave para la electromovilidad que puede replicar el caso de éxito del litio en Chile // America Economía. 2023. Jun. 5 / <https://www.americaeconomia.com/analisis-y-opinion/tierras-raras-otro-insumo-clave-para-la-electromovilidad-que-puede-replicar-el>

Venezuela e Irán profundizan su relación y firman 25 nuevos acuerdos bilaterales // America Economía. 2023. Jun. 13 / <https://www.americaeconomia.com/economia-y-mercados/venezuela-e-iran-profundizan-su-relacion-y-firman-25-nuevos-acuerdos>

What does China want from Latin America and the Caribbean? // The Economist. 2023. Jun. 15 / <https://www.economist.com/the-americas/2023/06/15/what-does-china-want-from-latin-america-and-the-caribbean>

Xinhua Español. Brasil quiere convertirse en un centro de producción de baterías de litio para cadena de fabricación automotora. 2023. Jun. 16 // <https://spanish.news.cn/20230616/e92a29c41f6b4dd89354302bf719ad85/c.html>

Обзор круглого стола «Санкции против России: последствия для мировой экономики»

11 апреля 2023 г. в рамках XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества прошел круглый стол на тему «Санкции против России: последствия для мировой экономики», организованный департаментом мировой экономики НИУ ВШЭ. С докладами выступили представители ведущих российских научно-исследовательских центров в области мировой экономики. Участники мероприятия обсудили проблемы развития мировой экономики в условиях санкционного давления на Россию и возможные пути их решения.

* * *

Круглый стол открыл руководитель департамента мировой экономики **И.А. Макаров**, который отметил высокую актуальность темы санкций и проведение в связи с этим большого числа дискуссий, в том числе в рамках Апрельской конференции. Игорь Алексеевич обозначил фокус мероприятия: влияние санкций не на российскую, а на мировую экономику, их роль в тех турбулентных процессах, которые сейчас наблюдаются, — повышении процентных ставок в ведущих странах мира, взлете инфляции, росте энергетических и продовольственных цен, банковском кризисе в США и Западной Европе.

Первый доклад на тему «Санкции в отношении России: вызовы и возможности» был представлен директором Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли **А.Ю. Кнобелем**. Эксперт прежде всего отметил, что санкции не являются новшеством ни последнего десятилетия, ни даже XX в. и всегда представляли собой альтернативу военным действиям. На вопрос, могут ли современные санкции в отношении России ударить по мировому рынку, следует дать положительный ответ: да, могут. Россия играет важную роль в мировой экономике: обладает большими золотовалютными резервами, является крупнейшим игроком на рынках нефти, газа, ядерного топлива, продовольствия. Ограничения на данные российские товары, безусловно, окажут влияние на мировые цены и на макроэкономическую ситуацию в глобальном масштабе.

В ходе выступления докладчик предложил методологически рассматривать текущие санкции как часть большой истории, выражающейся в росте ограничений и противоречий в международной торговле в течение последних десятилетий. Это нарастание протекционизма, торговые войны, проблемы цифровизации, активизация переговоров по климату, реконфигурация глобальных цепочек поставок, геополитический кризис. Охват санкций в отношении России очень широк — финансовый сектор, транспорт, торговля, энергетический сектор, персональные

санкции. В контексте влияния на мировую экономику следует выделить торговые санкции как наиболее значимые. Отдельно Александр Юрьевич остановился на вопросе критичности российского импорта, попавшего под санкции, и сложностях его полного замещения продукцией из нейтральных стран. По оценкам эксперта и его коллег, составивших прогноз развития внешней торговли России, в ближайшие годы в стране будет наблюдаться небольшое восстановление импорта и сокращение экспорта. Восстановить экспорт до уровня 2022 г. в стоимостном выражении Россия к 2030 г. не сможет.

В заключение докладчик выделил два типа реакции на сложившуюся ситуацию: краткосрочную и долгосрочную. Краткосрочная реакция состоит в переориентации внешнеэкономической деятельности с целью адаптации к текущей реальности. Долгосрочный трек — это развитие внешнеэкономического интеграционного взаимодействия, заключающееся в поиске дополнительных источников роста торговли и экономического роста за счет более глубокой интеграции со странами ближнего и нейтрального дальнего зарубежья.

А.В. Кузнецов, директор Института научной информации по общественным наукам РАН, в своем докладе открыл дискуссию о влиянии санкций против России на мировые потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Докладчик подчеркнул, что точные статистические оценки могут быть сделаны не ранее 2025 г., в то время как оперативные данные за 2022 г. и даже 2023 г. могут отражать воздействие конъюнктурных факторов, не связанных непосредственно с конфликтом на Украине и санкциями.

С одной стороны, доля РФ в накопленных экспортированных иностранных инвестициях невысока и составляет около 1% от мировых. С другой стороны, это результат роста практически с нуля за 30 лет, а по текущему экспорту ПИИ Россия нередко входила топ-10 стран мира, что свидетельствует о ее значимой роли. Все исследователи единодушны в том, что события на Украине, равно как рост цен на продовольствие и энергоресурсы, который отчасти связан с ними, не могли бесследно пройти для ПИИ. При этом российская ситуация 2022 г. уникальна. Ранее конфискация активов происходила в двух случаях, и ни один не подходит для текущей ситуации: (1) конфискующая страна испытала внутрисполитические катаклизмы (революция, гражданская война и др.) и (2) благополучные страны проводили конфискацию активов в случае уверенности, что страна-противник будет уничтожена или капитулирует в войне.

Причины решимости стран Запада пойти на рискованные действия по конфискации российских активов состоят, во-первых, в том, что вся мировая система страхования инвестиций построена так, что все страны ЕС являются фактически неподсудными (застраховать можно только экономические, но не политические риски). Во-вторых, ожидалась агрессивная реакция российских олигархов на конфискацию активов, вплоть до попыток государственного переворота. Кроме того, Запад недооценил экономический потенциал России и не верил в способность политической элиты России пойти на прямой конфликт.

Алексей Владимирович подчеркнул, что российский бизнес потерял действительно много. Еще с 2014 г. резко ухудшились возможности внешнего заимст

ния для обеспечения экспансии российских компаний, в результате Россия выпала из числа лидеров по экспорту ПИИ. Некоторые компании потеряли статус транснациональных корпораций. В 2022 г. добавились 100%-е потери активов на Украине и конфискация активов в странах Запада. Оценить значение этой конфискации российских активов для мировой экономики пока сложно — важна долгосрочная позиция России по этому вопросу. Докладчик предлагает после завершения активной фазы противостояния по Украине прикладывать максимальные усилия по изменению правил международной оценки и страхования инвестиционных рисков: сначала на уровне ЕАЭС, потом стран БРИКС, далее последовательно вовлекать другие страны Азии и Африки. Следует ускорять разворот внешнеэкономических связей России на глобальный Юг, особенно в сфере ПИИ. Что касается Европы, то она пока не задумывается о долгосрочных последствиях, однако, действия в отношении российского бизнеса ударят по ее инвестиционной репутации в глазах и арабских стран, и Китая, и некоторых африканских стран.

Доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ **А.В. Подругина** открыла дискуссию о роли санкций в мировых инфляционных процессах. В последние несколько десятилетий, начиная с 1990-х, а особенно после глобального экономического кризиса, глобальная экономика жила в периоде низкой инфляции. Кривая Филлипса стала более плоской, то есть даже значительное увеличение денежной массы не приводило к увеличению инфляции. Среди причин такого явления Анастасия Викторовна выделила переход большинства центральных банков развитых стран к политике таргетирования инфляции, глобализацию, ускорение технологического развития, структурные изменения на рынке труда.

Однако после пандемии COVID-19 инфляция начала расти. Основные причины — это как шоки со стороны спроса, вызванные экстрематской монетарной политикой и значительным фискальным стимулом в развитых экономиках, так и шоки со стороны предложения — нарушенные производственные цепочки, логистические трудности. Российско-украинский конфликт и последовавшие за ним санкции оказывают дополнительное инфляционное давление за счет роста цен на энергоносители и продовольствие, нарушение логистических цепочек в Европе. В результате развитые страны переходят в режим высокой инфляции — принципиально новое равновесие экономики с более высокими темпами роста цен. Инфляция становится более волатильной, рост цен в разных секторах экономики оказывается скорректирован, инфляция приобретает более инерционный характер. Таким образом, мир вышел из экономической реальности низких процентных ставок и низкой инфляции в новую экономическую реальность с высокими темпами инфляции и с высокими ставками.

Докладчик отметила, что в условиях высокого уровня долга, в особенности суверенного, перед центральными банками сегодня встает вопрос выбора между ценовой стабильностью и финансовой стабильностью. В период низкой инфляции, особенно после глобального финансового кризиса, мягкая монетарная политика поддерживала и ценовую, и финансовую стабильность. В режиме высокой инфляции меры, направленные на поддержание ценовой стабильности, вступают в противоречие с мерами, направленными на поддержание финансовой стабиль-

ности. В кризисной ситуации финансовая стабильность выходит на первый план, и МВФ рекомендует центральным банкам в первую очередь сохранять финансовую стабильность, оберегать экономики от системных рисков.

Научный руководитель департамента мировой экономики профессор **Л.М. Григорьев** в своем выступлении сделал попытку представить, как могла бы выглядеть мировая экономика в отсутствие санкций. Докладчик подчеркнул, что современные санкции вводились быстро, разрабатывались неспециалистами и зачастую неграмотно при совершенно неправильных представлениях о потенциале российской экономики. Важно даже не то, по какому поводу вводились санкции, а то, почему они не работали, и это придется оценивать.

По мнению докладчика, в мире от санкций выиграли (1) некоторые экспортеры нефти и других товаров за счет стабилизации цен, (2) страны, начавшие перерабатывать российскую нефть, (3) все чиновники мира, специализирующиеся на ограничениях и инструментах контроля, и (4) посредники в мировой торговле — в результате ее реструктуризации и изменения товарных потоков. В итоге вместо либеральной экономики образовалась экономика ограничений и бюрократии.

В заключение своего выступления Леонид Маркович вернулся к теме предыдущего доклада, посвященного инфляции. Согласившись, что вопрос о том, что санкции задержали падение цен на энергию, является спорным, он отметил, что на фоне нервозности период высоких цен продлился бы до осени. Следует смотреть не на ежемесячную динамику инфляции, а на накопленную инфляцию. Осенью 2022 г. начинают включаться трудовые договоры, активизируются профсоюзы, и в результате запускается классический механизм роста цен. То есть без санкций рост цен и рост процентных ставок были бы меньше.

С заключительным докладом, предварившим дискуссию участников круглого стола, выступил **В.А. Кулагин**, заведующий отделом исследования энергетического комплекса мира и России Института энергетических исследований РАН. В отношении последствий санкций и их влияния на рост цен на энергоносители докладчик призвал не отделять санкции от геополитики. Геополитически-санкционная премия к ценам возникает в Европе, например, как следствие наполнения подземных хранилищ газа, что является инструментом страхования рисков, который ранее не требовался, а теперь приводит в итоге к росту цен для потребителей. Аналогичная ситуация происходит с избыточной регазификацией и строительством новых терминалов. Другими важными группами вновь возникших издержек являются затраты на модернизацию переработки в результате смены поставщиков, переход к более дорогому предложению энергоресурсов и неоптимальные маршруты их поставок. Одновременно для мировой и европейской экономики более важным становится погодный фактор. Переход на возобновляемые источники и возможные остановки в их работе при неблагоприятных погодных условиях содержат очень много рисков в условиях отсутствия замещающих и стабилизирующих поставок. Все это в совокупности приводит к росту цен как на европейском, так и мировом рынке. Отдельно докладчик остановился на факторе ослабления влияния западных энергетических компаний на топливных рынках в связи со снижением доверия к ним и в результате экологической политики стран

их регистрации. В свою очередь энергетические компании развивающихся стран, в первую очередь Китая, стараются перейти к полному контролю «от скважины до потребителя». Кроме того, стали появляться альтернативные центры развития технологий. Здесь показателен опыт Ирана, который освоил производство турбин. Таким образом, происходит формирование мощного инвестиционного потенциала за пределами ОЭСР, финансовые ресурсы и технологии появляются у других игроков, и необходимость в западных нефтегазовых компаниях снижается. Эксперт также коснулся вопроса высокой волатильности цен на энергоресурсы, ожидая ее усиления. Одновременно в условиях дисбалансов на рынках энергоносителей происходит достаточно серьезный рост инвестиций в углеводороды.

Завершая доклад оценкой последствий происходящих изменений для мировой экономики, докладчик отметил, что для отдельных отраслей, особенно европейских, наступают сложные времена. Тяжелый период также начинается для беднейших стран, сталкивающихся с дорогими энергоносителями при нехватке финансовых ресурсов. В целом энергия станет дороже для потребителей. В условиях массового инвестирования, которое происходит сегодня, уже через два-три года можно ожидать профицит предложения на энергетических рынках и, как следствие, провал цен. Еще одним важным следствием текущей трансформации энергетических рынков является то, что помимо геополитически-санкционной ценовой премии возникает еще геополитически-санкционная CO₂-надбавка в результате неоптимальной логистики, увеличивающей транспортное плечо и расход топлива.

Круглый стол завершился оживленной дискуссией. Модератор мероприятия И.А. Макаров провел раунд блицвопросов к докладчикам, участники и гости обсудили наиболее важные и чувствительные детали последствий санкций для российской и мировой экономики.

Клочко Ольга Александровна

к.э.н., доцент, заместитель руководителя
департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

Наши авторы

Алиев Тимур Мамедович — к.э.н., старший научный сотрудник Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли.

Бондаренко Ксения Андреевна — старший преподаватель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

Васильев Владимир Сергеевич — д.э.н., главный научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Восканян Мариам Амбарцумовна — д.э.н., доцент, заведующая кафедрой экономики и финансов Института экономики и бизнеса Российско-Армянского университета (Ереван).

Гурвич Евсей Томович — руководитель Экономической экспертной группы, старший научный сотрудник Научно-исследовательского финансового института.

Живалов Владимир Николаевич — д.э.н., аналитик Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли.

Клочко Ольга Александровна — к.э.н., доцент, заместитель руководителя департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

Хуршудян Сусанна Ервандовна — бакалавр, кафедра экономики и финансов Института экономики и бизнеса Российско-Армянского университета (Ереван).

Чимирис Екатерина Сергеевна — к.п.н., руководитель Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ.

Яковлев Пётр Павлович — д.э.н., главный научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, главный научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН, профессор кафедры международного бизнеса РЭУ им. Г.В. Плеханова.